

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2019

№ 3

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Московский государственный университет, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Московский государственный университет, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США
Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция
Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия
де Грааф Тьегерд, университет г. Гронинген, Нидерланды
Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США
Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия
Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия
Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия
Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия
Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия
Лбова Людмила Валентиновна, Новосибирский государственный университет, Россия
Мамонтова Надежда Александровна, Оксфордский университет, Великобритания
Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия
Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция
Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия
Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания

Секретарь: *Альбина Глущенко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Елена Карагеоргий*, Томский государственный университет, Россия; Оксфордский университет, Великобритания

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.
E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Moscow State University, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Moscow State University, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Far East Federal University, Russia

Lbova, Lyudmila, Novosibirsk State University, Russia

Mamontova, Nadezhda, University of Oxford, UK

Miskova, Elena, Moscow State University, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Elena Karageorgii*, Tomsk State University, Russia; University of Oxford, UK

СОДЕРЖАНИЕ

МИГРАНТЫ В РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОПТИКИ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА

Кожановский А.Н. «Европейский миграционный кризис» и Испания	6
Любарт М.К. Национальная идентичность и миграционный фактор в современной Франции	26
Фаис-Леутская О.Д. Мигранты и странноприимность Сицилии сегодня	49
Джанызакова С.Д. «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска)	72
Брызгина Д.Е. «Этнические» рынки в системе транспортных коммуникаций Иркутска: конструирование и трансформация городского пространства	87

MISCELLANEA

Немировский А.А. Нерога и Нелога: еще раз об одной географической загадке в сообщениях юкагирских аманатов XVII в.	101
Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Пестряков А.П., Рассказова А.В. Антропологическая реконструкция облика айнов и их положение в панойкуменной системе краниотипов мозгового черепа	115
Казаков В.В., Симухин А.И., Ковалев В.С., Марнуев П.Е., Намсараев Д.В., Лбова Л.В. Тамчинский оленный камень: опыт документирования мегалитических объектов	141

РЕЦЕНЗИИ

Пушин А.А. Как изучать глобальные религиозные движения?	168
Трынкина Д.А. Культурная биография викторианской грязи	174
Бородулина А.С. Экстрактивизм и сопротивление	180
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	186
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	190

CONTENTS

MIGRANTS IN RUSSIA AND WESTERN EUROPE. ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVES ON THE PHENOMENON

Kozhanovskiy A.N. Spain and the 'European migration crisis'	6
Lyubart M.K. National identity and immigration in modern France	26
Fais-Leutskaya O.D. Migrants and hospitality in Sicily	49
Dzhanyzakova S.D. The 'here' and 'there' in Kyrgyz migrant stories: the case of Tomsk, Russia	72
Bryazgina D.E. 'Ethnic' markets in the transport system of Irkutsk: construction and transformation of the urban space	87

MISCELLANEA

Nemirovskiy A.A. Neroga and Neloga: revisiting the geographical riddle of the 17 th century Yukaghir accounts	101
Veselovskaya E.V., Grigorieva O.M., Pestryakov A.P., and Rasskazova A.V. Anthropological reconstruction of the Ainu appearance and their position in the pancumenous system of the brain skull craniotypes	115
Kazakov V.V., Simukhin A.I., Kovalev V.S., Marnuev P.E., Namsaraev D.V., and Lbova L.V. The Tamchinskiy deer stone: documenting megalithic objects	141

REVIEWS

Pushin A.A. How to study global religious movements?	168
Trynkina D.A. Cultural biography of Victorian dirt	174
Borodulina A.S. Extractivism and resistance	180

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	186
--	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	190
--------------------------------------	-----

МИГРАНТЫ В РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОПТИКИ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА

УДК 394

DOI: 10.17223/2312461X/25/1

«ЕВРОПЕЙСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС» И ИСПАНИЯ*

Александр Николаевич Кожановский

Аннотация. В статье рассматриваются особенности Испании как страны массовой иммиграции на рубеже XX–XXI вв. На фоне большинства других европейских государств, принимающих на своей территории многочисленных «трудовых» иммигрантов и беженцев, испанское общество выделяется высоким уровнем лояльности и солидарности по отношению к приезжим. Такая позиция, как и ее устойчивость на протяжении последних десятилетий, представляется многим исследователям необычной и даже аномальной, поскольку противоречит целому ряду объективных факторов и обстоятельств. Автор, на основании данных исследований испанских коллег, материалов испанских СМИ и собственных полевых наблюдений, показывает, что преобладающее в испанском обществе и кажущееся нелогичным отношение к массовой иммиграции (в частности к так называемому европейскому миграционному кризису 2015 г.) определяется главным образом доминирующей в стране идеологией. Содержание этой идеологии и высокая степень ее влияния на общественное сознание стали следствием уникальных по значению событий в развитии страны, означавших переход из одной эпохи ее истории в другую.

Ключевые слова: Испания, историческое своеобразие, массовая иммиграция, беженцы, кризис, общественное сознание, либеральная идеология, солидарность, ксенофобия, уникальность

Введение

Как известно, в 2015 г. резко увеличился направляющийся в пределы Евросоюза поток беженцев извне – прежде всего с Ближнего Востока, из Сирии, охваченной гражданской войной, а также из ряда других «неблагополучных» государств «третьего мира». В тот год в соответствующие службы стран ЕС было подано 1 257 030 прошений о предоставлении международной защиты, тогда как годом ранее – 562 680, а в

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

2013 г. – 372 855 (Iglesias, Fanjul, Manzanedo 2016). Лавинообразное, во многом хаотичное вторжение в ЕС с юго-востока многих сотен тысяч соискателей статуса беженца, дальнейшее их перемещение из одной страны в другую, трудности и конфликты на этом пути и при размещении в пунктах приема, споры и разногласия при распределении ответственности за их обустройство и оформление их статуса среди государств – членов Союза, а также усложнение картины межкультурных контактов и отношений между «пришельцами» и «туземцами», рост антииммигрантских настроений и усиление на этом фоне партий и движений правого и националистического толка в некоторых европейских странах, подогреваемые опасениями, что вновь прибывшие дестабилизируют рынок труда и подорвут систему благосостояния, вкупе с явной неспособностью правящих структур оперативно и адекватно решить многие из вдруг возникших или усугубившихся проблем, – все это буквально потрясло общественно-политическую жизнь в европейском регионе и создало у тех, кто наблюдал за происходящим, ощущение «второго великого переселения народов», захлестнувшего Европу и сравнимого едва ли не с «великим переселением» IV–VII вв. н.э. по своим масштабам и потенциальным последствиям. Восприятие событий, порожденных «сирийской волной» беженцев, как «европейского миграционного кризиса», способствовавшего обострению социально-культурной и социально-политической ситуации, многим комментаторам представляется само собой разумеющимся.

Между тем, если мы в этом контексте обратимся к Испании, то обнаружим уже в среде местных исследователей «мигрантской проблематики» совсем иное отношение к названным выше событиям, и прежде всего отказ трактовать их как «кризис». При этом они признают несостоятельность так называемой европейской системы приема беженцев, которая, как выяснилось, была рассчитана только на обычный ход событий, а в чрезвычайных обстоятельствах, т.е. при значительном увеличении потока просителей международной защиты, сразу забуксовала практически во всех своих звеньях, что и породило сумятицу и растерянность в административных структурах европейских стран на какое-то время. Но вопреки широко распространившемуся алармистскому восприятию «сирийской волны» испанские аналитики указывают, что, во-первых, из общего количества беженцев в мире в 2015 г., составившего 21,3 млн чел., Евросоюз принял только 4,18%, а во-вторых, на территории ЕС беженцы оказались лишь малой частью той общей массы иммигрантов, в большинстве «экономических», или «трудовых», которые непрерывно, год за годом, прибывают сюда из других регионов мира (Iglesias, Fanjul, Manzanedo 2016).

И данная позиция испанских исследователей в общем соответствует доминирующим настроениям в испанском обществе последних десяти-

летий. В ней своеобразно отражается специфика Испании в контексте глобальных демографических перемещений рубежа XX–XXI вв. в целом, и некоторые проявления этой специфики, как и причины ее возникновения, заслуживают внимания тех, кто анализирует текущие процессы общественно-культурного развития в мире.

«Иммигрантская история» Испании

На протяжении жизни многих поколений привычным явлением для Испании, накопившей к концу прошлого столетия большое отставание от своих более передовых в экономическом и социально-политическом смысле соседей, была эмиграция – постоянный, год за годом, отъезд части жителей страны, на время или навсегда, в другие страны и на другие континенты, в поисках лучшей доли и лучших заработков. Однако во второй половине 1970-х гг. вектор развития здесь сменился, и очень резко. Казавшийся неколебимым авторитарный политический режим каудильо Франко подвергся демонтажу, в стране развернулись радикальные и всесторонние либерально-демократические реформы, призванные наверстать упущенное и обеспечить интеграцию в Европейское экономическое сообщество (предшественник Евросоюза). По сути дела, Испания на протяжении жизни всего одного поколения перешла из одной эпохи своей истории в другую. Одним из результатов этого всеобъемлющего перехода стало значительное повышение уровня общественного благосостояния, следствием чего, в свою очередь, оказалось изменение привычного направления внешних миграций на прямо противоположное: на смену тающей эмиграции испанцев с 1980-х гг. пришла быстро возрастающая иммиграция чужестранцев. В исторически очень короткие сроки и вопреки устоявшейся традиции на территории Испании осело множество лиц обоего пола, приехавших с разных концов света, чтобы жить и работать здесь. Их общее количество к середине 2010-х гг. оценивается в 7 млн человек (Ortega Dolz, Domínguez 2016), а доля в населении – в 15% и более, особенно с учетом родившегося уже в Испании потомства. Сама же страна вошла в число мировых лидеров по приему иммигрантов на своей земле (Abella Vázquez 2002; Conejero Paz 2012).

Неудивительно, что на таком фоне испанские авторы определенно не склонны придавать сколько-нибудь серьезное значение последствиям так называемого европейского миграционного кризиса для их страны, особенно в сравнении с теми проблемами, которые возникли в Испании в связи с массовой иммиграцией сюда как таковой.

Последняя, как уже отмечалось выше, имела в своем подавляющем большинстве трудовой характер. Развитие страны после падения диктатуры неуклонно набирало темп, что дало основание в конце XX в. говорить об экономическом буме в Испании, а о десятилетии, начиная с

1998 г., – даже как о «чудесном» или «золотом» (Rinken et al. 2011; El proceso... 2015). При этом преобладающими в испанской экономике оставались сектора со сравнительно низкой производительностью труда (строительство, сфера услуг, сельское хозяйство). Их рентабельность и конкурентоспособность обеспечивались прежде всего интенсивным использованием дешевой рабочей силы, которой на волне экономического подъема требовалось все больше, – тогда как среди испанских граждан, материальный уровень жизни которых заметно повысился, с каждым годом становилось все меньше желающих заниматься непрестижными, малоквалифицированными и относительно малооплачиваемыми видами деятельности. В этой ситуации в Испании сложился своего рода консенсус властей и общества в позитивной оценке массовой иммиграции как необходимого трудового ресурса для дальнейшего поддержания экономического роста и социального благосостояния (Rinken 2015).

Но, как представляется, еще более важным обстоятельством, обеспечившим в целом благоприятный общественный настрой в отношении сотен тысяч и миллионов чужеземцев, отличавшихся от местных жителей языком, культурой, религией, фенотипом и т.д., стали уже произошедшие в контексте перехода от авторитаризма к либерально-демократическим нормам и продолжающие происходить изменения в доминирующей общественной идеологии. Ведь в Испании, в силу исторических особенностей ее развития, большое влияние на сферу социальных отношений, ценностных установок и поведенческих норм всегда оказывала традиция – как мирская, социально-бытовая, так и церковная. Среди прочего первая из них ориентировала на единство и солидарность с «земляками» и, напротив, соперничество с «чужаками» (в самом широком смысле, т.е. с жителями другого квартала, другого селения, провинции, региона и пр., не говоря уже об иностранцах). В свою очередь церковная традиция культивировала отчужденность от верующих иных конфессий, нежели католическая, опираясь при этом на историческую память о многовековом противостоянии с маврами-мусульманами, завершившемся изгнанием с территории Пиренейского полуострова всех приверженцев ислама и иудаизма. В том же духе – отчужденности или по крайней мере настороженности по отношению к иностранцам как потенциальным носителям враждебных или вредных для «истинно испанских» ценностей начал – велась официальная пропаганда просуществовавшего здесь без малого 40 лет авторитарного режима, рисовавшая испанцам их страну как «остров духовности» и «оплот христианства» среди моря пороков и грехов, в которых погряз остальной мир. Ну и, наконец, свою роль в исходно отстраненном восприятии чужеземцев играло то, что, как уже упоминалось выше, таковых просто не было в стране в сколько-нибудь заметном количестве вплоть до конца XX столетия (со времен изгнания поколениями

живших здесь «иноверных» мусульман и иудеев). Соответственно, опыта постоянной совместной жизни с такими «чужаками» у подавляющего большинства местного населения не было уже несколько веков.

Однако когда ситуация резко изменилась, этот накопленный столетиями, очевидно негативный, даже чреватый конфликтом по отношению к «чужеродным» пришельцам, идеологический и психологический потенциал не сработал так, как этого, казалось бы, можно было ожидать. Напротив, общий настрой жителей Испании в связи с начавшейся массовой трудовой иммиграцией в их страну оказался даже более позитивным в отношении приезжих, нежели в большинстве других стран Евросоюза, включая и те, которые имеют уже долговременный «иммигрантский» опыт. Представляется, что дело здесь не в упомянутом выше прагматизме (осознанном или подспудном) и не в природном великодушии испанцев – точнее, не только в этом.

Новая эпоха испанской истории и трансформация общественного сознания

Обрушение авторитарного и консервативного франкистского режима и становление либерально-демократического устройства естественным образом сопровождалось столь же радикальной ломкой прежних, показавших свою несостоятельность, политико-идеологических и ценностно-мировоззренческих установок в пользу принципиально иных, соответствующих новой эпохе испанской истории. Поскольку основной идеей в ходе испанской «перестройки» рубежа 1970–1980-х гг. была идея «европеизации», т.е. усвоения образцов, характерных для «передовых» западноевропейских стран, и интеграции с ними в единое политико-экономическое пространство с целью скорейшего преодоления отсталости и ради консолидации испанского общества, обладавшего тогда серьезным внутренним конфликтным потенциалом, фактически доминирующей идеологией здесь стала идеология либеральная, в той ее форме, которая возобладала к тому времени в ведущих странах «референтной» для Испании Объединенной Европы. С той поры и уже несколько десятилетий между всеми сколько-нибудь влиятельными общественно-политическими силами страны действует негласная договоренность, исключающая критику «европейских устремлений» Испании и политики Евросоюза. Как отмечено многими экспертами и подтверждено социологическими опросами, испанцы находятся в числе так называемых еврооптимистов, т.е. тех граждан ЕС, кто в наибольшей степени демонстрирует свою приверженность «европейской интеграции» (González Enríquez 2017) и стремление к глубокому и последовательному усвоению так называемых европейских ценностей, что для большинства жителей страны ассоциируется с успешным развитием в правильном направлении.

Соответственно, обратной стороной данного процесса стал масштабный отказ от важнейших постулатов еще недавно господствовавшей ценностно-мировоззренческой системы. Для нашей темы важно отметить в этом ряду фиксируемый многими как внутренними, так и внешними наблюдателями своего рода общественно-политический и исторический «комплекс неполноценности» местных граждан, связанный с критическим или прямо негативным отношением к «мрачному» и «реакционному» прошлому своей страны и доходящий в некоторых секторах общества до неприятия официальной символики и даже самого слова «Испания» (якобы дискредитированного франкистами), вместо которого стало принято использовать термин «Испанское государство» (Rengel 2017). Более того, соцопросы вплоть до последнего времени показывают, что оценка испанцами в целом самих себя и своей страны ниже, нежели оценка их иностранцами; социологи фиксируют продолжающееся снижение уровня идентификации себя жителями Испании с испанской культурой и даже с испанским языком, а также то, что чувство их приверженности к своим согражданам ниже, чем в среднем по Европейскому союзу (González Enríquez 2017).

Другим важным изменением испанской жизни периода либерализации стала утрата церковью прежней власти над умами и сердцами испанцев – как результат обвальной секуляризации испанского общества (Bericat Alastuey 2009). Новое постфранкистское законодательство упразднило статус государственной религии, которым до той поры монопольно обладал католицизм, и провозгласило право на свободу вероисповедания, равенство приверженцев всех религий (равно как и неверующих) перед лицом закона, непризнание ни за одной из конфессий официального характера.

На этом фоне «европейские» ценностные нормативы и идеологические постулаты обычно получают здесь поддержку со стороны властных структур всех уровней и большей части партийно-политического спектра, наиболее влиятельных социальных слоев, ведущих СМИ, системы образования. Они в значительной степени определяют общественную атмосферу, отторгающую не соответствующие ей представления и нормы как маргинальные: «отжившие», «архаичные», «реакционные». Признаться в приверженности последним, будь то публично или перед самим собой – значит отождествить себя с «консерваторами», «мракобесами», «франкистами» и другими подобными категориями и тем самым вызвать осуждение значительной части соотечественников, в том числе почти наверняка – из своего ближайшего окружения, особенно молодежной его части.

В целом общественные изменения последних десятилетий привели помимо прочего к ослаблению многих из тех представлений и установок, которые потенциально могли бы поддерживать в испанцах ощу-

щение превосходства в отношениях с уроженцами других стран. Кроме того, с «мейнстримными» для сегодняшнего испанского общества понятиями «демократических свобод», «прав человека», «толерантности», «прав меньшинств», «политкорректности», «мультикультурализма» и иными подобными органично соединились установки на борьбу за социальную справедливость, на солидарность трудящихся и сочувствие обездоленным независимо от их происхождения, – питаемые исторически очень сильными здесь левыми настроениями и живой памятью о совсем недавнем скудном существовании в условиях авторитарного полицейского режима (Rinken et al. 2011). В общественном дискурсе звучат призывы к соотечественникам не забывать о былой вынужденной эмиграции многих тысяч самих испанцев со своей родины и о моральном долге более богатых государств – одним из которых по счастливому стечению обстоятельств совсем недавно стала Испания – перед более бедными.

Все это, вкупе с названными выше обстоятельствами экономического характера, создало в целом благоприятные условия для въезда в 1990-х – начале 2000-х гг. на территорию Испании рекордного количества «трудовых» мигрантов из-за рубежа, тем более что на смену прежнему жесткому полицейскому контролю внутри страны и на ее границах пришла весьма либеральная административная система, позволявшая, в частности, попасть сюда на вполне законном основании, например по туристической визе, а после истечения ее срока «затеряться» в стране уже на нелегальном положении, с риском быть высланным, но и с вполне реальной возможностью оставаться здесь неопределенно долго. С одной стороны, таких «нелегалов» охотно брали на работу испанские хозяева, которым они обходились значительно дешевле работников, нанятых по всем правилам. С другой – в испанском обществе, по упомянутым выше причинам, были широко распространены настроения в пользу иммигрантов, во всяком случае тех из них, что уже сумели обосноваться в стране, а административно-юридическая система пребывала в зоне своего рода «либерального парадокса», когда стремление властей разных уровней действовать сообразно своим представлениям об интересах экономики и защиты безопасности страны тормозилось или даже сводилось на нет необходимостью соблюдать при этом права приезжих работников (Sánchez Alonso 2011). Примечательно, что лишь в 2005 г. Конституционный суд окончательно постановил, что право прибыть на территорию Испании не есть фундаментальное право иностранца, и что только испанским законодателям положено решать, на каких условиях возможно нахождение здесь граждан других государств. Из этого следовало, что до того момента это очевидное, казалось бы, обстоятельство оспаривалось настолько упорно, что выносить итоговый вердикт пришлось на самом высоком судебном уровне (VidaI Fueyo 2006).

В том же духе Испания в течение 1990–2000-х гг. решала проблему незаконной иммиграции, обострявшуюся по мере того, как число нигде не учтенных «нелегалов», бесконтрольно перемещавшихся по стране и работавших на черном рынке, начинало превышать все мыслимые пределы. В тогдашних испанских реалиях оказалось легче и надежнее незаконно проникнуть в страну и найти здесь работу, нежели сделать это, следуя громоздкой и затратной по времени официальной процедуре. Кроме того, категория «нелегалов» постоянно пополнялась иммигрантами, утратившими полученное ранее право на временное пребывание в стране за истечением срока выданного им разрешения. Уже в 1991 г. власти сочли наиболее правильным обратиться к этим людям с настоятельным предложением «выйти на свет», т.е. формально зарегистрироваться, в обмен на выдачу им официальных документов, позволяющих жить и работать в Испании. На этот призыв тогда откликнулось около полутора тысяч человек, узаконивших таким образом свое присутствие. Надо ли говорить, что данная кампания сыграла роль призыва и в отношении многих из тех потенциальных трудовых мигрантов из-за рубежа, кто искал наиболее верный способ обосноваться в Испании и при этом избежать немедленной высылки. Армия «подпольных» трудовых иммигрантов в скором времени вновь разрослась до такой степени, что настоятельно потребовалось радикальное решение по установлению контроля над ними, и вновь в качестве выхода была избрана единовременная легализация новых сотен тысяч нарушителей режима пребывания в стране. И так было несколько раз – вопреки неоднократным протестам других стран ЕС, видевших в этих «чрезвычайных кампаниях» фактическое поощрение незаконной иммиграции в общеевропейское пространство, часть которого составляла Испания (Conejero Paz 2012).

Этот климат и эти настроения своеобразно и опять же парадоксально отразились в эпизоде, связанном с юридическим восприятием присутствия незаконных иммигрантов. В начале 2000 г. в очередной редакции Закона об иностранцах было прописано, помимо прочего, право всех иммигрантов, включая и «нелегальных», объединяться в профсоюзы, проводить манифестации и участвовать в политической жизни. В конце того же года новое правительство внесло изменения в данный Закон, лишив «нелегалов» означенных прав. Однако несколько лет спустя Конституционный суд признал это ограничение противоречащим Основному закону страны, который рассматривает все названные права, а также право на бесплатную юридическую помощь, как «фундаментальное право трудящихся», при этом в тексте Конституции нет оговорок относительно законности или незаконности их статуса. Но самое интересное в данной ситуации то, что законодательное положение о немедленной высылке «нелегальных» иммигрантов, которая так-

же оспаривалась в Конституционном суде, решением тех же судей было оставлено без изменений (! – *А.К.*) (Lázaro 2007).

После всего этого не приходится удивляться информации о том, что на общеевропейском фоне испанцы до самого последнего времени находились среди тех, кто демонстрировал наибольшую лояльность по отношению к обосновавшимся в их стране иммигрантам. Так, по данным за 2012 г., Испания была третьей страной в ЕС по количеству согласных с утверждением, что «прошедшие законное оформление иммигранты из стран, не входящих в ЕС, должны иметь те же права, что и граждане принимающей их страны Евросоюза» (83%, вслед за Шведией с 93% и Голландией с 85%), тогда как в целом по ЕС эта доля равнялась 68% (Cea D'Ancona, Valles Martínez 2013). Многие испанские эксперты отмечали, что в сравнении с другими европейскими странами, где много иммигрантов, в Испании не имело места сколько-нибудь значительное количество ксенофобских проявлений. Некоторые из них особо подчеркивали, что с самого начала испанская политика в отношении массовой иммиграции принципиально отличалась от английской или французской, поскольку была ориентирована на интеграцию приезжих без каких-либо посягательств на их исходную идентичность. При этом характерное для испанской практики сравнительно ограниченное выделение социального жилья для них сыграло в конечном счете благую роль, помешав возникновению иммигрантских гетто – этого бича больших европейских городов (El proceso... 2015).

В 2005 и 2006 гг., т.е. в период экономического подъема в стране, присутствие здесь людей различной расовой, религиозной и культурной принадлежности положительно оценивали соответственно 65 и 70% граждан, что опять же превышало средние показатели по Европе в целом. При этом на первом месте среди критериев желательности иностранного работника для Испании оказалось обладание им трудовой квалификацией, необходимой для испанской экономики, и эта характеристика намного опередила такие качества, как владение испанским языком, происхождение из страны с христианской традицией и принадлежность к «белой расе» (Méndez Lago 2007).

Любопытно, однако, что именно в эти «тучные» годы (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) и на общем благоприятном для «трудовых» иммигрантов фоне ощутимо усилилось отношение к ним, с точки зрения коренных жителей, как к одной из наиболее важных проблем внутренней жизни страны. Но здесь мы наблюдаем еще один «испанский парадокс». Как отмечалось выше, местное население вполне осознавало нужду в иностранных работниках для успешного развития Испании. При этом оно было озабочено их количеством, ощущаемым как чрезмерное, и испытывало беспокойство от проблем, порожденных их повсеместным присутствием. И вот, казалось бы вопреки всякой логике,

большая часть испанцев при опросах выражала свое несогласие с тем, чтобы иммигрантов, которые остались без работы и долгое время не могли найти новую, принудительно выслали из страны... (Méndez Lago 2007).

В 2005 г. более 80% опрошенных здесь высказались за то, что иммигрантам и их детям следует оказать помощь в получении образования, что они должны иметь доступ к рабочим местам и медицинскому обслуживанию на равных условиях с испанцами, а также иметь возможность исповедовать свою религию (если выкажут такое желание). Сочли правильным позволить приезжим работникам привозить с собой семьи 73% участников опроса; 68% – создавать ассоциации для защиты своих прав.

Тогда же 78% испанцев сочли правильным предоставление гражданства страны «трудовым» иммигрантам, прожившим в ней достаточно долгое время; 61% поддержал участие иностранцев, получивших статус резидента, в муниципальных, а 53% – даже во всеобщих выборах (по закону граждане других государств не имеют в Испании права голоса, кроме выходцев из стран Евросоюза, которым позволено голосовать на муниципальных выборах).

Наконец, 72% испанцев в том же 2005 г. одобрили поддержание осевшими в стране иммигрантами своего исходного языка и обычаев, и лишь 22% сочли, что тем следовало бы отказаться от своих традиций в пользу испанского языка и местных культурных норм и ценностей (Méndez Lago 2007).

Финансово-экономический кризис 2008 г. и его воздействие на иммиграционную ситуацию в Испании

Но особенно отчетливо специфика Испании в ряду стран массовой иммиграции проявилась во время финансово-экономического кризиса, накрывшего ее, как и весь остальной мир, в 2008 г. и ставшего серьезным испытанием для отношений между испанцами и несколькими миллионами приезжих из других стран, обосновавшихся к тому моменту на их земле. Согласно влиятельной в среде обществоведов теории группового соперничества, в ситуации кризиса резко обостряется конкуренция (реальная или мнимая) за скудеющие ресурсы и рабочие места, что неизбежно оборачивается прежде всего против «чужаков», стимулирует рост ксенофобии и расизма (Sea D'Ancona 2015). Всего этого ждали и в Испании. Ведь, с одной стороны, ее хозяйственная модель особенно пострадала от случившихся тогда глобальных экономических потрясений, и уровень безработицы оказался здесь одним из самых высоких в Евросоюзе, поднявшись с 8,6% в 2007 г. до 24,23% среди испанских граждан и 36,53% среди иммигрантов в 2012 г. (Sea

D'Ancona, Valles Martínez 2013). А с другой стороны, как отмечалось выше, как раз в предкризисные годы экономического подъема, сопровождавшегося массовым наплывом иностранной рабочей силы, в испанском обществе выросла озабоченность ее присутствием. Казалось бы, вдруг возникшая ситуация тяжелого кризиса прямо располагала к тому, чтобы тлеющие угли общественного недовольства вспыхнули ярким пламенем, от которого прежде всего пострадают работники-иммигранты, но, к удивлению наблюдателей, этого не произошло. Согласно регулярно проводившимся социологическим опросам, экономический кризис в Испании, наиболее острая фаза которого длилась несколько лет, не вызвал принципиального изменения в отношении к иммигрантам. Несколько повысившиеся было в самом начале показатели отторжения «чужаков» уже в скором времени вернулись к исходным значениям (Cea D'Ancona 2015).

Примечательно, что и в новых, значительно менее благоприятных для них условиях, иммигранты в подавляющем большинстве не спешили покинуть страну, а те, кто все же вынужден был вернуться на родину, выражали намерение немедленно вновь отправиться в Испанию при улучшении конъюнктуры (El proceso... 2015).

Социологи, которые изучали подростков из иммигрантских семей, родившихся уже в Испании, указывают на неуклонное нарастание в этой среде, в том числе в разгар кризиса, ощущения себя испанцами. Исследователи особо подчеркивают, что здесь не происходит того, что в это же время имеет место в других странах Европы, где усиливаются ксенофобские настроения, растет отчуждение по отношению к «чужакам», которые, в свою очередь, сплачиваются и обособляются от местных, становясь порой активной силой в уличных беспорядках. В Испании же в 2008 г. 77% подростков, о которых идет речь, отождествляли себя со своей новой родиной, а в 2012 г. таких было уже 81% (Sanmartín 2014).

Оказалось, что именно в «тощие» годы кризиса, вопреки теории группового соперничества, и, главное, на фоне серьезного ухудшения экономической ситуации в стране, иммиграция перестала быть одной из главных тем обсуждений в обществе и озабоченности испанских граждан, как это было в предкризисный период в момент наибольшего притока «чужаков» (El proceso... 2015). Только один из каждых 30 испанцев упоминал теперь иммиграцию как одну из основных социальных проблем, в то время как в среднем по ЕС такое мнение высказывали 18% опрошенных, а в Германии, Англии и Дании – свыше трети. При этом в Андалузии, где показатели как безработицы, так и присутствия иммигрантов были среди самых высоких в стране, восприятие их как сколько-нибудь серьезной проблемы сократилось и вовсе до 1% в 2013 г. Таким образом, как на межгосударственном, с участием Испании, так и на внутрииспанском межрегиональном уровне в ходе эконо-

мического кризиса обозначилась парадоксальная ситуация: чем выше поднимался уровень безработицы, тем меньше местное население было озабочено иммиграцией.

Очень важно, что это произошло на фоне отказа многих граждан от привычных представлений о необходимости иммигрантов для быстрого экономического подъема страны, а также о том, что приезжие выполняют только те работы, за которые не хотят браться сами испанцы. А ведь именно такой, т.е. прагматический, общественный настрой многими рассматривался как основной фактор, обеспечивавший благоприятную атмосферу для массовой миграции в Испанию из-за рубежа. Во время кризиса в среде местных жителей произошла серьезная переоценка экономической роли иммигрантов в сторону ее снижения, тем не менее их широкая общественная поддержка в полной мере сохранилась. Исследователи, ориентирующиеся на теорию группового конфликта, восприняли это как очевидную аномалию (Rinken 2015).

Идеологический климат в обществе и отношение к иммигрантам. Две тенденции

Что до возможного объяснения как данной, так и других подобных «аномалий», проявляющихся в отношении испанского общества к массовой иммиграции и отличающих испанцев от других европейских народов в сходных обстоятельствах, то первостепенную роль здесь играет, как представляется, уже упомянутая выше социально-идеологическая атмосфера, доминирующая в стране в постфранкистский период, с характерными для ее испанского варианта акцентами в провозглашаемых постулатах, ценностях и установках и с довольно жесткими представлениями о границах приемлемости тех или иных действий и высказываний в публичном пространстве. Воздействие данной атмосферы на общественное сознание соответствующим образом корректирует взаимоотношения местного населения с многомиллионной массой приезжих и, как правило, определяет исход всякого рода конфликтных и чреватых конфликтами ситуаций, во множестве возникающих все эти годы в данной сфере. Вот только несколько примеров из числа наиболее известных.

Огромный резонанс в стране и бурное обсуждение вызвали уличные столкновения между местными жителями и приезжими батраками (магрибскими арабами), случившиеся в 2000 г. в андалузийском селении Эль-Эхидо. Насколько можно судить, наиболее влиятельная и распространенная позиция состояла в квалификации инцидента как «национального позора» и в решительном осуждении участников событий с испанской стороны за проявленные ими «ксенофобию и расизм», а также в критике иммиграционной политики властей и несовершенств суще-

ствующей административно-юридической системы. При этом непосредственным причинам вспыхнувшего конфликта (гибели трех местных жителей от рук иностранцев) уделялось гораздо меньше внимания (Constenla, Torregrosa 2000; Viana 2010). Важно отметить, что данный эксцесс по своему масштабу оказался по сути единичным, а название селения, где он произошел, стало едва ли не нарицательным в стране.

Страшный теракт в мадридских пригородных поездах, организованный радикальными исламистами в марте 2004 г. и унесший жизни без малого двухсот человек (при более чем двух тысячах раненых), не стал, по данным социологов и вопреки опасениям, причиной всплеска массовой ненависти к арабам-мусульманам и переноса страха перед терроризмом на исламскую общину в целом (González Enríquez 2017).

Аналогичным образом испанское общество проявило себя 13 лет спустя в связи с трагическими событиями августа 2017 г. в Барселоне, когда под колесами автомобиля, управляемого мусульманским террористом, погибло более полутора десятков обычных прохожих, а многие были покалечены. Разрешенное властями на месте массового убийства немногочисленное собрание горожан, протестующих против «исламского терроризма», было сразу же разогнано многочисленными леволиберально настроенными барселонцами как «фашистское» (Calvó 2017), а на состоявшемся затем официальном траурном митинге, в котором приняли участие многие десятки тысяч людей, включая мусульман, а также король и премьер-министр Испании, абсолютно доминировали лозунги «Мы не боимся!», «Ислам – это мир!», «Исламофобии – нет!» и им подобные (La manifestación... 2017).

По всей Испании проводилась целенаправленная «чистка», когда из убранства церквей, из ритуальной атрибутики, с исторических гербов и знамен ряда городов и селений, из бесчисленного многообразия фольклорных обрядов, игрищ, праздников изымались традиционно присутствовавшие там элементы, которые можно трактовать как «исламофобские» (Observatorio Andalusí 2006).

Общая тенденция вполне подтвердилась и в реакции испанского общества на упомянутые в начале статьи события, получившие известность как «европейский кризис беженцев». Испанские исследователи согласны, что местная система приема беженцев, выстроенная по общеевропейской модели, оказалась во многом несостоятельной. Но ее дефекты были в значительной мере компенсированы подъемом активности и сочувствия многочисленных граждан, принявших близко к сердцу беды вынужденных переселенцев с Ближнего Востока. Администрации автономных регионов, провинций, городов и селений, выражая волю своих земляков, повсеместно выступали с заявлениями о готовности принять беженцев, организовывали специальные службы, набирали волонтеров, аккумулировали средства для найма жилья, покупки одеж-

ды и продовольствия. Некоторые города провозгласили себя «городами-убежищами» и объединились для координации соответствующих действий (Las personas refugiadas... 2016). На этой волне в Испании в 2015 г. слово «беженец» было провозглашено «словом года» (Refugiado... 2015).

Заданная таким образом общественная тональность сохранялась и в дальнейшем, о чем свидетельствует, в частности, февральская демонстрация в той же Барселоне в 2017 г., когда свыше полутора ста тысяч людей потребовали от правительства страны принять как можно больше беженцев из ближневосточного потока (их число здесь оказалось сравнительно невелико, поскольку на сей раз Испания осталась в стороне от магистрального маршрута искателей убежища) (Mouzo Quintáns, Congostrina 2017). В других странах Евросоюза подобного энтузиазма к тому моменту уже не наблюдалось, и в вышедших из-под пера испанских аналитиков обзорах по данной теме можно встретить прямые упреки в адрес благополучных европейских государств и обращенные к ним призывы брать пример с несопоставимо более бедных, к тому же раздираемых глубокими внутренними конфликтами ближневосточных стран, которые, тем не менее, все это время давали пристанище основной массе беженцев.

Наконец, весьма убедительным показателем того, что уровень отторжения массовой иммиграции в испанском обществе относительно низок в сравнении с другими европейскими государствами, является тот факт, что со времени распада авторитарического режима и вплоть до конца 2010-х гг. здесь не появилось сколько-нибудь влиятельной политической силы крайне правого толка, в программе которой присутствовал бы антииммигрантский и националистический заряд. При этом все необходимые объективные условия для такого появления имели место, и в других регионах Европы они вполне «сработали», что стало еще одним поводом говорить об «аномальности» испанской ситуации.

Примеры, показывающие, насколько сильна и влиятельна установка на позитивное восприятие массовой иммиграции в общественном сознании населения Испании постфранкистского времени, многочисленны и убедительны. Вместе с тем есть немало данных о том, что эта установка во многом определяется общей идеологической и социально-политической атмосферой, сложившейся в стране на нынешнем, весьма непростом этапе ее истории, и является одновременно ее результатом и неотъемлемой составляющей. В текущих условиях обсуждение в обществе зачастую болезненной проблематики, связанной с присутствием в стране многомиллионной массы иностранцев и необходимостью сосуществовать и взаимодействовать с ними практически во всех областях жизни, основательно корректируется доминирующей идеологией с определенным набором присущих ей постулатов, отрицание которых

чревато социально-политическим остракизмом независимо от того, идет ли речь о конкретной персоне или политической организации.

Данное обстоятельство необходимо иметь в виду при оценке длинного ряда фактов и сообщений иного, порой прямо противоположного свойства. Так, совсем не единичны оговорки испанских исследователей о том, что истинные взгляды коренных испанцев на присутствие в стране иностранных работников выяснить очень трудно, поскольку публично (в том числе при соцопросах) высказывать негативные мнения на сей счет считается общественно неприемлемым (Méndez Lago 2007). Зачастую граждане просто отказываются обсуждать с социологами или репортерами «иммигрантскую» тематику либо соглашаются высказываться на условиях анонимности. Критические суждения по этой теме нередко можно встретить и в комментариях к тем или иным интернет-публикациям.

Из разнородного, но довольно обильного материала следует, что в положении вещей, установившемся с появлением и оседанием в Испании многочисленных выходцев из разных стран, приехавших на поиски работы, есть моменты, которые вызывают недовольство и раздражение коренных жителей, по крайней мере, их весьма значительной части. Немалое и отнюдь не благотворное влияние на восприятие иммигрантов местным населением оказывают широко бытующие стереотипы и предрассудки по отношению к ним (Abella Vázquez 2002; González Falcón, Romero Muñoz 2011). Вдобавок к этому в доверительных беседах или интернет-репликах многие жалуются на стиль жизни и поведения мигрантов в местах совместного проживания, отдыха и обучения, стиль, идущий вразрез с привычным укладом и представлениями коренных жителей. Граждане выражают досаду и несогласие с «политкорректной правкой» традиционной культуры и символики; опасаются, что слишком большая часть социальных ресурсов государства расходуется на приезжих в ущерб самим испанцам, и видят в иммигрантах потенциальных «нахлебников»; мрачно констатируют, что над «иммигрантской» темой в стране, по всеобщему молчаливому согласию, как будто тяготеет заговор молчания; негодуют по поводу «идеологически правильных» трактовок конфликтных ситуаций и трагических событий с участием радикальных исламистов, каковые преобладают в СМИ и официальных заявлениях, поскольку такие трактовки искажают реальность, снимают вину с истинных преступников и загоняют проблему вглубь – с перспективой неизбежных тяжелых последствий в будущем. Доля испанских граждан, полагающих, что количество иностранцев в Испании чрезмерно, составляет около 40% населения страны (Casals Meseguer 2017).

Эта вторая тенденция в отношении нынешних испанцев к массово расселившимся по стране иммигрантам, объединяющая разные аспекты

и степени недоверия, настороженности, отчуждения, неприятия по отношению к ним в целом или каким-то их отдельным группам, при всей своей распространенности значительно менее влиятельна в общественном сознании, нежели первая, «позитивная». Она обременена большим количеством негативных ассоциаций, требующих воспринимать ее проявления как маргинальные, а ее сторонников – как реакционеров и ксенофобов.

Заключение

По мнению испанского исследователя, «Испания вступила в новый век как страна, наименее ксенофобская в Европе, наиболее толерантная по отношению к культурным различиям и наиболее расположенная к иммиграции, сильно отличаясь в этом смысле от средних европейских показателей» (Rengel 2017). Представляется, однако, что такое положение дел объясняется особенностями текущего временного периода, в самом деле эпохального с точки зрения истории страны, но, безусловно, конечного, что предполагает возможность усиления иных политико-идеологических течений и иных тенденций в общественных умонастроениях, нежели доминирующие ныне. Так, многих в Испании ошеломил внезапный выход на политическую арену совсем недавно возникшей партии «VOX» («Голос»), аттестуемой противниками как крайне правая и националистическая и заявляющей о своем намерении «защищать западную, европейскую и христианскую идентичности против мультикультурализма» (García Rey 2017). Ее первые электоральные успехи на региональных выборах 2018 г. в Андалузии, традиционно считавшейся вотчиной левых сил, а затем и на выборах в Европарламент, имели шоковый эффект. Конечно, это может быть случайностью, после которой все вернется на круги своя, но может свидетельствовать и о начале запоздалого распространения на Испанию тех антиглобалистских, «консервативных» веяний, которые уже обозначились в других европейских странах, и, соответственно, предвещать постепенное размывание испанской специфики в «иммигрантском вопросе». Однако как именно это скажется на отношениях между коренными жителями страны и их новыми соседями и согражданами чужеродного и инокультурного происхождения, сейчас невозможно даже предположить.

Литература

- Abella Vázquez C.* La construcción de la inmigración como problema en la prensa escrita // Sociedad y Utopía (Revista de Ciencias Sociales). 2002. № 19. URL: <http://www.sociedaduyutopia.es/images/revistas/19/19.pdf> (Accessed 12 May 2019).
- Bericat Alastuey E.* La valoración social del multiculturalismo y del monoculturalismo en Europa // Papers. 2009. № 94. URL: <https://papers.uab.cat/article/view/v94-bericat/pdf-es> (Accessed 12 May 2019).

- Calvo S.* Vecinos de Barcelona y grupos antifascistas expulsan a unos neonazis de una manifestación islamófoba // Eldiario.es. 18.08.2017. URL: http://www.eldiario.es/catalunya/Barcelona-antifascistas-asistentes-manifestacion-islamofoba_0_677183000.html (Accessed 12 May 2019).
- Casals Meseguer X.* Hay espacio para la ultraderecha en España? 2017. URL: <https://xaviercasals.wordpress.com/2017/01/07/hay-espacio-para-la-ultraderecha-en-espana-mas-de-13-millones-de-electores-consideran-excesiva-la-inmigracion/> (Accessed 12 May 2019).
- Cea D'Ancona M.Á.* Los efectos de la crisis económica en la molduración y evolución de la opinión pública española ante la inmigración // Migraciones. 2015. № 37. URL: <https://revistas.comillas.edu/index.php/revistamigraciones/article/view/5507/5316> (Accessed 12 May 2019).
- Cea D'Ancona M.Á., Valles Martínez M.S.* Evolución del Racismo y la Xenofobia en España // Informe-2012. Madrid, 2013. URL: http://www.observatorioreligion.es/upload/17/85/Evolucion_del_racismo_y_la_xenofobia_en_Espana_Informe_2012.pdf (Accessed 12 May 2019).
- Conejero Paz E.* La política de inmigración en España // 3c Empresa: investigación y pensamiento critic. 2012. Vol. 1, № 8. URL: <https://dialnet.unirioja.es/ejemplar/375997> (Accessed 12 May 2019).
- Constenla T., Torregrosa A.* Vecinos de El Ejido armados con barras de hierro atacan a los inmigrantes y destrozan sus locales // El País. 07.02.2000. URL: http://elpais.com/diario/2000/02/07/espana/949878022_850215.html (Accessed 12 May 2019).
- García Rey M.* Los musulmanes de España entre dos fuegos: el yihadismo y la extrema derecha xenófoba // El Confidencial. 18.03.2017. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/2017-03-18/alivio-musulmanes-espana-no-victoria-wilders_1349649/ (Accessed 12 May 2019).
- González Enríquez C.* La excepción española: el fracaso de los grupos de derecha populista pese al paro, la desigualdad y la inmigración // Real Instituto Elcano. Documento de trabajo. 2017. № 7. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/155407f2-...>
- González Falcón I., Romero Muñoz A.* Prejuicios y estereotipos hacia las familias inmigrantes en la comunidad educativa. Repercusiones en la relación familia-escuela // Actas del I Congreso Internacional sobre Migraciones en Andalucía. Granada: Instituto de Migraciones, 2011. P. 1565–1574. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4051221.pdf> (Accessed 12 May 2019).
- Iglesias J., Fanjul G., Manzanedo C.* La crisis de los refugiados en Europa // Informe España. 2016. Madrid: Universidad P. Comillas, 2016. P. 137–181. URL: https://www.researchgate.net/publication/317267237_LA_CRISIS_DE_LOS_REFUGIA_DOS_EN_EUROPA (Accessed 12 May 2019).
- Lázaro J.M.* La justicia reconoce el derecho a la huelga de los ‘sin papeles’ // El País. 28.12.2007. URL: http://elpais.com/diario/2007/12/28/espana/1198796410_850215.html (Accessed 12 May 2019).
- La manifestación en Barcelona contra los atentados de Las Ramblas y Cambrills, en imágenes // El País. 07.02.2000. URL: https://elpais.com/elpais/2017/08/26/album/1503757928_908872.html#foto_gal_1 (Accessed 12 May 2019).
- Méndez Lago M.* Actitudes de los españoles sobre la inmigración y los inmigrantes. 2007. URL: <http://www.carm.es/ctra/cendoc/haddock/14711.pdf> (Accessed 12 May 2019).
- Mouzo Quintáns J., Congostrina A.* Clamor multitudinario para acoger refugiados // El País. 19.02.2017. URL: https://elpais.com/ccaa/2017/02/18/catalunya/1487428212_810988.html (Accessed 12 May 2019).
- Observatorio Andalusi: Informe anual 2006. URL: <http://observatorioandalusi.blogspot.com/2007/06observatorio-andalus-informe-anual-2006.html> (Accessed 12 May 2019).

- Ortega Dolz P., Domínguez I. Carmen González Enríquez: “No hay un modo limpio de resolver el problema de la inmigración” // El País. 29.04.2016. URL: http://politica.elpais.com/politica/2016/04/29/actualidad/1461943831_341375.html (Accessed 12 May 2019).
- Las personas refugiadas en España y Europa. 2016. URL: https://www.cear.es/wp-content/uploads/2016/06/Informe_CEAR_2016.pdf (Accessed 12 May 2019).
- “El proceso de inmigración en España ha sido ejemplar” // Crítica. 2015. № 995. URL: <http://www.revista-critica.es/el-proceso-de-inmigracion-en-espana-ha-sido-ejemplar/> (Accessed 12 May 2019).
- Refugiado, palabra del año 2015. URL: <https://www.clasesdeperiodismo.com/2015/12/30/refugiado-palabra-del-ano-2015/> (Accessed 12 May 2019).
- Rengel C. ¿Por qué no triunfa la ultraderecha en España? // El Huffington Post: ultima hora. 14.02.2017. URL: http://www.huffingtonpost.es/2017/02/14/ultraderecha-espana_n_14738990.html (Accessed 12 May 2019).
- Rinken S. Actitudes hacia la inmigración y los inmigrantes: ¿en qué es España excepcional? // Migraciones. 2015. № 37. URL: <https://revistas.comillas.edu/index.php/revistamigraciones/article/view/5508/5317> (Accessed 12 May 2019).
- Rinken S., Escobar Villegas M., Velasco Dujo S., Cameán Bao I. La evolución de las actitudes de la población autóctona andaluza ante la inmigración: una aproximación cualitativa. 2011. URL: http://digital.csic.es/bitstream/10261/49247/1/006_RinkenEscobar_Velasco-Camean.pdf (Accessed 12 May 2019).
- Sánchez Alonso B. La política migratoria en España: un análisis de largo plazo // Revista Internacional de Sociología (RIS). 2011. № 1. URL: <http://revintsociologia.revistas.csic.es/index.php/revintsociologia/article/view/393/403> (Accessed 12 May 2019).
- Sanmartín O. Los hijos de los inmigrantes se sienten cada vez más españoles // El Mundo. 11.07.2014. URL: <http://www.elmundo.es/espana/2014/07/11/53bfdd5f22601d97578b4586.html> (Accessed 12 May 2019).
- Viana I. El Ejido, diez años de los linchamientos racistas // ABC. 22.03.2010. URL: <http://www.abc.es/20100208/historia/-ejido-racismo-invernaderos-201002081156.html> (Accessed 12 May 2019).
- Vidal Fueyo C. La sentencia del Tribunal Constitucional 72/2005, de 4 de abril, en material de libertad de entrada y residencia de los extranjeros en España // UNED. Teoría y Realidad Constitucional. 2006. № 18. URL: https://www.researchgate.net/publication/43901161_La_sentencia_del_Tribunal_Constitucional_722005_de_4_de_abril_en_materia_de_libertad_de_entrada_y_residencia_de_los_extranjeros_en_Espana (Accessed 12 May 2019).

Статья поступила в редакцию 12 июля 2019 г.

Kozhanovskiy Aleksandr N.

SPAIN AND THE ‘EUROPEAN MIGRATION CRISIS’

DOI: 10.17223/2312461X/25/1

Abstract. The article analyses the characteristics of Spain as a country of mass immigration at the turn of the 20th to 21st centuries. Among the majority of other European countries that host numerous ‘labor’ immigrants and refugees, Spanish society stands out for its high level of loyalty and solidarity towards visitors. Its positive attitude that has remained unchanged for the past decades seems unusual and peculiar to many researchers because it contradicts a number of objective factors and circumstances. For example, Spain had known no mass immigration until the end of the 20th century. In addition, there exists the impact of long-standing traditions, both secular and religious, that have contributed to the separation from representatives of other cultures and religions. Further, Spain has been experiencing a sharp decline in living standards since the economic crisis of 2008, which led to increased hostility towards immigrants in other countries. Other factors include some people’s dissatisfaction with the current situation and their reluctance to having immigrants as their neighbours, as

well as the bloody attacks committed here by Islamic terrorists, etc. Building on Spanish colleagues' research, as well as the Spanish media and his own field observations, the author considers Spain's predominantly positive attitude to mass immigration as determined by the new ideology that is currently in place. This ideology and the high degree of its public influence are the result of some unique events in the development of Spain, which brought about the country's transition from one historic era to another.

Keywords: Spain, mass immigration, refugees, crisis, public consciousness, liberal ideology, solidarity, xenophobia, uniqueness

* Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

References

- Abella Vázquez C. La construcción de la inmigración como problema en la prensa escrita, *Sociedad y Utopía (Revista de Ciencias Sociales)*, 2002, no. 19. Available at: <http://www.sociedadutopia.es/images/revistas/19/19.pdf> (Accessed 12 May 2019).
- Bericat Alastuey E. La valoración social del multiculturalismo y del monoculturalismo en Europa, *Papers*, 2009, no. 94. Available at: <https://papers.uab.cat/article/view/v94-bericat/pdf-es> (Accessed 12 May 2019).
- Calvó S. Vecinos de Barcelona y grupos antifascistas expulsan a unos neonazis de una manifestación islamófoba, *Eldiario.es*. 18.08.2017. Available at: http://www.eldiario.es/catalunya/Barcelona-antifascistas-asistentes-manifestacion-islamofoba_0_677183000.html (Accessed 12 May 2019).
- Casals Meseguer X. *Hay espacio para la ultraderecha en Espana?* (2017) Available at: <https://xaviercasals.wordpress.com/2017/01/07/hay-espacio-para-la-ultraderecha-en-espana-mas-de-13-millones-de-electores-consideran-excesiva-la-inmigracion/> (Accessed 12 May 2019).
- Cea D'Ancona M. Á. Los efectos de la crisis económica en la molduración y evolución de la opinión pública española ante la inmigración, *Migraciones*, 2015, no. 37. Available at: <https://revistas.comillas.edu/index.php/revistamigraciones/article/view/5507/5316> (Accessed 12 May 2019).
- Cea D'Ancona M. Á., Valles Martínez M.S. Evolución del Racismo y la Xenofobia en España. In: *Informe-2012*. Madrid, 2013. Available at: http://www.observatorioreligion.es/upload/17/85/Evolucion_del_racismo_y_la_xenofobia_en_Espana_Informe_2012.pdf (Accessed 12 May 2019).
- Conejero Paz E. La política de inmigración en España, *3c Empresa: investigación y pensamiento critic*, 2012, Vol. 1, no. 8. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/ejemplar/375997> (Accessed 12 May 2019).
- Constenla T., Torregrosa A. Vecinos de El Ejido armados con barras de hierro atacan a los inmigrantes y destrozan sus locales, *El País*. 07.02.2000. Available at: http://elpais.com/diario/2000/02/07/espana/949878022_850215.html (Accessed 12 May 2019).
- García Rey M. Los musulmanes de España entre dos fuegos: el yihadismo y la extrema derecha xenófoba, *El Confidencial*. 18.03.2017. Available at: https://www.elconfidencial.com/espana/2017-03-18/alivio-musulmanes-espana-no-victoria-wilders_1349649/ (Accessed 12 May 2019).
- González Enríquez C. La excepción española: el fracaso de los grupos de derecha populista pese al paro, la desigualdad y la inmigración, *Real Instituto Elcano*. Documento de trabajo, 2017, 7. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/155407f2-...>
- González Falcón I., Romero Muñoz A. Prejuicios y estereotipos hacia las familias inmigrantes en la comunidad educativa. Repercusiones en la relación familia-escuela. In: *Actas del I Congreso Internacional sobre Migraciones en Andalucía*. Granada: Instituto de Migraciones, 2011, pp. 1565-1574. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4051221.pdf> (Accessed 12 May 2019).

- Iglesias J., Fanjul G., Manzanedo C. La crisis de los refugiados en Europa. In: *Informe España. 2016*. Madrid: Universidad P. Comillas, 2016, pp. 137-181. Available at: https://www.researchgate.net/publication/317267237_LA_CRISIS_DE_LOS_REFUGIA_DOS_EN_EUROPA (Accessed 12 May 2019).
- Lázaro J.M. La justicia reconoce el derecho a la huelga de los 'sin papeles', *El País*. 28.12.2007. Available at: http://elpais.com/diario/2007/12/28/espana/1198796410_850215.html (Accessed 12 May 2019).
- La manifestación en Barcelona contra los atentados de Las Ramblas y Cambrills, en imágenes, *El País*. 07.02.2000. Available at: https://elpais.com/elpais/2017/08/26/album/1503757928_908872.html#foto_gal_1 (Accessed 12 May 2019).
- Méndez Lago M. *Actitudes de los españoles sobre la inmigración y los inmigrantes*. 2007. Available at: <http://www.carm.es/ctra/cendoc/haddock/14711.pdf> (Accessed 12 May 2019).
- Mouzo Quintáns J., Congostrina A. Clamor multitudinario para acoger refugiados, *El País*. 19.02.2017. Available at: https://elpais.com/ccaa/2017/02/18/catalunya/1487428212_810988.html (Accessed 12 May 2019).
- Observatorio Andalusi: Informe anual 2006*. Available at: <http://observatorioandalusi.blogspot.com/2007/06observatorio-andalus-informe-anual-2006.html> (Accessed 12 May 2019).
- Ortega Dolz P., Domínguez I. Carmen González Enríquez: "No hay un modo limpio de resolver el problema de la inmigración", *El País*. 29.04.2016. Available at: http://politica.elpais.com/politica/2016/04/29/actualidad/1461943831_341375.html (Accessed 12 May 2019).
- Las personas refugiadas en España y Europa*. 2016. Available at: https://www.cear.es/wp-content/uploads/2016/06/Informe_CEAR_2016.pdf (Accessed 12 May 2019).
- "El proceso de inmigración en España ha sido ejemplar", *Crítica*, 2015, no. 995. Available at: <http://www.revista-critica.es/el-proceso-de-inmigracion-en-espana-ha-sido-ejemplar/> (Accessed 12 May 2019).
- Refugiado, palabra del año 2015*. Available at: <https://www.clasesdeperiodismo.com/2015/12/30/refugiado-palabra-del-ano-2015/> (Accessed 12 May 2019).
- Rengel C. ¿Por qué no triunfa la ultraderecha en España?, *El Huffington Post: ultima hora*. 14.02.2017. Available at: http://www.huffingtonpost.es/2017/02/14/ultraderecha-espana_n_14738990.html (Accessed 12 May 2019).
- Rinken S. Actitudes hacia la inmigración y los inmigrantes: ¿en qué es España excepcional?, *Migraciones*, 2015, no. 37. Available at: <https://revistas.comillas.edu/index.php/revistamigraciones/article/view/5508/5317> (Accessed 12 May 2019).
- Rinken S., Escobar Villegas M., Velasco Dujo S., Cameán Bao I. *La evolución de las actitudes de la población autóctona andaluza ante la inmigración: una aproximación cualitativa*. 2011. Available at: http://digital.csic.es/bitstream/10261/49247/1/006_RinkenEscobarVelascoCamean.pdf (Accessed 12 May 2019).
- Sánchez Alonso B. La política migratoria en España: un análisis de largo plazo, *Revista Internacional de Sociología (RIS)*, 2011, no. 1. Available at: <http://revintsociologia.revistas.csic.es/index.php/revintsociologia/article/view/393/403> (Accessed 12 May 2019).
- Sanmartín O. Los hijos de los inmigrantes se sienten cada vez más españoles, *El Mundo*. 11.07.2014. Available at: <http://www.elmundo.es/espana/2014/07/11/53bfdd5f22601d97578b4586.html> (Accessed 12 May 2019).
- Viana I. El Ejido, diez años de los linchamientos racistas, *ABC*. 22.03.2010. Available at: <http://www.abc.es/20100208/historia/-ejido-racismo-invernaderos-201002081156.html> (Accessed 12 May 2019).
- Vidal Fueyo C. La sentencia del Tribunal Constitucional 72/2005, de 4 de abril, en material de libertad de entrada y residencia de los extranjeros en España, *UNED. Teoría y Realidad Constitucional*, 2006, no. 18. Available at: https://www.researchgate.net/publication/43901161_La_sentencia_del_Tribunal_Constitucional_722005_de_4_de_abril_en_materia_de_libertad_de_entrada_y_residencia_de_los_extranjeros_en_Espana (Accessed 12 May 2019).

УДК 394

DOI: 10.17223/2312461X/25/2

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ*

Маргарита Кемальевна Любарт

Аннотация. Проблемы национальной идентичности являются одной из весьма острых и актуальных тем общественно-политического дискурса современной Франции. В обществе существуют разные представления о содержании понятия «национальная идентичность», а также ощущение кризиса идентичности, что в немалой степени связано с приемом страной массовой миграции. Дискуссии об идентичности далеко выходят за рамки теоретических научных дискуссий, оказываясь вопросами идеологическими и, в конечном счете, политическими, поскольку от того, как понимаются вопросы идентичности, как оценивается историческое и культурное наследие нации, во многом зависит то будущее, на которое ориентируется в своем развитии общество. Статья основана на анализе публикаций прессы, читательских интернет-комментариев к ним, анализе контента интернет-ресурсов ряда общественных организаций, научной литературы по социальным наукам, научной и художественной публицистики.

Ключевые слова: национальная идентичность, культурная идентичность, гражданская идентичность, миграционный фактор, Франция

В публичном и научном пространстве современной Франции все чаще звучат слова о «кризисе идентичности», «гибкости идентичности», «постнациональной идентичности» и т.д. Удивляться этому не приходится, слишком много изменений происходит в Европе в целом и во Франции в частности: это процессы глобализации, европейского строительства, экономического и миграционный кризисы, рост исламизма, не говоря уже о значительных технологических и социальных трансформациях последних десятилетий.

Все эти процессы, конечно же, отражаются и на самоидентификации людей. Среди разных видов идентичностей – социальной, религиозной, гендерной, политической и иных, которые широко обсуждаются, обычно не приводя к серьезным столкновениям мнений, *идентичность национальная* вызывает во Франции наиболее острые дебаты.

Чем вызван такой интерес к вопросам национальной идентичности, почему дискуссия на эту тему оказывается актуальной не только для ученых, но и политиков, людей разных социальных слоев и убеждений,

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

почему она занимает столь большое место в медиапространстве? Какие интерпретации и почему получает сегодня понятие «национальная идентичность»?

Концепция нации, которой Франция всегда гордилась, гражданско-политическая по своей сути, была сформулирована еще в годы Великой французской революции: все граждане страны считаются французами, национальность является гражданской принадлежностью. С 1789 г. в стране проводилась политика формирования единой и неделимой нации-государства, где не было бы места различиям по этническому, религиозному, расовому и иным признакам. Начиная с философов Просвещения, французская политическая мысль знала уже несколько моделей интерпретации того, что понимается под «нацией» и ее производной – «национальной идентичностью». Сложные концепции нации были разработаны учеными в период между 1870–1945 гг. (Meuḡan 2009), когда, например, появилось определение, предложенное Э. Ренаном (1882 г.), с его емким, но двойственным пониманием нации и как историко-культурной, и как духовной общности людей, возникшей в результате метисации и желающей «жить вместе» (Ренан 1902), к которому и сегодня обращаются сторонники и правого, и левого политического дискурса.

Многие прежние концепции нации были раскритикованы в послевоенные десятилетия, когда в общественных науках произошло отторжение «этнокультурного» понимания нации. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. дискуссии об идентичности, инициированные левыми, возобновились и продолжают по сей день. Они идут как по поводу того, что является содержанием понятия национальной идентичности, роли отдельных ее составляющих, так и по поводу того, существует ли вообще национальная идентичность? Некоторые, говоря о «болезни», утрате, «распаде» идентичности, ее «перекомпоновке», «множественных идентичностях», идентичностях «жестких» и «мягких», и т.п., настаивают на существовании проблемы (Bayar 1996: 76; Finkielkraut 2013; Bouvet 2015; Rachik 2017 и мн. др.) и даже считают, что Франция в настоящее время проходит наиболее тяжелый в своей истории кризис идентичности (Casali 2016).

Сторонники другой точки зрения считают проблему надуманной, политически опасной, а само понятие национальной идентичности эфемерным и даже не имеющим содержания. Так, например, Ж. Нуарьель, известный историк, специалист по истории иммиграции и проблемам идентичности, считает, что французской национальной идентичности вовсе не существует, она лишь «элемент политического языка», который «создает отчуждение (стигматизацию) иммигрантов», что это «ложная, несуществующая проблема, предвыборный лозунг, призванный превозносить предрассудки самой ксенофобской части населения». На его взгляд, «нет и определения национальной идентичности, приня-

того всеми исследователями, потому что это не научное понятие, а выражение, принадлежащее политическому языку» (Noiriel 2007: 126; 2015). Подобную точку зрения разделяет и политолог Ж.-Ф. Байяр, полагая, что такого явления, как идентичность, нет, «но есть противоречивые процессы идентификации, которые определяют переменную геометрию национальной и гражданской принадлежности» (Bayard 2009). В недавно вышедшей книге «Паника идентичности: идентичность в призме социальных наук» (Paniques identitaires... 2017) коллектив французских авторов обращается к проблемным аспектам этого явления, которые, по их мнению, драматизируют в своих политических интересах представители правых взглядов, но которые следует, в общем, относить к вопросам социальным и религиозным.

Некоторые авторы предлагают признать, что проблема кризиса идентичности есть, она обусловлена значительными переменами во Франции, произошедшими за последние два столетия, и есть также необходимость выработки *обновленной концепции нации* (Lacoste 1998).

Подобная поляризация мнений отнюдь не случайна, в стране сложились левый и правый дискурсы национальной идентичности, которые имеют в своей основе идеологический характер. Острота дебатов по этому поводу в последние два десятилетия вызвана, на мой взгляд, серьезной *дестабилизацией ориентиров*, определяющих смысл понятия «национальная идентичность», неудовлетворенностью части общества прежним его пониманием и возвращением к обсуждению самих основ модели национальной идентичности. В чем же видятся основные причины такой ситуации?

Наряду с процессами глобализации, которые усиливают унификацию культуры, что, как полагают представители правой точки зрения, угрожает сохранению своеобразия культуры французской, существует еще и миграционный вопрос, который в последнее время тесно увязывается с темой национальной идентичности. Массовая иммиграция усиливает этническое многообразие и возвращает французское общество к проблеме, казалось бы, когда-то уже решенной – задаче достижения (национальной) гомогенности и единства нации. Процесс интеграции иммигрантов не успевает за ростом иммигрантских общин, большинство из которых составляют выходцы из стран Магриба. Сегрегация иммигрантских меньшинств усиливается и самой франкоцентристской моделью интеграции, а также и проявлениями к ним дискриминации. Ожидания этих сообществ, что они будут расти и усиливаться за счет вновь прибывающих, не способствуют их стремлению интегрироваться во французскую нацию, а укрепляют желание сохранять прежнюю арабо-мусульманскую идентичность. Речь не идет, конечно, о всей совокупности прибывающих, но о довольно заметной ее

части. Принимая массовую миграцию, Франция по существу становится иммигрантской страной, хотя складывающееся при этом этнокультурное многообразие не признается (Любарт 2017: 21–23). Можно сказать, что несмотря на четко сформулированный в Конституции вектор формирования нации как единой, гомогенной общности, Франция перестала двигаться в этом направлении.

Страну затрагивают также процессы частичного «размывания» национального суверенитета в связи с ходом строительства единой Европы, появлением более «прозрачных» границ. Исследователи отмечают, что «доверие к соседним народам (например, между немцами и французами) и чувство принадлежности к европейскому сообществу заметно выросли», а «общей тенденцией, бесспорно, является ослабление национального чувства. Однако это происходит не за счет появления наднационального, европейского самосознания, а скорее за счет широкого распространения индивидуалистических ценностей» (Дьеккофф, Филиппова 2014: 197).

Французское общество настоящего времени существенно отличается от того, в котором формировалась государственная концепция нации, что и вызывает серьезные дискуссии. При этом идея национальной идентичности оказалась одной из самых востребованных и одновременно самых сложных для обсуждения. Связанная в риторике крайне правых с темой иммиграции, активно используемая ими с 2000-х гг., она стала своеобразным идеологическим клише, попав в разряд «политически некорректных» тем.

Так или иначе, в последние два десятилетия дебаты по этому вопросу приобрели особый накал, охватив не только научное сообщество, но и сферу политики – от высших государственных функционеров до представителей разных партий и политических групп, писателей и публицистов. Из медиапрофессионального пространства дискуссии вышли на просторы интернета и оказались в центре внимания блогеров, а также многих активных читателей новостных изданий, которые получили возможность делиться своими комментариями по волнующим их сюжетам. Заявили о своей позиции и те, кто до сих пор не имеет в стране официального наименования – группы населения иммигрантского происхождения, которые, по французским законам, запрещено выделять среди остальных французских граждан.

К теме национальной идентичности на протяжении последних десятилетий, в силу ее большой значимости, неоднократно обращались многие президенты и кандидаты на этот пост, в том числе социалисты Ф. Миттеран и Ж. Ширак, глава ультраправого Национального Фронта Ж.-М. Ле Пен, который еще в 1980-х гг. популяризировал в публичном пространстве выражение «национальная идентичность», увязывая его с отрицательным отношением к приему иммиграции.

Но особенно большое место эта тема заняла в деятельности Н. Саркози, при котором в 2007 г. было создано «Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и соразвития». Сам факт создания министерства, в названии которого фигурирует слово «идентичность» (в сочетании со словом «иммиграция»), вызвал протест части французских интеллектуалов, усмотревших в этой кампании попытку инструментализации темы политиками, 20 из них выступили с открытым заявлением, указав на опасность такого шага для французской демократии (Nous exageons... 2009). Известный социолог М. Вивьерка заявил, что создание такого министерства только усиливает напряженность вокруг миграционного вопроса, другие указали, что такая политика формирует закрытое общество и способствует ксенофобии (Ale magna 2009).

В 2009 г., с подачи президента Н. Саркози, были открыты широко разрекламированные «большие дебаты» о национальной идентичности. В письме министру иммиграции Э. Бессону, поручая ему начать эту кампанию, Саркози писал: «Мы должны возобновить дискуссию о республиканской и национальной идентичности, утвердить, что сегодня значит “быть французом”». Во многом повторяя идеи Э. Ренана, он говорил о воле «жить вместе», «разделять единую идентичность с культурой, историей, языком, ценностями, которые ее образуют и создают условия для успешной интеграции». «Наша нация смешанная. Иммиграция является источником постоянного обогащения нашей национальной идентичности» (Sarkozy 2009). Наряду с вниманием к проблемам интеграции новых граждан, которые должны принимать ценности французской демократии и культуры, в риторике самого политика появился новый оттенок. Н. Саркози неоднократно заявлял, что он «человек смешанной крови во главе смешанной нации» («Je suis un homme de sang mêlé à la tête d’une nation métissée»). Понятие «смешанная нация», непривычное для официальной риторики, повторялось неоднократно в его речах и книге (Sarkozy 2006: 280), «задача состоит в том, чтобы решить проблему смешения. <...> Это не выбор, это обязательство» [(цит. по: Ménèbrez 2009)].

Однако, кроме указанных выше позиций, отражающих основной политический расклад в стране, в ходе дискуссии прозвучала точка зрения тех, кто имеет иммигрантское происхождение. Заметим, что во французском политическом языке на сегодняшний день нет термина, означающего эту группу населения, что само по себе уже таит проблему: все, кто имеет французское гражданство, считаются французами. Любое другое слово, выделяющее бывших иммигрантов и их потомков среди всех граждан страны, считается дискриминирующим. Однако в реальности эта группа граждан выделяется по ряду признаков, и сведение их проблем только к проблемам социальным, как это обычно делается, скрывает реальную ситуацию.

Наиболее ярко выразили интересы этой группы пять ее представителей, выступив с «Призывом о многокультурной и пострасовой республике», в котором говорится о необходимости осознать подлинность существования проблемы – увеличение «культурного многообразия» страны. Французское общество, на их взгляд, «глубоко обновилось», Республика должна стать «открытой для всех граждан», чтобы они могли «жить вместе». Проблема же состоит в том, что Франция, в отличие от многих других европейских стран, не может «примириться со своим прошлым», т.е. колониализмом, следствием которого являются миграционные потоки из бывших колоний (L'appel... 2010: 15).

«Монохроматический» взгляд на национальную идентичность заставляет некоторых французов подвергать сомнению национальность своих соотечественников или воспринимать иммиграцию как фактор разрушения идентичности, которую они хотели бы видеть неизменной», – говорят авторы, напоминая имена предков-иммигрантов, проявивших свою доблесть во имя интересов Франции и сожалеют о том, что французы забыли об этом и даже стали рассуждать о «благе колонизации» для бывших зависимых стран (15–16).

Призывая не к мононациональной, но к «мультикультурной и пострасовой республике», авторы документа требуют, чтобы «колониальная история и история рабства» были признаны «частью национальной истории»: «Времена меняются, даже если некоторые люди пытаются убедить нас в том, что говорить об истории значит уже быть “раскаившимися”. На что мы отвечаем: “нет”. Говорить об истории – значит просто позволить всем узнать, как сформировалась наша французская идентичность», в «монохромной Республике», как ее все еще представляют масс-медиа, на самом деле живет «полихромная нация» (17–18). Слова документа – «наше общество должно позволить человеку процветать в этих многочисленных идентичностях» – являются по сути дела требованием мультикультурализма, далеко от ассимиляционной модели нации. «Понимание идентичности должно выйти за пределы единообразной модели типа француз – это человек белой расы, католической веры, определенной цивилизации», «быть французом – это не некая константа, но желание жить вместе, в наших смешанных идентичностях без необходимости отрицать часть себя. Мы должны оставить время, когда люди мыслили биологическими детерминизмами, слишком часто воспринимаемыми как непреодолимые»; «идентичности не являются священными объектами, фиксированными и неоспоримыми, определяемыми самопровозглашенными хранителями традиций» (22).

Заметим, что вклад иммиграции в формирование нации оценивают и другие. Вот что думают об этом, например, читатели больших новостных изданий, которые оставляют свои комментарии к прочитанным статьям: иммигранты – «не проблема, а богатство Франции. «Именно

благодаря иностранцам и «плавному котлу» Франция стала великой нацией» (Здесь и далее перевод в комментариях мой. – М.Л.) (Rive gauche 2016). В то же время в блогах встречаются и противоположные мнения: «Европа исчезнет, подавленная и растворенная, и это неизбежно, если (европейские) государства и особенно Франция не обуздают этот бурный натиск» (clubsud 2015).

Требования «Призыва», казалось бы, должны быть близки левым, которые обычно стоят на защите от дискриминации иммигрантов и их потомков. Однако такая позиция отнюдь не находит безоговорочной поддержки левых сил, поскольку идею мультикультурализма разделяют далеко не все.

Дискуссия об идентичности, инициированная Н. Саркози, подверглась критике и слева, и со стороны крайне правых, и была свернута вскоре после его ухода с президентского поста. Даже по мнению весьма консервативного политика Ж.-П. Раффарена, стране нужно единство, а не дискуссия об идентичности. Для очень многих эти дебаты стали синонимом обсуждения болезненной иммиграционной тематики (Combes 2010: 171; Sahraoui, Sellam, Tegui 2011: 40–41). Ряд французских историков сочли инициативы Саркози возвращением к националистическому дискурсу сороковых годов. Ж. Нуарьель объясняет это тем, что логика идентичности, рожденная в девятнадцатом веке, с тех пор постоянно питала националистический дискурс (Noiriel 2007). Для многих левых (в том числе леволибералов) дискуссия об идентичности является *идеологической конструкцией, которая функционирует как машина войны* и которую используют крайне правые, эксплуатируя человеческие эмоции, чтобы привлечь к себе новых сторонников из числа невысоких социальных слоев (Meunier 2016). Иммиграционный вопрос «потенциально взрывоопасен», он может быть «чувствительным из-за сильных идеологических вложений <...>, рискует вызвать опасные конфронтации для национального единства, вызывая дрейфы по сравнению с “республиканскими” ценностями, на которых был достигнут консенсус (Lochac 1998: 246–247).

«Поддаваясь sireнам вопроса идентичности, люди не делают ничего иного, как каждый раз возвращаются к тому, что они делают хуже всего: теоретизируют о принятии или непринятии себе подобных», «нет лучшей маски для ксенофобии, чем хорошая дискуссия о идентичности», обращение к ней – просто способ подмены решения более важных проблем – экономических и социальных, и недобросовестные политики, которые не хотят решать эти сложные вопросы, обращаются к дискуссии об идентичности», – таково мнение публицистов левого направления (Falize 2017).

В этом контексте, по мнению левых, когда обсуждение идентичности утрировано средствами массовой информации и позицией некото-

рых авторитетных личностей, «кризис идентичности» из идеи надуманной имеет тенденцию становиться «реальностью», которая производит реальные эффекты из-за его постоянного раскручивания в публичном пространстве» (Meugan 2016). Однако существует и прямо противоположное мнение, что французская идентичность действительно находится под угрозой. Вот что говорит, например, один из читателей «Фигаро»: «...у нас демонизирована идентичность, потому что для некоторых она обязательно синонимична расизму и исключению Другого. Мне кажется, что некоторые народы мира упорно возрождают свою идентичность, как индейцы Америки», африканцы и другие, «только Европа или Франция не имеют права ее иметь» (Elise33 2018).

Итак, официальная дискуссия по этому вопросу была прекращена, однако дискурс не исчез. Дебаты по поводу французской идентичности снова приобрели остроту в ходе предвыборной президентской кампании 2017 г., в которой этот вопрос, наряду с проблемами иммиграции (кампания проходила на фоне миграционного европейского кризиса), оказался одним из важнейших. Об этом вновь говорил Н. Саркози, А. Жюпе рассуждал о «счастливой идентичности» (*identité heureuse*), М. Ле Пен – о «потере идентичности» (*perte d'identité*), глава социалистов Ф. Олланд – об «оборонительной идентичности» (*identités défensives*), Э. Макрон – о темах, близко соприкасавшихся с идентичностью – о роли ислама в обществе и принципе светскости.

Как можно заметить, дебаты по поводу идентичности весьма политизированы и имеют выраженно *идеологический характер*. Несмотря на различия и нюансы, их с известной долей условности можно разделить на две большие группы: левую точку зрения (включая леволиберальную) и правую (от умеренно центристской до крайне правой), принимая во внимание также то, что внутри каждой из этих групп существуют вариации мнений.

Истоки «левого» подхода к проблемам национальной идентичности исторически восходят к идее нации, как она была сформулирована философами Просвещения, которые вкладывали в нее гражданский смысл, имея в виду построение демократической модели светского общества, общества свободы и прав человека, порвавшего с реакционным прошлым, его историей и традициями, казавшимися тогда консервативными, мешавшими общественному прогрессу. В те революционные времена, и много позднее, французская нация, согласно этой концепции, являлась воплощением духа прогресса.

До сих пор «реперные точки» такого понимания идентичности остаются прежними. Для части левых (в том числе неолибералов) ха-

рактерны также европеизм (противопоставляемый идентичности европейских народов), идеал Европы и даже мира без границ, и соответствующая «глобальная идентичность» (*identité mondiale, citoyenneté globale*). Согласно такому пониманию, «Франция не определяется как “раса”, “этническая принадлежность” и, тем более, как “религия”, а как сумма ценностей. Иногда мы слышим, что эти ценности универсальны. Вероятно, так и должно быть, но мы должны признать, что это не так, и на самом деле некоторые страны не признают их всех» (Kookaboura 2014).

Прием миграции выглядит в этой системе ценностей как открытость миру, готовность принять в состав нации тех, кто разделяет приверженность к демократическим республиканским ценностям. Левые в целом за прием иммиграции (хотя и с рядом поправок о контролируемой миграции) и против дискриминации новых граждан Франции, что составляет предмет их особой заботы. «Мы лицемерно говорим о своих ценностях, предавая их, когда речь идет о мигрантах. Они ассоциируются с делинквенцией. На самом деле это банальный расизм. Дело не только во Франции; также и Европейский союз охвачен подобным лицемерием, которое провозглашает права человека и демократические свободы, а на деле практикует противоположное, полагаясь на политическую вялость народов, которые его составляют. Право на свободу перемещения является фундаментальным» (Cléro 2011).

Согласно пониманию идентичности *правыми*, которые также безусловно признают республиканские принципы демократии, французы к тому же – европейский народ с христианскими корнями, греко-латинской по происхождению культурой, живущий на «богатой и красивой территории, обихоженной поколениями жителей, имеющий многовековую историю, которая началась задолго до 1789 г., когда была установлена Республика», Франция – это также «душа». «Наша национальная идентичность одновременно является культурной, религиозной, этнической, территориальной и исторической», а также, как отмечал Э. Ренан, у нации существует «душа, духовный принцип», который выражается «осязаемым фактом... ясно выраженным желанием продолжить жизнь вместе», – говорится в программной редакционной статье ассоциации «Правая линия» (Proclamer 2018).

В еще одном схожем определении «национальной идентичности», которое дает Ж.-И. Менебре, один из организаторов идентитаристской организации «Полемиа», заметны акценты, характерные для этого варианта понимания идентичности: ценность истории, национальной самобытности, исторических корней. Его определение тоже близко к ренановскому: «Нация, как и человек, является кульминацией долгой истории усилий, жертв и самоотверженности. Культ предков является самым законным / естественным из всех; предки сделали нас теми, кто

мы есть. Героическое прошлое, великие люди, слава, – это социальный капитал, на котором мы строим национальную идею. Иметь общую славу в прошлом, общую волю в настоящем; совершив вместе великие дела, желать сделать что-то снова», «субъективная основа нации относится к объективной основе: это наследие» (Ménébrez 2013).

Правые требуют уважать право на французскую идентичность, которая отличает их от других народов, в том числе в культурном смысле. Понимание идентичности левых они считают безликим. Вот весьма характерное высказывание, сделанное одним комментатором в блоге: «...левые сделали Францию страной без души, без истории, населенную зомби, одурманенных потребительством» (pavlvs 2017).

Такой набор политико-гражданских критериев (права человека, лозунг «...свобода, равенство, братство»), который левые кладут в основу французской идентичности, может быть применен к любой стране. Согласно этой логике, «французом» может считаться любой человек, признающий демократические ценности и права человека. В интернете немало карикатур на этот счет, изображающих даже инопланетян, заявляющих, на основе такого понимания национальной идентичности, что «они – французы».

В понимании идентичности левыми немалое значение имеют *социальные вопросы*, в том числе идея социальной справедливости и защищенности. Так, например, видный деятель Социалистической партии М.-С. Руайяль заявила: «Быть французом – это флаг и социальное обеспечение». Французская журналистка и социолог левых взглядов (Caroline Fourest) на вопрос «Что значит для вас быть французом?», отвечает: «Это значит жить в стране, где человек не умирает во время работы, где у него определенное качество жизни, социальное обеспечение, равные возможности, в стране, где заработная плата самых богатых не в сто раз больше, чем у самых бедных» (Karlin 2009).

Видоизменяясь и приобретая новые интерпретации, понимание левых и неолибералов включило отчасти и идеи так называемого *открытого общества*, как оно понималось А. Бергсоном и К. Поппером, с его динамизмом, прозрачностью границ, соседством в одном государстве разных культур (мультикультурализм), открытостью к приему миграции. Равенство, а также отрицание всякой дискриминации и ксенофобии, включая расизм, – один из ключевых постулатов этого взгляда. Продолжением этой линии являются чувство *вины за свое колониальное прошлое* и пересмотр некоторых страниц истории, которые могут быть восприняты обществом как не политкорректные. Во французской истории, на взгляд левых, есть темные страницы – Крестовые походы, географические открытия и связанная с ними колонизация, преступления колониализма. Отсюда рождаются *чувство вины*, самобичевание, потребность в «покаянии» и искуплении, преклонение перед Другим, ко-

торые, на взгляд правых, иногда превосходят меру. В одной из своих статей известный адвокат и публицист Ж.-В. Гольднадель определяет ситуацию так: «...осмелимся предположить, что в опустошительном отрицании французской и западной идентичности лежит патологическое неприятие воображаемой белой и иудео-христианской идентичности» (Goldnadel 2018).

Историк Дм. Казали утверждает, что Франция «стала чемпионом мира по самобичеванию. Это самая пессимистичная страна в мире, и хорошо видно, что этот кризис идентичности будет иметь драматические последствия для нашего будущего». «Мы научили французов любить все, что они ненавидят, и ненавидеть все, что они любят», – говорит автор о ценностях неолиберализма. «Франция на протяжении долгого времени была образцом для мира, но, к сожалению, сегодня это не так. Наша идентичность была построена на культурной исключительности, к сожалению, это (чувство гордости за свою страну. – М.Л.) больше не передается нашим детям». Казали считает, что за это частично ответственна система образования. «Французская школа находится в кризисе», он называет причину этого кризиса – «прекращение передачи детям чувства любви к своей родине. Когда мы видим, что 37% молодых людей иностранного происхождения не чувствуют себя абсолютно французами, мы видим, что существует проблема идентичности» [(цит. по: (La France est... 2017)].

Что касается приема массовой миграции, то правые в целом – за ее ограничение, а крайне правые настроены еще более негативно. Главное требование по отношению к прибывающим – интеграция. Вот что на этот счет говорит известный писатель Э. Земмур: «Французы – это прежде всего народ белой расы, христианских корней, французской исторической культуры. Во Франции могут жить и желтые, и черные французы, но как *меньшинство* (курсив мой. – М.Л.). Быть французом – значит принимать это. Однако иммигранты не принимают это, они сохраняют свои ценности. Сейчас во Франции существует два народа, один из которых представлен в «сложных кварталах», происходит насилие в отношении коренного населения и колонизация территории Франции» (Raphaël Glucksmann...; Zemmour 2016).

Отвергая любую отсылку к этнической идентичности, выступая против этнического дифференциализма (Combes 2010: 171), французские левые отвергают и соотнесение национальной идентичности с какими-либо этническими традициями, «фольклоризмом» (которые особенно дороги правым), считая их питательной средой для развития национализма. В их глазах «национальная культура» меркнет перед лицом развивающейся глобальной, общемировой культуры. Как сказал Э. Макрон в одной из речей (в феврале 2017 г.) своей предвыборной кампании: «Не существует французской культуры, но есть культура Франции» (Il n'y a pas de culture française. Il y a une culture en France) (Citations).

Это заявление президента породило много откликов. Так, например, Ив Жего, политический деятель правых взглядов, ответил на него так: «Во всем мире знают, что существует французская культура, и Францию любят за ее культуру», «французская культура существует, и она богата, разнообразна, жива, она уникальна и открыта, она существовала всегда» (Jégo 2017).

Вопрос о роли культуры в национальной идентичности – один из основных в этом споре. Отвергая обвинения левых в пассаизме и консерватизме, Жего говорит: «Когда мы заявляем, что французская культура существует, это происходит не потому, что мы утверждаем, что она превосходит другие, а потому, что мы знаем, что быть французом – значит иметь общую культуру, свой язык и республиканский дух». Утверждать существование французской культуры – значит воспринимать культуру как общее благо. «Главное, фундаментальное – это наша способность жить общей культурой, лелеять и обогащать ее вместе. Так что да, есть особая и уникальная французская культура, рожденная тонким и мощным сочетанием нашей истории и тех, кто создал французскую нацию» (Jégo 2017).

Правые, и в особенности крайне правые, в значительной мере ближе к культурному (в том числе этнокультурному, антропологическому) пониманию национальной идентичности. Для них гораздо большее значение в ее определении играют традиции, многовековая история, христианские корни; некоторые говорят и об общности происхождения от одних предков (галло-римлян и т.д.), эмоциональной привязанности к родной земле и нежелании утратить собственную французскую культуру.

Это так называемая закрытая концепция национальной идентичности, связанная со стремлением сохранять собственную культуру, скепсисом по отношению к проекту европейского строительства, который рассматривается как угроза национальной культуре, образу жизни и даже как предательство национальных интересов. Отрицать ценность истории, исторических корней нации, роли христианства, французской культуры, как это делают представители левых взглядов, – значит, по их мнению, полностью разрушить Францию, лишить ее своеобразия, ее историко-культурной ценности.

Представители этой точки зрения недовольны политикой проевропейского руководства, настроенного на нивелирование национальной культуры. «Настало время, чтобы те французы <...> которые, несмотря ни на что, остаются самыми многочисленными, избавились от смиренной рубашки господствующей идеологии и боролись против отрицателей своей идентичности <...>. Пришло время вернуться к этому определению здравого смысла! Табу французской этнической принадлежности, религии и культуры должно быть нарушено» (Ménébrez 2009).

Примером подхода к проблемам культуры с более центристской позиции являются работы профессора Лорана Буве, специалиста по политическим доктринам, автора книги «О «культурной небезопасности» (Bouvet 2015). Он обращается к рассмотрению вопроса, который по-прежнему остается «табу» в глазах французской (левой) интеллигенции: *роли культуры* в отношениях между различными группами общества и антагонизмами, которые «культурная идентичность» может генерировать. Буве обращается к причинам роста (правого) популизма, набирающего силу в стране, с его озабоченностью «культурной незащищенностью» коренных французов. Людей волнуют не только социальные и экономические трудности, к которым официальные власти сводят все проблемы, они также беспокоятся и о собственной идентичности, основанной на «исконно» французской культуре, которой угрожают, как им представляется, глобализация, утрата прежних ценностей и нерегулируемые миграционные потоки. Именно это чувство тревоги Л. Буве и называет «культурной незащищенностью». Заметим, что тревога о «культурной (гражданской) небезопасности» характерна не только для крайне правого Национального фронта (Национального альянса – с 2019 г.), но и значительной части умеренно правых, в частности UMP (Союз за народное движение). Не разделяя точку зрения правых, дистанцируясь от «культурализма» последователей Ф. Боаса, которые сводят поведение индивидов и групп к «культурному детерминизму», Л. Буве признает, тем не менее, существование проблемы. Она не видна, по его мнению, (левым) либералам, французской элите, живущей в богатых кварталах, склонной к «высоко гуманным» рассуждениям, и не соприкасающимся с миром иммиграции. Однако эти проблемы знакомы не понаслышке менее обеспеченным, «народным классам» общества. «Несмотря на все успокаивающие речи, каждый в своей повседневной жизни может осознать, что французские традиции и образ жизни ставятся под сомнение самым невыносимым образом, даже если это не воплощается в форму физической агрессии или террористического акта», – пишет Л. Буве.

Л. Буве отрицает, что путь мультикультурализма может быть подходящим для Франции: «Нормативный мультикультурализм, стремление к признанию идентичности и поощрение разнообразия являются не только неэффективными средствами достижения целей, <...> но и создают такие извращенные эффекты и противодействующие силы, которым они рискуют, если мы заботимся о том, чтобы не расторгнуть социальную связь и не уничтожить все общество». По его мнению, для решения проблемы нужно «сделать идентичность и культурные требования меньшинств приемлемыми», искать настоящее решение проблемы, не прячась от нее, и не отдавая столь важный аргумент как культура в безраздельное «политическое пользование» крайне правых (цит. по: [(Mazin 2015)]).

Другой взгляд на вопросы идентичности и культуры демонстрирует В. Мартиньи, он делает акцент не столько на культурные различия (меньшинств, в том числе иммигрантских) внутри страны и необходимость достижения внутренней гомогенности, сколько говорит о необходимости сохранения культурного своеобразия Франции среди других стран мира, в «концерте других наций». Темы культуры и самобытности, которые с 1980-х гг. пропагандировали левые, переместились на другую сторону политического спектра, в пространство, в котором они все еще развиваются сегодня. Автор показывает, что хотя правые разрывают с социалистическим нарративом, они повторяют основную линию последнего: «Франция черпает свое величие в своей культуре, которая является цементом нации» (Martigny 2016: 265).

Что касается *религиозного аспекта национальной идентичности*, то и здесь ситуация неоднозначна. Некогда «старшая дочь» католической церкви, Франция сегодня – одна из самых атеистических стран Европы, что во многом является следствием проводимого принципа светскости французского государства (лаицизма), в необходимости строго соблюдения которого уверено большинство населения. Однако существуют нюансы.

Для многих, в первую очередь придерживающихся правых взглядов, христианство является важной частью историко-культурного наследия, религией, которая на протяжении веков определяла облик французской культуры, основы которой они не хотели бы потерять или видеть их замененными на другие. Наибольший процент (54%) людей, считающих, что Франция должна опираться на «христианские корни», по данным опросов Французского института общественного мнения (IFOP), среди католиков. Но среди них есть разные группы: наибольший процент приверженцев идеи «христианских корней» – среди практикующих католиков (69%).

Согласно исследованиям IFOP, католики *в целом благожелательно относятся к иммигрантам*, придерживаясь традиций христианского милосердия и сострадания к страждущим. Поддерживают призыв Папы Франциска принимать мигрантов 60% католиков. И хотя среди разных групп католиков существуют различия в зависимости от взглядов, «закрытые» католики (относящиеся отрицательно к иммиграции мусульман) составляют меньшинство. Милосердие по отношению к мигрантам и беженцам не отменяет того факта, что 47% католиков полагают следующее: французская идентичность находится под угрозой. Многие, с одной стороны, одобряют государственную помощь таким нуждающимся, с другой – сомневаются по поводу целесообразности приема массовой миграции и озабочены будущим Франции в связи с этим (Perceptions 2018: 8–10).

Только 1/3 католиков считает, что мигранты вполне могут жить согласно привычным им традициям и обычаям (т.е. разделяют идеи мульт-

тикультурализма), большинство же полагает необходимой их интеграцию. Против полного закрытия границ для миграции 61% католиков (Perceptions 2018: 10). Таким образом, взгляды католиков по вопросам иммиграции не являются однозначными, они колеблются от позиции весьма либерально настроенных «католиков-мультикультуралистов» до католиков-националистов, тех, кто опасается за судьбу французской идентичности, виня в ее деградации мигрантов. Открытая враждебность в этой группе населения, как, впрочем, и в других редка: современное французское общество прошло большой путь развития по пути демократии и толерантности.

В иерархии идентичностей, похоже, идентичность религиозная не занимает главенствующего места. Как считают социологи, «в представлении французов единственным легитимным сообществом является нация» (45).

Весьма показательной была реакция общества на пожар 16 апреля 2019 г. собора Парижской Богоматери, одного из символов Франции. Как это бывает в состоянии потрясения, началась оживленная дискуссия, всплеск национального самосознания, принявшего разные формы. Президент Э. Макрон выступил с заявлением, что собор будет восстановлен. Правые уточняют, что он должен быть восстановлен в прежнем виде, и даже более того. «Должен быть восстановлен не только собор Парижа. Франция, находящаяся в депрессии из-за своей вины и восхищения Другим, также нуждается в восстановлении», «иногда необходимы трагедии, чтобы вывести декадентских людей из-под амнезического легкомыслия. Именно “прогрессисты”, враги ностальгии, ослабили уважение к предкам и старым камням Франции, изображая ее устаревшей, безобразной, одиозной», – говорит один из известных правых журналистов (Rioufol 2019).

Среди неверующих (каковых в стране большинство), доминирует отношение к христианству прежде всего как к культурному наследию. Вместе с тем для левых в целом характерно довольно и *благоприятное отношение к исламу*, который, благодаря иммиграции, стал второй по численности конфессией страны. Такая позиция объясняется рядом причин. Во-первых, левые и либералы склонны к защите любых меньшинств, в том числе и религиозных. Во-вторых, нередко говорится, что мусульмане, в конечном итоге, имеют те же ценности, что и христиане. В-третьих, мусульмане являются значительной частью электората левых.

Правые обвиняют левых в недальновидном отношении к «распространению ислама»: «...практика ислама является гиперретроградной и представляет как раз все то, что они (левые. – М.Л.) не любят: мужской шовинизм, насилие, обскурантизм <...> Я вижу этому только одно объяснение. Им не нравится все то, что формировало нашу страну на протяжении веков. Они хотят вычеркнуть все это из прошлого, предпочи-

тая иностранное тому, что было создано Францией», – говорит один из комментаторов блога (OULLINOIS 2018).

Перед лицом растущего ислама, а тем более исламизма, большинство (и в этом у левых и правых есть консенсус) видят опору в строгом соблюдении принципа светскости, при этом некоторые говорят о христианских культурных традициях: «Франция – это страна католической традиции и должна таковой остаться, это наша культура. Она является также светской страной, и эта светскость должна <...> защищаться повсюду, чего мы сейчас не наблюдаем» (Dulcinée 2018); «Светскость остается нашей единственной крепостью, которая защищает нас от всякой радикальной религии» (Klaus Muller 2018).

А вот что говорят некоторые из комментаторов в интернет-блогах: «Я предпочитаю христианство, к которому относится большинство в течение тысячелетия, а также иудаизм, а не недавно пришедшие конкурирующие религии» (fanfan18 2018).

Дискуссия о национальной идентичности в связи с фактором иммиграции отражается и в медиапространстве, теледебатах с участием видных представителей политики, науки, людей искусства. Она звучит и в произведениях публицистов и писателей, которые также придерживаются разных идеологических позиций. Так, Жак Аттали, известный экономист и социальный теоретик, советник Ф. Миттерана, автор ряда популярных книг, среди которых «На пороге нового тысячелетия» (1991), «Краткая история будущего» (2006), разделяет левоглобалистские взгляды, считает миграции неотъемлемой чертой настоящего и будущего. Это будущее, на его взгляд, не связано с существованием каких-то отдельных наций, национальные границы будут стираться.

Гораздо более остро и даже драматично эти темы звучит в произведениях известного французского писателя М. Уэльбека, в частности в романе «Покорность» (2015), написанном в жанре политической фантастики. Роман приобрел мгновенную и огромную популярность на фоне событий миграционного кризиса 2015–2016 гг. и терактов. Повествуя о событиях близкого будущего, о 2022 г., когда к власти во Франции путем демократических выборов приходит президент-мусульманин, Уэльбек показывает, как стремительно меняется весь уклад жизни, какой неузнаваемой становится Франция. Роман, как мне видится, говорит не только о крушении французской (христианской) цивилизации, но и о той роли, которую в этом сыграли французские интеллектуалы, многие из которых безразличны и апатичны к происходящему, готовы к компромиссам и далеки даже от идеи борьбы за «свою» Францию. Уэльбек указывает и на роль в этой ситуации левых:

«закованные в кандалы идейного антирасизма, левые лишены возможности не только бороться с мусульманским кандидатом, но даже критиковать его», «левоцентричные журналисты в слепоте своей не уступали троянцам. Подобная слепота, впрочем, не несла в себе никакой исторической новизны: в тридцатые годы прошлого века то же самое происходило с интеллектуалами, политиками и журналистами», которые все как один были убеждены, что Гитлер «рано или поздно одумается» (Уэльбек 2016: 64, 177). Герой романа под влиянием философии Тойнби говорит: «...цивилизации гибнут не от руки убийцы, а сами убивают себя» (294). Другой персонаж, профессор университета, принявший ислам, заявляет: «...та Европа, которая находилась на вершине цивилизации, убила себя всю за несколько десятилетий» (296). Добавим, что популярность М. Уэльбека в стране огромна, особенно среди молодежи, это один из самых известных французских писателей в мире, лауреат ряда литературных премий, в том числе Гонкуровской. В апреле 2019 г. президент Макрон вручил ему наивысшую награду страны – Орден Почетного легиона, отметив в своей речи, что признает заслуги писателя, несмотря на несходство их политических взглядов (Faue 2019).

Другой известный писатель, журналист, политический обозреватель, активный участник радио- и теледебатов, неизменно собирающего огромные аудитории – Эрик Земмур, объявляет себя голлистом и бонапартистом, решительно выступает против массовой иммиграции (называя ее демографическим цунами) и нынешней (неолиберальной) модели интеграции, призывая вернуться к модели ассимиляционной. Размышляя о судьбах страны, он критикует характерный для левых пересмотр истории. Так, в своей книге «Французское самоубийство», имевшей огромный успех, он пишет: «Все извернуто, перевернуто, ниспровергнуто. История продолжает оставаться нашим главным кодом, но и она вся оказалась вывернута наизнанку, искажена... Мы больше не знаем, куда идем, потому что больше не знаем, откуда идем» (Zemmour 2014: 10).

Определенное воздействие на дискуссию о национальной идентичности имел и миграционный кризис 2015–2017 гг. Хотя он затронул Францию только «по касательной», тем не менее весьма обострил общественные и политические дискуссии по иммиграционному вопросу (Любарт 2018). Правительство Ф. Олланда выступило за принятие страной своей квоты беженцев, что нашло, с одной стороны, определенную поддержку со стороны правозащитных и гуманитарных организаций, левых сил, части населения. С другой стороны, действия правительства, а, еще в большей мере зловещие теракты, прокатившиеся

во Франции (в Париже, Марселе, Нице и других городах) привели к активизации антииммигрантских и антиисламских настроений. Правые обвинили правительство левых в намерении ослабить государство, в неуважении к власти и ее институтам, в задачу которой входит защита границ и суверенитета страны. Политика левых, с их точки зрения, ставит под сомнение саму идею Государства-нации, которая составляет конституционный базис Франции. Глава Национального фронта М. Ле Пен сравнила «миграционную волну» с «варварским нашествием» на Европу IV в., предупредив, что оно будет иметь схожие исторические последствия. «Гигантское миграционное движение не является вторжением, которое затем удалится; они приходят, чтобы здесь остаться» (Boni 2015).

Миграционный кризис и теракты привели к активизации и даже появлению новых правых и крайне правых организаций, идентитаристских и традиционалистских католических организаций, общему увеличению поддержки правых (Любарт 2017: 27–28). Наиболее общая платформа, которая их объединяет, – защита собственной исторической французской культуры и идентичности, традиций коренного населения, прекращение приема массовой иммиграции. Например, лозунгами праворадикальной «Франции несогласной» (в марте 2015 г.) были: «Хватит иностранцев», «Массовая иммиграция губит нашу цивилизацию и будущее нашего народа», «Мультикультурализм провалился» (Migrants 2015); акции крайне правого движения «Сторонники идентичности» («Les identitaires») проходили против иммиграции неевропейского происхождения, распространения ислама в Европе и «великого замещения» европейского населения пришельцами с иных континентов; молодежное объединение «Génération identitaire» заявляло об «этническом, культурном видении европейской идентичности» (Leclerc 2016) и т.д. Ряд других действий правительства по приему беженцев вызвал противоречивые реакции: находились и сторонники, и противники гостеприимства.

По результатам исследования, проводившегося Французским институтом общественного мнения (IFOP) в сентябре 2016 г., 62% французов выступало против приема мигрантов с Востока и только 38% поддерживало их прием (IFOP: 51).

Многомерность эффекта приема миграции порождает серьезные социально-культурные трансформации, которые остро ощущаются во французском обществе. Общественно-политический дискурс национальной идентичности в стране демонстрирует противостояние двух основных точек зрения на то, какое содержание следует вкладывать в

это понятие. Вопросы интерпретации идентичности далеко выходят за рамки теоретических научных дискуссий, оказываясь вопросами идеологическими и в конечном счете политическими. Именно потому так сильно противостояние противоборствующих сторон и так непримиримы их позиции, каждая из которых имеет свою систему ценностей и аргументаций. От того, как понимаются вопросы идентичности, какие акценты ставятся на тех или иных ее составляющих, какими видятся ее ценности, как оценивается прошлое и культурное наследие, во многом зависит то будущее, на которое ориентирована страна.

Источники и литература

- Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия / пер. с фр. М., 1991.
- Аттали Ж.* Краткая история будущего / пер. с фр. М., 2006.
- Дьёкофф А., Филиппова Е.И.* Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение. 2014. № 1.
- Любарт М.К.* Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: этнокультурный аспект. Франция // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 256. М., ИЭА РАН, 2017.
- Любарт М.К.* Франция и миграционный кризис 2015–2017 гг. // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 119–139.
- Ренан Э.* Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. / пер. с фр. под ред. В.Н. Михайловского. Киев, 1902. Т. 6. С. 87–101.
- Уэльбек М.* Покорность / пер. с фр. М., 2016.
- Bayard J.F.* L'illusion identitaire. Paris: L'Harmattan, 1996.
- Bayard J.F.* «Il n'y a pas d'identité française» // Le Monde. 06.11.2009.
- Boni M.* Marine Le Pen compare la crise des migrants à la chute de l'empire romain // Le Figaro. 15.09.2015.
- Bouvet L.* L'insécurité culturelle. Sortir du malaise identitaire français. P.: Fayard, 2015.
- Casali D.* Désintégration Française. P., L.C Lattès. 2016. Citations. URL: <https://dicocitations.lemonde.fr/citations/citation-152672.php/> (Accessed 27 July 2019).
- Cléro J.-P.* Présentation // Cités. 2011/2. № 46. P. 9–16.
- Combes M.* L'identité nationale sous le regard des historiens // Mouvements. 2010/1. № 61. P. 167–171.
- Falize S.* Pourquoi la crise identitaire parasite le débat politique. 25.01.2017. URL: https://www.huffingtonpost.fr/sylvain-falize/pourquoi-la-crise-identitaire-parasite-le-debat-politique_a_21662592/ (Accessed 27 July 2019).
- Faye O.* A l'Elysée, Emmanuel Macron célèbre le «romantique» Michel Houellebecq. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2019/04/19/a-l-elysee-emmanuel-macron-celebre-le-romantique-michel-houellebecq_5452487_823448.html (Accessed 27 July 2019).
- Finkelkraut A.* L'identité malheureuse. P.: Stock, 2013.
- Goldnadel G.W.* L'identité ne pose pas problème lorsqu'elle est nationale // Figaro. 15.10.2018.
- Jégo Y.* Emmanuel Macron et le reniement de la culture française // Le Figaro. 07.02.2017. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2017/02/06/31001-20170206ARTFIG00209-emmanuel-macron-et-le-reniement-de-la-culture-francaise.php/> (Accessed 27 July 2019).
- IFOP. Les français et leurs perceptions de l'immigration, des réfugiés et de l'identité. P., 2017.
- IFOP. Perceptions et attitudes des catholiques de France vis-à-vis des migrants // Sondage. 07.06.2018.

- Karlin E. Qu'est-ce qu'être français? 30.11.2009. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/qu-est-ce-qu-etre-francais_831976.html (Accessed 27 July 2019).
- Kookaburra. Que veut dire pour vous être Français? URL: <https://www.agoravox.fr/tribune-libre/article/que-veut-dire-pour-vous-etre-154191> (Accessed 27 July 2019).
- L'Appel pour une république multiculturelle et postraciale. 2010. URL: http://www.achac.com/file_dynamic/Appel_pour_une_republique_... (Accessed 27 July 2019).
- La France est en train de traverser la plus grave crise identitaire depuis sa naissance. 10/02/2017. URL: <https://rnc.bfmtv.com/emission/la-france-est-en-train-de-traverser-la-plus-grave-crise-identitaire-depuis-sa-naissance-1100535.html> (Accessed 27 July 2019).
- Lacoste Y. Vive la nation. Destin d'une idée géopolitique. Fayard, 1998.
- Leclerc J.-M. Comment le gouvernement veut répartir les migrants de Calais en region // Le Figaro. 12.09.2016.
- Lochac D. L'immigration, une question trop sensible // Questions sensibles. PUF. 1998. P. 246–261.
- Martigny V. Dire la France. Culture(s) et identités nationales, 1981–1995. P.: Presses de Sciences-Po, 2016.
- Mazin B. «L'Insécurité culturelle» de Laurent Bouvet // Polemia. URL: <https://www.polemia.com/linsecurite-culturelle-de-laurent-bouvet/2015> (Accessed 27 July 2019).
- Ménébrez J.-Y. Sarkozy. Besson. Copé: négationnistes de l'identité française // Polémia. 29.10.2009. URL: <http://archives.polemia.com/article.php?id=2476> (Accessed 27 July 2019).
- Ménébrez J.-Y. Identité française: relire Renan! // Polémia. 7.08.2013. URL: <https://www.polemia.com/identite-francaise-relire-renan/> (Accessed 27 July 2019).
- Meyran R. Le mythe de l'identité nationale. Berg International, 2009.
- Meyran R. Crise identitaire? // Mediapart. 19 déc. 2016. URL: <https://blogs.mediapart.fr/edition/les-mots-en-campagne/article/191216/crise-identitaire/> (Accessed 27 July 2019).
- Migrants: Cazeneuve va réunir les maires prêts à accueillir des réfugiés // Sudouest.fr 6.09.2015.
- Noiriel G. À quoi sert «l'identité nationale». Agone, 2007.
- Noiriel G. Qu'est-ce qu'une nation? Poche, 2015.
- Nous exigeons la suppression du ministère de l'Identité nationale et de l'Immigration // Libération. 4 décembre 2009.
- Paniques identitaires: l'identité au prisme des sciences sociales // Laurence de Cock, Régis Meyran (dir.), Vulaines-sur-Seine : Éditions du Croquant, 2017.
- Perceptions et attitudes des catholiques de France vis-à-vis des migrants. Sondage 07.06.2018. URL: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/06/Rapport-MIC-0606-hd.pdf> (Accessed 27 July 2019).
- Proclamer la richesse de l'identité française. 3 juin 2018. URL: <https://www.polemia.com/proclamer-la-richeesse-de-lidentite-francaise/> (Accessed 27 July 2019).
- Rachik H. Identités: de la souplesse! 2017. URL: <http://economia.ma/content/identit%C3%A9s-de-la-souplesse> (Accessed 27 July 2019).
- Raphaël Glucksmann face à Éric Zemmour: Quelle idée de la France? URL: <https://www.bfmtv.com/mediaplayer/video/raphael-glucksmann-face-a-eric-zemmour-quelle-idee-de-la-france-884221.html> (Accessed 27 July 2019).
- Rioufol I. Avec Notre Dame reconstruire la France // Le Figaro. 18.04.2019.
- Sahraoui S, Sellam N., Tegui A. Fabrique de la crise et identité // Spécificités. 2011/1. № 4. P. 35–42.
- Sarkozy N. Témoignage. P., 2006.
- Sarkozy N. Lettre de mission du Président de la République et du Premier ministre à Eric Besson, Ministre de l'immigration, de l'intégration, de l'identité nationale et du développement solidaire (Accessed: 1 avril 2009).

Zemmour E. Le suicide français. Albin Michel, 2014.

Zemmour E. Polemique // BMTV. 10.11.2016.

Комментарии читателей новостных изданий

Elise33 к статье Goldnadel. L'identité ne pose pas problème lorsqu'elle est nationale. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2018/10/15/31001-20181015ARTFIG00126-goldnadel-l-identite-ne-pose-probleme-que-lorsqu-elle-est-nationale.php>

Rive gauche к статье Licourt J. Que pèse réellement droite en Europe. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/12/02/01003-20161202ARTFIG00108-que-pese-reellement-l-extreme-droite-en-europe.php>

Raphaël Glucksmann, Dulcinée, Klaus Muller, fanfan18 к статье: Wauquiez L. L'archipel du djihad. 2018. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2018/04/09/3100320180409ARTFIG00230-laurent-wauquiez-l-archipel-du-djihad.php>

france folle, clubsud к статье F. St Clair. Migrants: traiter le problème à la racine. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2015/08/18/31002-20150818ARTFIG00275-migrants-traiter-le-probleme-a-la-racine.php>

pavlys к статье Meteyer M. Avec Jean-Marie Le Pen, les catholiques intégristes de Civitas célèbrent le «pays réel» URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/03/13/25001-20170313ARTFIG00126-avec-jean-marie-le-pen-les-catholiques-integristes-de-civitas-celebrent-le-pays-reel.php/>

OULLINOIS 2018 к статье Goldnadel G.W. L'identité ne pose pas problème lorsqu'elle est nationale // Figaro. 15.10.2018.

Статья поступила в редакцию 29 июля 2019 г.

Lyubart Margarita K.

NATIONAL IDENTITY AND IMMIGRATION IN MODERN FRANCE*

DOI: 10.17223/2312461X/25/2

Abstract. National identity is one of the most pressing themes in the socio-political discourse in modern France. The current sense of identity crisis is associated with the processes of globalisation, the unification of culture on a global scale, the building of a European identity within the EU, as well as with the incoming mass migration of non-European origin which brings in people different from the local French population in terms of both culture and religion. The impact of these factors, especially migration, has become so tangible it necessitated a new understanding of the very meaning of the concept of 'national identity'. This meaning is conceived of differently from different ideological perspectives which the article undertakes to analyse drawing on various sources including press publications and online comments, Internet portals of a number of public organisations, social sciences literature, and other texts. It identifies and examines two main models of national identity, discussing their content and interpretation, and concludes that the issues of interpretation of identity go far beyond theoretical debates, turning out to be ideological and, ultimately, political, and the future that the country aspires to depends on how these issues are understood.

Keywords: national identity, cultural identity, civic identity, migration, France

* Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

References

- Attali J. *Na poroge novogo tysiacheletia* [Millennium: winners and losers in the coming world order]. Translated from French. Moscow, 1991.
- Attali J. *Kratkaia istoriia budushchego* [A brief history of the future]. Translated from French. Moscow, 2006.
- Dieckhoff A., Filippova E.I. Pereosmyslenie natsii v «postnatsional'nuiu» epokhu [Rethinking nation in the 'post-national' era], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 1.
- Lubart M.K. Migratsionnyi krizis v Evrosoiuze 2015-2016 gg.: etnokul'turnyi aspekt. Frantsiia [Migration crisis in the EU, 2015-2016: ethno-cultural aspects. France]. In: *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [Studies in applied and urgent anthropology]. no. 256. Moscow: IEA RAN, 2017.
- Lubart M.K. Frantsiia i migratsionnyi krizis 2015-2017 gg. [France in the current migration crisis, 2015-2017], *Novaia i noveishaia istoriia*, 2018, no. 5, pp. 119-139.
- Renan E. Chto takoe natsiia? [What is nation?]. In: Renan E. *Sobranie sochinenii v 12-ti tomakh*. Perevod s frantsuzskogo pod redaktsiei V.N. Mikhailovskogo [A collection of writings in 12 volumes. French translation edited by V.N. Mikhailovskiy]. Vol. 6. Kiev, 1902, pp. 87-101.
- Houellebecq M. *Pokornost'* [Submission]. Translated from French. Moscow, 2016.
- Bayard J.F. *L'Illusion identitaire*. Paris, L'Harmattan, 1996.
- Bayard J.F. «Il n'y a pas d'identité française», *Le Monde*, 06.11.2009
- Boni M. Marine Le Pen compare la crise des migrants à la chute de l'empire romain, *Le Figaro*. 15.09.2015.
- Bouvet L. *L'insécurité culturelle. Sortir du malaise identitaire français*. Paris, Fayard, 2015.
- Casali D. *Désintégration Française*. P., L.C Lattès. 2016. Citations. Available at: <https://dicocitations.lemonde.fr/citations/citation-152672.php/> (Accessed 27 July 2019)
- Cléro J.-P. Présentation, *Cités*. 2011/2 (n° 46), pp. 9-16.
- Combes M. L'identité nationale sous le regard des historiens, *Mouvements*. 2010/1 (n° 61), pp. 167-171.
- Falize S. *Pourquoi la crise identitaire parasite le débat politique*. 25/01/2017. Available at: https://www.huffingtonpost.fr/sylvain-falize/pourquoi-la-crise-identitaire-parasite-le-debat-politique_a_21662592/ (Accessed 27 July 2019)
- Faye O. *À l'Elysée, Emmanuel Macron célèbre le «romantique» Michel Houellebecq*. Available at: https://www.lemonde.fr/politique/article/2019/04/19/a-l-elysee-emmanuel-macron-celebre-le-romantique-michel-houellebecq_5452487_823448.html (Accessed 27 July 2019)
- Finkelkraut A. *L'identité malheureuse*. Paris: Stock, 2013.
- Goldnadel G.W. L'identité ne pose pas problème lorsqu'elle est nationale, *Le Figaro*, 15.10.2018.
- Jégo Y. Emmanuel Macron et le reniement de la culture française, *Le Figaro*, 07.02.2017. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2017/02/06/31001-20170206ARTFIG00209-emmanuel-macron-et-le-reniement-de-la-culture-francaise.php> (Accessed 27 July 2019)
- IFOP. *Les français et leurs perceptions de l'immigration, des réfugiés et de l'identité*. Paris, 2017.
- IFOP. Perceptions et attitudes des catholiques de France vis-à-vis des migrants. *Sondage* 07.06.2018.
- Karlin E. *Qu'est-ce qu'être français?* 30/11/2009. Available at: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/qu-est-ce-qu-etre-francais_831976.html (Accessed 27 July 2019)
- Kookaburra. *Que veut dire pour vous être Français?* Available at: <https://www.agoravox.fr/tribune-libre/article/que-veut-dire-pour-vous-etre-154191> (Accessed 27 July 2019)
- L'Appel pour une république multiculturelle et post raciale*. 2010. URL: http://www.achac.com/file_dynamic/Appel_pour_une_republique... (Accessed 27 July 2019)

- "La France est en train de traverser la plus grave crise identitaire depuis sa naissance" 10/02/2017. Available at: <https://rmc.bfmtv.com/emission/la-france-est-en-train-de-traverser-la-plus-grave-crise-identitaire-depuis-sa-naissance-1100535.html> (Accessed 27 July 2019)
- Lacoste Y. *Vive la nation. Destin d'une idée géopolitique*. Fayard, 1998.
- Leclerc J.-M. Comment le gouvernement veut répartir les migrants de Calais en région, *Le Figaro*, 12.09.2016.
- Lochac D. L'immigration, une question trop sensible, "*Questions sensibles*", PUF 1998, pp. 246-261.
- Martigny V. *Dire la France. Culture(s) et identités nationales, 1981-1995*. Paris, Presses de Sciences-Po, 2016.
- Mazin B. «L'Insécurité culturelle» de Laurent Bouvet, *Polemia*. Available at: <https://www.polemia.com/linsecurite-culturelle-de-laurent-bouvet/2015> (Accessed 27 July 2019)
- Ménébrez J.-Y. Sarkozy. Besson. Copé: négationnistes de l'identité française, *Polémia*, 29.10.09. Available at: <http://archives.polemia.com/article.php?id=2476> (Accessed 27 July 2019)
- Ménébrez J.-Y. Identité française: relire Renan!, *Polémia* 7.08.2013. Available at: <https://www.polemia.com/identite-francaise-relire-renan/> (Accessed 27 July 2019)
- Meyran R. *Le mythe de l'identité nationale*. Berg International, 2009.
- Meyran R. Crise identitaire?, *Mediapart*. 19 déc. 2016. Available at: <https://blogs.mediapart.fr/edition/les-mots-en-campagne/article/191216/crise-identitaire/> (Accessed 27 July 2019)
- Migrant: Cazeneuve va réunir les maires prêts à accueillir des réfugiés, *Sudouest.fr* 6/09/2015.
- Noiriel G. *À quoi sert «l'identité nationale»*. Agone, 2007.
- Noiriel G. *Qu'est-ce qu'une nation?* Poche, 2015.
- Nous exigeons la suppression du ministère de l'Identité nationale et de l'Immigration, *Libération*, 4 décembre 2009.
- Paniques identitaires: l'identité au prisme des sciences sociales. In: Laurence de Cock, Régis Meyran (dir.), *Vulaines-sur-Seine : Éditions du Croquant*, 2017.
- Perceptions et attitudes des catholiques de France vis-à-vis des migrants. *Sondage* 07.06.2018. Available at: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/06/Rapport-MIC-0606-hd.pdf> (Accessed 27 July 2019)
- Proclamer la richesse de l'identité française*. 3 juin 2018. Available at: <https://www.polemia.com/proclamer-la-richeesse-de-lidentite-francaise/> (Accessed 27 July 2019)
- Rachik H. *Identités: de la souplesse!* 2017. Available at: <http://economia.ma/content/identit%C3%A9s-de-la-souplesse> (Accessed 27 July 2019)
- Raphaël Glucksmann face à Éric Zemmour: *Quelle idée de la France?* Available at: <https://www.bfmtv.com/mediaplayer/video/raphael-glucksmann-face-a-eric-zemmour-quelle-idee-de-la-france-884221.html> (Accessed 27 July 2019)
- Rioufol I. Avec Notre Dame reconstruire la France, *Le Figaro*, 18.04.2019
- Sahraoui S, Sellam N. et Tegui A. Fabrique de la crise et identité, *Spécificités* 2011/1 (N° 4). pp 35-42.
- Sarkozy N. *Témoignage*. Paris, 2006.
- Sarkozy N. *Lettre de mission du Président de la République et du Premier ministre à Eric Besson, Ministre de l'immigration, de l'intégration, de l'identité nationale et du développement solidaire*. (1 avril 2009)
- Zemmour E. *Le suicide français*. Albin Michel, 2014.
- Zemmour E. *Polemique*, *BMTV*, 10.11.2016.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/25/3

МИГРАНТЫ И СТРАННОПРИИМНОСТЬ СИЦИЛИИ СЕГОДНЯ*

Оксана Давидовна Фаис-Леутская

Аннотация. Настоящая статья, построенная на материалах многолетних полевых исследований автора, проводившихся в Сицилии и посвященных проблеме взаимоотношений мигрантов с местным населением и высокому уровню толерантности последнего, рассматривает современное состояние этих взаимоотношений в регионе, который до недавнего времени был «оазисом гостеприимства» и едва ли не «землей обетованной» для иммигрантов. В частности, анализу подвергаются наметившиеся в последние годы настроения представителей различных социальных и культурных слоев локального социума, в котором продолжающийся рост числа мигрантов и высокий уровень их ассимиляции начинают вызывать опасения утратить «принимающей стороной» свою этнокультурную специфику и идентичность. Показано, что эти настроения разделяет и часть мигрантов, проживающих в Сицилии а именно аккультурированная страта «пришлых» с давним стажем пребывания в регионе, позиционирующая себя как «местные» и ассоциирующая себя с сицилийцами.

Ключевые слова: Сицилия, мигранты, полевая работа, странноприимность, толерантность, новые тенденции, риск утраты идентичности, историческая память, солидарность меньшинства

Введение

Сицилия, одна из областей Италии и регион, сталкивающийся в наши дни с проблемами иммиграции, заслуживает особого внимания.

Связано это с тем, что среди всех европейских «территорий принятия пришлых» Сицилия характеризуется рядом особенностей пребывания мигрантов и их взаимоотношений с местным населением. В частности, речь идет о достаточно мирном и бесконфликтном диалоге «своих» и «чужих» и высоком уровне толерантности, проявляемой не только властями области, но в первую очередь населением региона в отношении «переселенцев».

Однако как свидетельствуют результаты моих полевых работ – основного источника материалов данного исследования, в последние пять лет в сицилийском социуме намечаются новые настроения, пока еще весьма робкие и неоформившиеся, которые можно было бы именовать

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

«протестными» и если не ксенофобическими, то по крайней мере скептическими в отношении миграционного присутствия в Сицилии, и, в частности, новых миграционных «поступлений». Зарождаются они и довлеют преимущественно в культурно-интеллектуальных кругах сицилийского социума, т.е. в среде, которая еще несколько лет назад была активным проводником идей интеграции и ассимиляции мигрантов в Сицилии, и связаны они преимущественно с опасениями утраты сицилийцами своей идентичности, которой грозит «растворение» в инोकультурном массиве, хотя разделяются также и частью мигрантов, – той аккультурированной стратой «пришлых» с давним стажем пребывания в регионе, которая позиционирует себя как «местные» и ассоциирует себя с сицилийцами.

Цель данной статьи – подвергнуть анализу, пусть и в краткой форме, сегодняшнюю специфику толерантности жителей Сицилии по отношению к мигрантам, а также факторы, предопределяющие изменение настроений в сицилийском социуме, отражающее отторжение им инаковости и защиту своей идентичности.

Степень изученности проблемы

Особое внимание, которое я уделяю собственным наработкам в сфере взаимоотношений «своих» и «чужих» в принимающем мигрантов регионе, в первую очередь связано с тем, что тема миграций мало представляла в Италии объектом исследования, причем игнорированием ее, по словам антрополога А. Кузумано, грешили в равной степени как «люди науки», так и политики (Cusumano 2016: 9–10).

Немногочисленность исследований миграций в Италии отмечает и социолог М. Морчеллини. Да, реализацию получили отдельные проекты, например «Tuning into diversity», осуществленный Итальянским институтом социоэкономических исследований Censis (Censis 2002); проект Института исследований социальных, политических, экономических проблем Л'Оссерваторио (L'Osservatorio) в Павии; глобальный проект, осуществленный М. Корте при поддержке национального агентства печати ANSA (Corte 2002). Да, в Италии проводились опросы общественного мнения в отношении мигрантов, осуществленные, например, Комиссией по политике интеграции мигрантов (Primo rapporto 2000), Национальным исследовательским советом Института исследований в области народонаселения и социальной политики (IRPPS), Институтом социоэкономических исследований в Пьемонте (IRES), агентством Доха (Morcellini 2007: 7). Но буквально по пальцам можно пересчитать научные исследования миграционной проблематики, в первую очередь реализованные в университетах Генуи, Рима, Палермо, Турина, Милана, как, например, труды социолога М. Амбрози-

ни, видного эксперта по вопросам миграций (Ambrosini 2013, 2014, 2017, 2018). Требуется упоминания и Центр исследований Меди. Миграции в Средиземноморье (Centro Studi Medi. Migrazioni nel Mediterraneo) – научный центр по исследованию миграций, и серьезное периодическое издание «Монди Мигранти» (Mondi Migranti), публикующие академические разработки по вопросам современного «переселения народов».

Возвращаясь к Сицилии, вспомним независимый исследовательский гуманитарный Фонд им. И. Буттитта (Fondazione Ignazio Buttitta), объединяющий наиболее талантливых представителей науки в регионе. Изданные им коллективные монографии посвящены различным аспектам миграций (Isole 2007), а также иным вопросам, в частности, проблемам пребывания и аккультурации мигрантов (Alimentazione 2012).

В 2018 г. был опубликован труд «Миграции в Сицилии» – плод совместной деятельности социологов, демографов, представителей церкви и социальных служб, которые под эгидой Института политического образования «Педро Аппуре» (Istituto di Formazione Politica «Pedro Appure») детально анализировали общую картину миграционной ситуации в регионе на конец 2017 г. (Migrazioni 2018). Начиная с 2013 г. выходит свет периодическое научное издание «Средиземноморские Диалоги» («Dialoghi mediterranei») – сосредоточие наиболее острых и актуальных исследований средиземноморского масштаба, выпускаемое Евроаравским институтом в Мадзара-дель-Валло (Istituto Euroarabo di Mazara del Vallo).

И именно в Сицилии, в университетах Палермо и Трапани, где исследования мигрантов стартовали ранее всего в Италии (Morcellini 2007: 11), начиная с 2003 г. появляются первые серьезные студенческие дипломные работы, основанные на полевом материале, рассматривающие конкретные примеры пребывания отдельных этнических и конфессиональных групп мигрантов (цит. по: [Giallombardo 2007: 205]). Работы недавних выпускников университета, демографов и антропологов, вошли в состав коллективного труда «Антропология миграций» (Antropologia delle migrazioni 2016), также не имеющего аналогов в Италии.

Но все же практически ни в одном из вышеперечисленных трудов и изданий, при всей их ценности в деле освещения проблемы миграций, не затрагивался вопрос межличностных отношений мигрантов и представителей «принимающей стороны», не рассматривались конкретика, эмпирика психологических и поведенческих проявлений одной и другой стороны в процессе этих взаимоотношений, не подвергалась анализу повседневная «ткань» сицилийского социума как системы сосуществования «своих» и «чужих», упускался из вида диалог «принимающей стороны» и «пришлых», равно как и видение «чужих» глазами «своих».

Основные методы исследования

Именно этим аспектам сицилийской повседневности и посвящена настоящая статья, она продолжает тему миграций, в том числе и тему взаимоотношений «своих» и «чужих» в контексте Сицилии, разрабатывавшуюся мной и ранее.

При этом основной упор делается на материале, полученном в результате моих многолетних масштабных полевых работ. Они проводятся в Сицилии методом опросов, анкетирования и включенного наблюдения начиная с 2006 г. и по настоящее время в Палермо, Катании, Агридженто, Сиракузе, Рагузе, Мессине, Трапани и провинциях этих городов, а также в Мадзара-дель-Валло недалеко от Трапани, как среди представителей различных социальных групп местного населения, так и среди мигрантов. Исследования проводятся при поддержке и в сотрудничестве с Итало-российским институтом экологических исследований и образования (IRFRE) при Университете Палермо, с уже упомянутыми Фондом им. И. Буттитта в Палермо и Европейско-арабским институтом в Мадзара-дель-Валло.

Опросы и анкетирования затрагивают мигрантов, задействованных в различных сферах деятельности – торговле, сфере общественного питания, домашней сфере жизни сицилийцев (няни, сиделки, помощники по хозяйству), секторе строительства, сельском хозяйстве. Вопросы, задаваемые как представителям местного населения, так и мигрантам, касаются в первую очередь их взаимоотношений, характера и особенностей восприятия местными «пришлых» и *vice versa*, наличия ксенофобии, расизма и предубеждения сицилийцев в отношении «чужих» в повседневности и на работе, а также в отношении их культуры, конфессии, быта, поведенческих, пищевых норм и стандартов. Помимо полевых материалов, мной также использовались доступные официальные данные – например статистика правоохранительных органов в отношении правонарушений, в которых каким-либо образом замешаны мигранты, данные профсоюзов, касающиеся численности и характера их занятости. В свою очередь, опросы, проводившиеся мной среди различных этноконфессиональных групп мигрантов, преимущественно касались межличностных взаимоотношений мигрантов с сицилийцами, вероятности / возможности дружеских, брачных контактов с представителями местного населения, позиционирования своего социального статуса в инокультурном окружении, характера пребывания в Сицилии, взаимоотношений с властями, в том числе и сугубо «человеческих» аспектов этих взаимоотношений, возможности реализации «своей» конфессиональной обрядности в Сицилии, «мутации» собственной конфессиональной ритуальности на местной почве и т.д.

Результатом этих работ стало появление публикаций, посвященных различным аспектам феномена миграций в Сицилии (Фаис 2006, 2009а,

2009b, 2016, 2018). Из них непосредственно характеру взаимоотношений мигрантов с местным населением и специфике их пребывания на острове, а также факторам, детерминирующим странноприимность региона и толерантность его жителей, была посвящена глава в коллективном сборнике «Очерки о европейской идентичности и многокультурности» (Фаис 2013), также базировавшаяся на полевых данных.

Сицилия как *melting pot*

Так что же представляет собой Сицилия как принимающий мигрантов ареал? Какие черты – социальные, экономические, психологические, поведенческие – присущие региону и его населению, предопределяют еще недавнюю «повышенную» странноприимность этой области Италии (Cusumano 2016: 13; Migrazioni 2018: 2, 6). Прежде чем говорить о психологических установках сицилийцев, наметившихся в последнее время, необходимо остановиться на реалиях жизни, культуры, быта местного социума.

В современном европейском миграционном сценарии Сицилия до 2018 г. играла роль одних из основных «ворот» Италии и Европы. Именно через них вливался массовый поток миграционного пополнения – на порты Катанию, Аугусту, Мессину, Лампедузу, Трапани приходилось наибольшее число европейских «высадок» мигрантов (Dati statistici 23.01.2017: 3). Принятые в 2018 г. властями ограничивающие число принимаемых мигрантов законы, в первую очередь «декрет о безопасности», или «декрет Сальвини», названный по имени министра внутренних дел Италии, детерминировали уже в 2018 г. снижение объема поступающего в Сицилию потока легально принимаемых мигрантов на 80% (Archivio Normative: 1), хотя не сумели остановить все «высадки».

Тем не менее этот регион в масштабе Италии обладает одним из наиболее высоких в численном, абсолютном и относительном отношении показателем концентрации мигрантов. Так, по данным Каритас, совпадающими с официальными данными, представленными Комиссией итальянского Парламента по системам принятия, идентификации, высылки и условиям проживания мигрантов, на 2017–2018 гг. в Сицилии фактически проживало около 247 тыс. мигрантов, что составляло примерно 5% от всего населения острова и 4,8% от всего числа мигрантов в Италии (Dati statistici 23.01.2017: 6; XXVII Rapporto Immigrazioni: 2, 6; Migrazioni 2018: 2–3). Абсолютным же рекордсменом европейского масштаба по соотношению численности мигрантов и местного населения является город Мадзара-дель-Валло в провинции Трапани с населением в 51 488 тыс. человек (2018), из которых 20 тыс. – «пришлые»: преимущественно туниисцы, в меньшей степени – цыгане-

мусульмане из Боснии и Хорватии, марокканцы, румыны и выходцы из африканских стран (Rizzo 2016: 154–155).

Но та же Каритас, вкупе с представителями компетентных органов Италии и ее силовых ведомств, а также социологов и демографов, вынуждена признать, что официальная цифра символизирует лишь верхушку «миграционного айсберга», ибо отражает только официально зарегистрированных или, по крайней мере, учтенных мигрантов, пребывающих в Сицилии, тогда реальное число стабильно находящихся в регионе «пришлых», за счет нелегальной составляющей миграционного потока, по некоторым оценкам, достигает 850–900 тыс. человек. Это составляет около 20% населения острова (4 999 891 человек) – рекордный показатель, оставляющий далеко позади области, например, Центра или Севера Италии (Dati statistici 23.01.2017: 3; XXVII Rapporto Immigrazioni: 2).

Столь высокие показатели детерминируются многими факторами, в первую очередь географическими. Как уже сказано выше, Сицилия в силу своего островного положения и близости к Африке вплоть до 2018 г. играла роль одного из основных европейских каналов миграционного пополнения, отличавшегося высочайшими индексами.

Сосредоточие большого числа «нелегалов» в Сицилии предопределилось и за счет определенных особенностей применения на практике ряда итальянских «миграционных» законодательных норм. Поясним: начиная с 2005 г. власти Италии вначале раз в 3 года, а потом ежегодно в соответствии с Законодательным Декретом № 32 от 28.02.2008 г. – скорректированной версией знаменитого в Италии миграционного «Закона о нормализации № 62» от 18.04.2005 г. («Legge sanatoria N 62») (Gazzetta Ufficiale 1.03.2008) – проводили так называемую санацию («sanazione»): власти предоставляли нелегальным мигрантам некий период времени, в течение которого им предлагалось добровольно «выйти из тени» и легализовать свой статус в условиях гарантированной властями ненаказуемости их незаконного проникновения в страну и нелегального пребывания в ней. После 2012 г. применение на практике «Legge sanatoria» было временно приостановлено, что совпало с «открытием» массовой иммиграции в Италию из стран Африки, Азии и Ближнего Востока. Кроме того, изначально существовавшие квоты на приезд в Италию представителей той или иной страны, установленные согласно «Закону № 62», весьма скоро были «смяты» массовой нелегальной иммиграцией.

К числу факторов, предопределяющих высокую концентрацию в Сицилии мигрантов в целом и нелегальных мигрантов в частности, относятся особенности социально-политического и экономического микроклимата, сложившегося в этом регионе. Как подчеркивают многие исследователи и политики, Сицилия в контексте Италии до сих пор

«страдает» «дефицитом присутствия государства», слабостью позиций любых официальных потестарных структур, роль которых всегда исполняли альтернативные локальные институты власти. Подобные характеристики делают регион необычайно привлекательным не только для нелегалов, но и для легальных мигрантов, которым в Сицилии легче затеряться, «уйти на дно», найти «черную» работу, некий левый приработок, чаще всего не вполне законный, а иногда и просто «раствориться», уйти от контроля, «выпасть» из поля зрения правоохранительных и миграционных властей (Falcone 1986: 7; Io, siciliano 2009: 29, 43; Cusumano 2012: 132–133; 2016: 11–12).

Наконец, за большой концентрацией мигрантов в Сицилии стоит частую и сознательный выбор последних именно этого региона для проживания ввиду толерантного к ним отношения со стороны «принимающей стороны». Фраза «В Сицилии нет расизма!» звучала в ответах подавляющего большинства (96,5%) опрошенных мной мигрантов, вне зависимости от региона их исхода и этноконфессиональной принадлежности; подчеркну: особенно на этом настаивали мигранты, у которых за плечами есть опыт пребывания в других регионах Европы и Италии. Аналогичные данные приводят и исследователи, базирующиеся на результатах своей полевой работы с мигрантами в Сицилии (Marsica 2003: 15; Macaluso 2005: 41; Giorgianni 2011: 74).

При этом, невзирая на то, что в масштабах Италии Сицилия отнюдь не относится к числу экономически развитых регионов (Redazione 2018), вышеперечисленные факторы оказываются зачастую решающими в выборе ее мигрантами как региона пребывания.

Но при такой демографической «нагрузке», при столь высоком и не всегда упорядоченном миграционном присутствии Сицилия еще несколько лет назад представляла собой весьма «странноприимную среду», регион если не оптимальных, то практически неконфликтных взаимоотношений «своих» и «чужих», местного населения и мигрантов (Cusumano 2007: 192–193; Giallombardo 2007: 212–213; Pellegrini 2007: 290–291; Cusumano 2012: 132–133; ; Фаис 2013: 389–417; Cusumano 2016: 10).

Приведу два доказательства этого мирного сосуществования в Сицилии. Первое, едва ли не самым убедительное из них, – крайне незначительные показатели этнически окрашенной делинквентности: статистические данные об агрессии мигрантов в отношении сицилийцев и сицилийцев в отношении пришлых, согласно которым Сицилия занимает последнее место в Италии по проявлениям ксенофобии и так называемым этническим конфликтам (Dati statistici 23.01.2017: 41; XXVII Rapporto Immigrazioni: 4–5; Фаис 2013: 411–312). Вспомню в этой связи слова одного из респондентов, священника Дона Педро Риббаудо, настоятеля прихода S. Maria del Carmelo в Палермо, сказанные в

2018 г.: «В Сицилии за весь период современной эмиграции от рук мигрантов не пострадал ни один храм, ни один священник, ни один местный житель, ни одна женщина. И сицилийцы толерантны с мигрантами. Мы нашли с ними общий язык. Наш пример особенно впечатляет на фоне “Кельнского сценария” поведения мигрантов и их взаимоотношений с местным населением в Германии или французских “вариантов” этих непростых взаимоотношений».

Кроме того, «индексом» не только просто толерантного, но и вполне доверительного отношения сицилийцев к мигрантам можно считать тот факт, что регион, в котором чадолюбие относится к числу приоритетных ценностей, лидирует в Италии по числу женщин-мигранток, нанятых в качестве «tata» (няни). Показательно, что при этом сицилийки доверяют своих детей не только «белым» няням например украинкам или белорускам, но и женщинам, представляющим «черные» или «цветные» этносы Азии и Африки, что крайне редко практикуется в областях Центра или Севера Италии (Migrazioni 2018: 76, 96–98).

Специфика кейса Сицилии как открытого для мигрантов региона, страноприимность которого есть результат приятия мигрантов «снизу», со стороны подавляющего большинства населения, обусловлена рядом многих, подчас парадоксальных детерминант.

Во-первых, подобная толерантность отмечается в регионе, который вплоть до недавнего времени был территорией исхода массовых эмиграционных потоков, устремленных в страны Нового и Старого Света, и своего рода символом эмиграции.

Во-вторых, приятие мигрантов и ксенофилия зарегистрированы в регионе, социум которого исторически являет собой весьма консервативную, «интровертную», социально «закрытую» среду, с трудом приемлющую любые инновативные и инокультурные воздействия на нее. Эти черты сицилийцев неоднократно отмечали антропологи (Alvarez Garcia 1997: 40; Buttitta 2006: 15; Traina 2008: 154–155), подробно описывающие феномен «sicilianità» («сицилийскость»), или совокупности локальных психологических и поведенческих стереотипов, присущих населению острова. Так, Дж. Буфалино указывал, что Сицилии в контактах с окружающим миром присущи «метания между клаустрофобией и клаустрофилией», детерминированные ее инсулярностью, подразумевающей сегрегацию не только географическую, но и многоуровневую психологическую, восходящую корнями в древность и Средневековье, – «она диктует индивиду потребность лимитировать его мир границами своей провинции, семьи, самого себя» (1996: 1140).

Но следует помнить также, что представляет собой «историческое прошлое» для сицилийцев. Вне зависимости от своего социального и культурно-образовательного уровня, все жители региона хорошо знают свою историю, оценивая в большинстве как «наиболее значимые» ее

периоды эпоху вначале арабского (965–1072 гг.), а потом и норманнского (1091–1194 гг.) завоевания острова, т.е. периоды существования уникальных для того времени государственных образований, с «пестрым» в этническом и конфессиональном отношении составом населения, все «компоненты» которого сосуществовали в режиме толерантности.

Не случайно и на более ранних, и на современном этапе опросов респонденты-сицилийцы из разных опросных групп апеллировали в 93% случаев к своей исторической памяти. При этом давались следующие, достаточно типовые ответы: «гостеприимство у нас в крови»; «странноприимность – это у нас в ДНК»; «многонациональность у нас заложена на генетическом уровне»; «это уже было в истории»; «наша кровь это помнит» и т.д. (Фаис 2016: 289–290). Мне представляется, что именно прошлое Сицилии и историческая память населения, восходящая к эпохам, когда островной социум включал мусульман, христиан и иудеев, когда в сицилийских городах проживали арабы, иранцы, сирийцы, греки-византийцы, евреи, испанцы, каталанцы, сицилийцы, швабы и представители многих других этносов, и являются главным фактором, детерминирующим сохраняющуюся и сегодня, при всей закрытости сицилийцев, своего рода «привычную открытость» к многокультурности.

Одновременно с этим респонденты апеллировали к солидарности сицилийцев как общности, в контексте Италии поставленной в положение «меньшинства» (один из респондентов, характеризуя статус сицилийцев, отметил: «Мы – Китай Европы и негры Италии» (295)), с теми, кто также вынужден испытывать невзгоды, унижения, кому приходится переживать опыт эмиграции, столь знакомый жителям острова. Об этом также говорили информанты различных социальных уровней, мотивируя свое «приятие» «чужих» пониманием их ситуации, состраданием к ним, сопереживанием их опыта, также знакомого сицилийцам (293–297). Увиденная в таком ключе странноприимность сицилийцев по отношению к мигрантам достаточно типична и универсальна как следствие «собственного опыта пребывания в ситуации меньшинства», проявляясь в «меньшем отторжении Другого и большей терпимости к инаковости» (Филиппова, Ле Торривелек 2018: 7).

Несомненно, свою важную роль в оформлении в локальном социуме духа толерантности по отношению к мигрантам сыграла администрация многих сицилийских городов, внесшая свой вклад в дело практического обустройства мигрантов и утверждения доброго отношения к ним.

Так, например, мэрами Палермо, Трапани, Рагузы были приняты решения о расселении мигрантов в ветшающих средневековых кварталах исторических центров этих городов. Это позволило, с одной стороны, частично решить проблему обеспечения «пришлых» жильем, а с другой – руками мигрантов спасти от тотального разрушения эти древ-

ние здания, в которых до сих пор проживают сицилийцы «из народа», (Rizzo 2016: 1154–1155; Traina 2018: 36). В Мадзара-дель-Валло решение мигрантов-тунисцев заселить Касбу (Casbah) – древний арабский район города, с которого в X в. началась колонизация Сицилии – получило полное одобрение городской администрации еще в 60-е гг. XX в., и с течением времени не оспаривалось (Lainati 1999: 9, 34; Cusumano 2007: 192). Кроме того, «погружение» мигрантов в самую «гущу» бедных народных кварталов, население которых отличается наибольшей социальной консервативностью, обусловило принятие «пришлых» в численно доминирующей в Сицилии среде. И хотя, по словам социолога Ф. Ферраротти, «бедность никогда по-настоящему не способна на солидарность. Это роскошь, которую она не может себе позволить» (Ferrarotti 1974: 71), тем не менее подобное расселение укрепило взаимоотношения мигрантов с местным населением.

Наряду с этим администрацией ряда сицилийских городов были даны разрешения на открытие «этнических» заведений – магазинов, ресторанов, клубов в центре городов. Подобные решения идут вразрез с политикой и практикой, взятой на вооружение в Центральной и Северной Италии – например, в городах Лукка, Брешиа, Бергамо, Монца, Милан – где администрация изгнала мигрантов за пределы городской черты, запрещая им как проживание, так и любые формы коммерческой деятельности в границах центра (Canestrini 2005: 129–130; Cusumano 2012: 124).

Толерантность властей в отношении мигрантов проявилась и в их политике в конфессиональной сфере. Сицилия, в которой сегодня официально открыто 14 мечетей, а неофициально – свыше 100 (в гаражах, жилых помещениях, подвалах), лидирует среди областей Италии даже по числу «легальных» мусульманских храмов (Migrazioni 2018: 271; Centri islamici). В Палермо, например, по согласованию с церковными властями храм S. Paolino dei Giardinieri был отдан под суннитскую мечеть, а церковь S. Chiara превращена в Храм всех религий (Cusumano 2012: 132).

Роль важнейшего посредника во взаимоотношениях местного населения и мигрантов в Сицилии принадлежит церкви и различным церковным организациям. Именно их усилия, во многом сгладившим неизбежную остроту сосуществования двух численных анклавов населения с различной культурой и конфессиями, детерминировали странноприимность региона. В первую очередь речь идет об итальянской Каритас: в одной только Сицилии сосредоточено 34% ее «представительств» – больше, чем где-либо в Италии (Caritas Italiana-Sicilia).

Также действует и большое число волонтерских организаций, в основном католических. В Палермо, Катании, Трапани, например, к ним относятся Agare – Центр приема и помощи мигрантам; ApritiCuore –

Центр помощи семейным и несовершеннолетним мигрантам; Rete Bene Comune – структура, включающая, кроме представителей церкви, также социальных работников и представителей сферы школьного образования; Comunità di SanSaverio – организация, «отвечающая» за вовлечение детей мигрантов в систему образования, а также за аккультурацию и культурную интеграцию мигрантов; Giardino di Madre Teresa – центр, совместно с представителями миграционной диаспоры африканского происхождения организующий ясли и детские сады для работающих матерей-мигранток; Centro Astalli – организация иезуитов по трудоустройству мигрантов (Cusumano 2012: 132–133) и многие другие.

Как показывает практика, церковь и волонтеры функционируют подчас значительно оперативней и успешней, нежели государство. Достаточно вспомнить негативный опыт государственных структур приема мигрантов в Лампедузе, а также пример самого крупного в Европе государственного Центра приема беженцев KAPA (CARA) в Минео около Катании, окончательно закрытого 3.07.2019 г. декретом М. Сальвини. Центр, рассчитанный на 4 тыс. человек, стал синонимом и символом затянувшегося на годы противостояния сицилийцев и мигрантов: последние держали в страхе жителей Минео, разоряя их поля, обирая сады и воруя. Нигерийская криминальная структура, сложившаяся в стенах Центра, нашла контакт с мафиозными структурами за его пределами и «сдавала» внаем мигрантов местным работодателям. Правда, как показывают опросы, жители Минео винят в происшедшем не столько самих мигрантов, сколько государство за неспособность контроля ситуации, а также коррумпированных сотрудников Центра (Centamori 2014: 3; Castronovo 2016: 27–35).

Приятие или неприятие мигрантов местным населением не в последнюю очередь зависит от характера трудовой деятельности «пришлых», от того, составляют ли они конкуренцию «своим» или нет. Данное очевидное утверждение постулируют исследователи (Aime, Rapotti 2012: XIV), но оно же звучит в ответах наших респондентов.

Мигранты преимущественно заняты в сельскохозяйственном секторе – лидирующем в экономике Сицилии (44,4%), который стремительно покидает местная молодежь; в роли сиделок при больных и стариках, нянь и домашних работников (11,8%); в других производственных секторах (19,7%); так, в Мадзара-дель-Валло тунисская молодежь влилась в состав рыболовецких бригад, «замещая» сицилийских сверстников, не желающих заниматься этим традиционным трудом. Остальные мигранты чаще всего заняты в мелком предпринимательстве – торговле, в том числе и уличной, и общественном питании, особенно в сфере «уличной кухни», открывая кафе, ресторанчики, мелкие «точки еды» для «своих»; именно на этой алиментарной почве мигранты часто «пересекаются», контактируют и взаимодействуют с сицилийской молодежью (Cusumano 2012: 121–141; Migrazioni 2018: 57).

Следует отметить и еще один специфический момент, связанный с пребыванием мигрантов в Сицилии. В регионе, в отличие от областей Центра и Севера Италии, нет проявлений расизма. Как показывают опросы сицилийцев различной социальной принадлежности, большинство (97%) признает, что их не волнует расовая принадлежность мигрантов и не раздражает их цвет кожи. Да, в Сицилии не исповедуется политкорректность, там фигурирует обращение «'U nivugu!» («Черный!») к выходцам из Африки, или «'U turgu!» («Турок!») – к представителям любого другого «цветного» этноса, но за этими режущими слух словами стоит не ксенофобия, но общая грубоватость манер, присущая сицилийскому социуму (Billitteri 2003: 54). По признанию 94% опрошенных мигрантов, их вполне устраивает подобное обращение, поскольку оно сопрягается с реальной фактической помощью и вполне мирным отношением со стороны местных жителей.

Ранее уже отмечалось, что сицилийцы несколько диверсифицируют свое отношение к мигрантам в зависимости от их этноконфессиональной принадлежности (Фаис 2013: 399–402). В этой своеобразной «табели о рангах» верхнюю строку занимают выходцы из Магриба, в первую очередь тунисцы, которых 88% респондентов-сицилийцев считает «своими», апеллируя при этом к истории, поскольку именно с территории Туниса и началось в X в. завоевание острова, и именно там, в окрестностях Махдии, находится историческая область «Маленькая Сицилия», в которой оседали сицилийские колонисты и мигранты.

В этой связи следует отметить, что респонденты-сицилийцы в целом спокойно воспринимают тот факт, что большинство мигрантов в регионе – мусульмане, и достаточно положительно относятся в целом к исламу. Это радикально отличает Сицилию от других областей Италии (Giallombardo 2007: 213), и тем более – от других регионов Европы, в которых дихотомия «христианство / ислам» сегодня предельно радикализировалась. На наш взгляд, столь терпимое отношение сицилийцев к «мусульманству» мигрантов также зиждется на исторической памяти и уходит корнями в эпоху арабского господства, отмеченного мягкой политикой завоевателей по отношению к населению острова, три четверти которого в X в. добровольно приняло ислам (Amari 2002: 346, 359).

Низшую ступень упомянутой «табели о рангах» занимают китайцы, а также выходцы из Румынии, особенно цыгане. В этой связи уместно привести пример, связанный с недавними резонансными событиями, очень четко демонстрирующий этнические симпатии и антипатии сицилийцев. В декабре 2018 г. в Палермо двумя румынскими подростками был убит алжирец-клошар, уличный художник Аид Абделлах, хорошо известный жителям города и властям и пользовавшийся всеобщей любовью. Негодование жителей было столь велико, что множество горожан, нарушая традиционные стереотипы – не сотрудничать с властями

ми – взаимодействовали с полицией, дабы скорее отыскать и наказать убийц. Заручившись согласием имама Палермо и представителей алжирской и других магрибских диаспор, власти, до проведения сугубо мусульманских обрядов подготовки покойного к похоронам, в соответствии с желанием жителей Палермо, отпели покойного в одном из храмов города именно на том основании, что он воспринимался как «свой», и выделили ему место на одном из христианских кладбищ города, разрешив присутствие там мусульманского погребения (Iacono 2018). Происшедшее, несомненно, вновь подтвердило существующую в Сицилии иерархию этнических приоритетов.

Итак: коррозия странноприимности сегодня?

Опросы 2017–2019 гг. в среде «давних» мигрантов в отношении современной миграционной ситуации подтвердили выводы, сделанные рядом сицилийских исследователей (Viani 2019): «давние» мигранты (86% опрошенных) выступают против новых миграционных поступлений. За этим протестом стоят очевидные практические причины: страх получить в лице новых мигрантов конкурентов и утратить «свое место под солнцем», заработанное тяжким трудом и страданиями. За этим, как отмечают исследователи, стоит и психологическая мотивация – когда протестующий вольно или невольно, сознательно или бессознательно, дистанцируется от категории «пришлых», отвергая и отторгая свой статус мигранта, и ассоциирует себя с «местными» (Signorelli 2006: 32). Так, например, «давние» тунисцы из Палермо и Мадзарадель-Валло, позиционирующие себя исключительно как «тунисцы отсюда», говорят, что их можно «считать местными», потому что они, в отличие от недавно прибывших боснийских цыган, румын или даже тунисцев, давно приехали и давно разделяют с сицилийцами их жизнь.

Что же до сицилийцев, то выбранные в качестве рабочего метода периодически повторяемые опросы в одних и тех же группах, среди одних и тех же респондентов, позволили отследить появление в последние два-три года новых настроений, подчас достаточно противоречивых, в отношении мигрантов, прежде всего среди представителей интеллигенции, науки и культуры, а также среди операторов различных социальных служб, на практике сталкивающихся с темой присутствия мигрантов и отдающих себе отчет о масштабах проблем, связанных с ней.

Большинство носителей таких настроений (78%) утверждают, что непосредственную «опасность для Сицилии» представляет растущая численность мигрантов: по их словам, Сицилия «переполнена», «перенасыщена». Показательны восклицания одной из жительниц Лампедузы в ответ на вход в порт корабля Sea Watch 3 с мигрантами на борту в июле 2019 г.: «Наша страна переживает нашествие. Неужто вам неясно? Они

наводняют Италию!» (Гольденцвайг 6.07.2019). (Правда, нелишне отметить, что при этом множество местных жителей аплодировало капитану корабля Кароле Ракете, осмелившейся в нарушении всех запретов войти в порт и высадить мигрантов). Появление в Сицилии в последние месяцы качественно новых групп «пришлых», например «свежих» беженцев из Венесуэлы или молодежи каталанских кровей, родившейся за пределами Каталонии, попытавшейся осесть там, но фактически «выдавленной» оттуда ввиду ее недостаточного соответствия «каталанскости», будоражит сицилийский социум, но все же не пугает столь сильно, как массовые потоки «традиционных» мигрантов, которые продолжают осаждают остров; уже после случая с Sea Watch 3 к берегам Сицилии продолжают подходить корабли с мигрантами, просящими высадку.

Свои страхи респонденты мотивируют тем, что сицилийцы стоят перед риском «раствориться» в массиве «пришлых», которые, как уже говорилось выше, составляют примерно 1/5 местного населения. В этом смысле не меньшие опасения вызывает тот факт, что индекс рождаемости в среде мигрантов (2,8) превышает рождаемость в среде сицилиек (1,3), причем у последних он явно тяготеет к снижению, что средний возраст первородящих среди первых (26 лет) ниже, чем среди вторых (31,2 года) (Migrazioni 2018: 12–13), а также что в последние годы именно и исключительно в народной среде – казалось бы, самой консервативной и социальной закрытой – пусть редко, но стали появляться дети от смешанных союзов местных девушек и мигрантов.

Также примерно половина этой группы информантов-сицилийцев упоминала и то, часто отмечаемое исследователями обстоятельство, что в Сицилии, при высоком индексе безработицы в регионе, в последние годы интенсифицируется утечка мозгов – эмиграция молодых дипломированных специалистов (Redazione 2018; Di Giorgi 2019; Eurostat 2019), что значительно демографически и культурно ослабляет позиции Сицилии как особой общности, получающей в обмен «неравноценное», по словам респондентов, пополнение в виде мигрантов. Еще более пугающим для этой категории сицилийцев является тот факт, что многие из ассимилировавших мигрантов начинают строить карьеру в Сицилии – поступая в университеты, добиваясь признания дипломов, полученных на родине, находя достаточно престижную работу, пусть и в «скромном» качестве, например, в медицинских учреждениях, полиции, армии, составляя конкуренцию местной молодежи.

В ответах сицилийских респондентов в 2017–2018 гг. в отношении присутствия мигрантов начинает звучать раздражение, поводы для которого весьма различны.

Так, например, около 40% опрошенных, преимущественно жителей Палермо, выказали недовольство тем, что улица Македа (via Maqueda) – бывший «аристократический» район исторического центра

города – становится сосредоточием «этнических» магазинчиков и точек торговли и питания мигрантов. В других городах – Катании, Калтанисете – такие же претензии высказывались в отношении мигрантов, «окупировавших» центральные городские кварталы (Battaglia 2019).

У 81% респондентов крайне негативную реакцию вызывает тот факт, что зачастую мигранты, а также их дети, родившиеся в Сицилии, владеют сицилийским языком, бывшим до недавнего времени не только частью культурного достояния сицилийцев, но и отличительным признаком их культурно-политической идентичности, особенно в непростом диалоге Сицилии с Италией. Факт владения мигрантами сицилийским языком и постепенная их аккультурация в русле традиционной культуры региона, столь приветствовавшиеся интеллигенцией Сицилии еще несколько лет назад, сегодня в этой же среде именуются «посягательством на локальное культурное наследие и на культурную идентичность тех, кто прилагает немало усилий, чтобы сохранить это достояние» (Mercuri 2019). Что характерно, около 41% опрошенных в 2018 г. сицилийцев, вне зависимости от социальной принадлежности, указали, что не одобряют вовлечения молодежи в общение с мигрантами и приобщения ее к «смешанной культуре», рождающейся в наши дни регионе вследствие пребывания там столь большого числа «других», пусть даже пока в алиментарной сфере, хотя при этом признали, что все происходящее сегодня вполне соответствует историческим традициям Сицилии, а потому должно оцениваться как «неизбежное».

В целом разговор об опасности утраты сицилийцами сегодня своей этнокультурной идентичности звучит все чаще, преимущественно в контексте взаимоотношений Сицилии с Италией, но мигрантам в этом процессе отводится роль хотя и «дополнительного», но достаточно действенного фактора (61% информантов). Наряду с этим бытует и иная точка зрения – та, например, что принадлежит антропологу И. Буттитте и многим его коллегам, высказанной в ходе беседы в марте 2019 г. в стенах «Фонда Буттитты», согласно которой «сицилийцы не понимают, что процесс утраты Сицилией своей культурной идентичности во многом детерминирован глобализацией, не говоря уже о других факторах, и что в этом процессе мигранты играют роль скорее положительную для сицилийской культуры – они позволяют акцентировать “свое” и “чужое” в лучших исторических традициях, никак не посягая на это “свое”».

Показательно, что 98% опрошенной сицилийской группы, в которой высказывался скепсис по поводу продолжающегося миграционного «освоения» Сицилии, сочли необходимым всячески подчеркнуть, что эти критические в отношении мигрантов настроения никак не связаны с государственным итальянским курсом на ограничение миграций, ни тем менее солидарностью в этом вопросе с «персональной позицией

Сальвини» – фигуры в видении сицилийцев «крайне одиозной» – но есть следствие «нерешенных проблем Сицилии и итальянского государства», до которых «Италии нет дела». Подобная позиция неудивительна – я уже говорила ранее и о «дефиците государственной власти» в Сицилии, и о достаточно непростых отношениях Сицилии с Италией, вследствие чего все, что исходит от государства, исторически рассматривается критически в островном регионе (Alvarez Garcia 1997: 12–13).

В отношении вопроса моей анкеты по поводу «высадок» мигрантов на побережье Сицилии 81% опрошенных в 2014–2015 и в 2017–2018 гг. сицилийцев отметили, что искренне переживали и сочувствовали мигрантам, когда, например, в 2013 г. у побережья Лампедузы потерпел гибель корабль с беженцами на борту (Трагедия у Лампедузы 2013). При этом это же число опрошенных в июне-июле 2019 г. респондентов утверждают, что резонансный случай с упомянутым немецким кораблем Sea Watch 3 вызывает у них меньший душевный отклик, поскольку означает появление в Сицилии еще одной группы «пришлых».

Правда, по сведениям респондентов, в храмах Катании, Агридженто, Калтаниссеты, Палермо, в том числе и в кафедральном соборе столицы Сицилии 6 и 7 июля 2019 г. во время мессы в проповеди священнослужителей прозвучали более или менее очевидные призывы поддержать как К. Ракете, так и высаженных мигрантов и локальные власти, все же принявшие беженцев на землю Сицилии вопреки решению «центра». По утверждению уже упомянутого выше священника Дона РибAUDO, апеллирующего к взаимоотношениям области и «центральной» власти, «церкви в Сицилии, передавая волю Господа, на протяжении истории часто приходилось говорить эзоповым языком, но паства нас понимает».

Заключение

Трудно прогнозировать будущее Сицилии в свете миграционной ситуации. Очевидно, что область во многом исчерпала свои ресурсы «приема» новых групп населения, равно как и то, что традиции гостеприимства и странноприимности, исторически очень устойчивые и разделяемые как населением, так и на официальном уровне (властями), включая церковные, начинают приходиться в определенное противоречие с реалиями, в частности, с численными объемами мигрантов и той опасностью, пусть и гипотетической, которой их присутствие чревато для идентичности сицилийцев как особой общности. До недавнего времени бытие мигрантов и местного населения продолжало оставаться параллельным, эти две категории населения сосуществуют, преимущественно не пересекаясь. Несмотря на отмеченные демографические тенденции в народной среде, ни в этом социальном слое, как показывают результаты опросов, ни в среднем классе процессы миграционно-

го пополнения пока не вызывают ни протестов, ни обеспокоенности, ни критики, и мигранты воспринимаются как органичная часть населения Сицилии. В среде же интеллектуальной, или, по крайней мере, в части этой страты, наметившиеся тенденции начинают осмысливаться как опасные для «сущностной самости» сицилийцев в ее физических и культурных аспектах – той «самости», которая является единственным ресурсом Сицилии в ее весьма непросто́м диалоге с Италией и апелляция к которой позволяет сицилийцам позиционировать себя как «самостоятельную единицу» в ряду европейских народов.

Я не берусь категорически утверждать, что подобные тенденции «пойдут в народ» и утвердятся в нем; вполне возможно, что нынешние настроения, бытующие в среде «высших слоев» сицилийского социума, – не более, чем следствие своего рода «временной усталости» общества, порожденной наплывом мигрантов и проблемами, и вовсе не связанными с «пришлыми»; не исключено, что сицилийское общество, в соответствии со своими, все еще весьма устойчивыми традициями, со своим историческим прошлым и исторической памятью, сможет «переварить» численное демографическое пополнение без культурного «ущерба» для себя.

Очевидно одно: исследовательское поле миграционных проблем сицилийского масштаба еще требует дальнейшей разработки, в ходе которой особенно острый интерес будет по-прежнему вызывать «живой» эмпирический материал, ярко освещающий проблемы миграции. Именно благодаря ему мне на примере Сицилии впервые в отечественной и в зарубежной науке удалось в контексте данного региона подробно изучить многие грани механизма «оседания» мигрантов и восприятия их «принимающей стороной», что актуализирует значимость этого материала в контексте современной европейской миграционной ситуации, добавляет ему наглядности и рельефности.

Литература

- Гольденцвайг К. Человек за бортом и закон: как спасение беженцев привело капитана Каролу Ракете к уголовной статье // RTVI. 6.07.2019. URL: <https://rtvi.com/stories/kak-spasenie-bezhenetsev-privelo-kapitana-karolu-rakete-k-ugolovnoy-state/> (дата обращения: 10.07.2019).
- Трагедия у Лампедузы: найдено 232 тела // BBC News. Русская служба новостей. 8.10.2013. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/10/131007_italy_lampedusa_boat_disaster (дата обращения: 10.07.2019).
- Фаис О. Эмиграция из России и Украины в Италию: некоторые аспекты феномена // Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 119–135.
- Фаис О. «Полуторное поколение» как новая категория иммигрантов в Италии – общий абрис проблемы // Европейская интеграция и культурное многообразие. М.: ИЭА РАН, 2009а. Ч. I. С. 62–80.

- Фаус О. Институт «badanti» как новое явление в жизни Италии: некоторые социально-психологические аспекты феномена // Европейская интеграция и культурное многообразие. М.: ИЭА РАН, 2009b. Ч. II. С. 79–133.
- Фаус О. Мигранты в Сицилии: восприятие их местным населением и проблемы толерантности // Очерки о европейской идентичности и многокультурности. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 389–417.
- Фаус О. Сицилийцы: этническое меньшинство или особая этническая общность (К вопросу об идентичности сицилийцев) // Европа меньшинств – меньшинства в Европе. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 271–301.
- Фаус О. Русские в Сицилии: актуальное состояние феномена, аспекты и проблемы // Русский мир в меняющемся мире. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 239–251.
- Филиппова Е., Ле Торривелек К. Введение // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы. М.: Горячая линия – Телеком, 2018.
- Aime M., Papotti D. L'altroel'altrove. Antropologia, geografia e turismo. Torino: Einaudi, 2012.
- Alimentazione, produzioni tradizionali e cultura del territorio (a cura di S. Mannia). Palermo: Fondazione I. Buttitta, 2012.
- Alvarez Garcia G. Sicilia, Spagna. Due culture a confronto. Palermo: Nuova Ipsa, 1997.
- Amari M. Storia dei Musulmani di Sicilia. Firenze: Le Monnier, 2002. Vol. I.
- Ambrosini M. Migrazioni irregolari e welfare invisibile. Il lavoro di cura attraverso le frontiere. Bologna: Il Mulino, 2013.
- Ambrosini M. Non passa lo straniero? Le politiche migratorie tra sovranità nazionale e diritti umani. Assisi: Cittadella, 2014.
- Ambrosini M. Migrazioni. Milano: EGEA, 2017.
- Ambrosini M. Irregular immigration in Southern Europe. London: Palgrave Macmillan, 2018.
- Antropologia delle migrazioni (a cura di A. Cusumano). Mazara del Vallo: Istituto euroarabo di Mazara del Vallo, 2016.
- Archivio Normative // Immigrazione biz. Portale di riferimento per gli immigrati in Italia (б.д.) URL: <http://www.immigrazione.biz/index.php> (Accessed 10 July 2019).
- Battaglia A. Via Maqueda, da “nobiliare” a multiethnica // Dialoghi Mediterranei. 2019. No. 38. URL: <http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/> (Accessed 10 July 2019).
- Billitteri D. Homo Panormitanus. Palermo: Gigma, 2003.
- Bufalino G. L'isola plurale // Opere 1981–1988 (a cura di M. Corti, F. Caputo). Milano: Bompiani, 1996.
- Buttitta A. Prefazione // Coria G. Profumi di Sicilia. Il libro della cucina siciliana. Catania: Vittorietti, 2006.
- Canestrini D. Trattoria Genius Loci // Turismo e sostenibilità. Risorse locali e promozione turistica come valore (a cura di Rami Ceci L.). Roma: Armando, 2005.
- Caritas Italiana-Sicilia. 09.07.2019. URL: http://www.caritasitaliana.it/pls/caritasitaliana/v3_s2ew_consultazione.mostra_pagina?id_pagina=4655 (Accessed 10 July 2019).
- Castronovo A.E. Vivere al confine. Segregazione e lavoro dei richiedenti asilo nel CARA di Mineo // Antropologia dell'emigrazione (a cura di A. Cusumano). Mazara del Vallo: Istituto Euroarabo di Mazara del Vallo, 2016.
- Censis 2002. Tuning into diversity. Immigrati e minoranze etniche nei media. URL: <http://www.censis.it/censis/ricerche/2002/tuning/index.html> (Accessed 10 July 2019).
- Centamori G. L'industria dell'accoglienza garantisce redditi e crea PIL // La Sicilia. 31.08.2014.
- Centri islamici in Italia. Sufi.it. (б.д.). URL: http://www.sufi.it/Islam/Centri_islamici_in_Italia.htm (Accessed 10 July 2019)
- Corte M. Stranieri e mass-media. Stampa, immigrazione, pedagogia interculturale. Padova: Cedam, 2002.
- Cusumano A. Antropologia e immigrazione. Il ritorno infelice trent'anni dopo // Isole. Minoranze, migranti, globalizzazione (a cura di M.G. Giacomarra). Palermo: Fondazione I. Buttitta. 2007. P. 185–204.

- Cusumano A. Culture alimentari e immigrazione in Sicilia. La piazza universale è Ballarò // Alimentazione, produzioni tradizionali e cultura del territorio. Palermo: Fondazione I. Buttitta, 2012. P. 121–142.
- Cusumano A. Nota introduttiva // Antropologia dell'emigrazione (a cura di A. Cusumano). Mazara del Vallo: Istituto Euroarabo di Mazara del Vallo, 2016.
- Dati statistici 23.01.2017. Camera dei deputati. Commissione parlamentare di inchiesta sul sistema di accoglienza, di identificazione ed espulsione, nonché sulle condizioni di trattenimento dei migranti e sulle risorse pubbliche impegnate. URL: <https://immigrazione.it/docs/2017/dati-statistici-23-gennaio-2017.pdf> (Accessed 10 July 2019).
- Di Giorgi P. La privazione del lavoro genera marginalità sociale // Dialoghi Mediterranei. 2019. No. 37.
- Eurostat. Eurostat: in Campania, Sicilia e Calabria alta la disoccupazione giovanile // Conferenza delle regioni e delle provincie autonome. 2019. URL: <http://www.regioni.it/newsletter/n-3599/del-29-04-2019/eurostat-in-campania-sicilia-e-calabria-alta-la-disoccupazione-giovanile-19672/> (Accessed 10 July 2019)
- Falcone G. Rapporto sulla mafia degli anni '80. Gli atti dell'Ufficio istruzione del tribunale di Palermo. Palermo: Flaccovio, 1986.
- Ferrarotti F. Vite di baraccati. Napoli: Liguori, 1974.
- Gazzetta Ufficiale R.I. No. 52 dal 1.03.2008.
- Giallombardo F. Ritualità altre e mondo globale // Isole. Minoranze, migranti, globalizzazione (a cura di M.G. Giacomarra). Palermo: Fondazione I. Buttitta, 2007. P. 205–217.
- Giorgianni E. Cortocircuito urbano, dis-organizzazione dello spazio a Ballarò. Palermo: Università di Palermo, 2011.
- Iacono S. Palermo, l'addio al clochard nella Chiesa di San Mattia dei Crociferi: convalidato il fermo del sedicenne // Giornale di Sicilia. 21.12.2018.
- Io, siciliano. Tra orgoglio e disincanto (a cura di M. Miliziano). Palermo: Officina Tranacria, 2009.
- Isole. Minoranze, migranti, globalizzazione (a cura di M.G. Giacomarra). Palermo: Fondazione I. Buttitta, 2007.
- Lainati C. Tunisini a Palermo: spazi, relazioni ed identità in gioco // AA.VV. Il progetto migratorio tra aspettative collettive e libertà individuali. Torino: L'Harmattan, 1999. P. 9–34.
- Macaluso A. La comunità tamil a Palermo. Palermo: Università di Palermo, 2005.
- Marceca M.C. Identità e riti di passaggio della cultura ganese. Palermo: Università di Palermo, 2003.
- Mercuri M. Dalla Libia all'Italia. Tutte le incognite della questione migratoria // Dialoghi Mediterranei. 2019. No. 38. URL: <http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/dalla-libia-allitalia-tutte-le-incognite-della-questione-migratoria/> (Accessed 10 July 2019).
- Migrazioni in Sicilia 2017 (a cura di S. Greco, G. Tumminelli). Milano-Udine, 2018.
- Morcellini M. Migranti. Isole nella rappresentazione dei media // Isole. Minoranze, migranti, globalizzazione (a cura di M.G. Giacomarra). Palermo: Fondazione I. Buttitta, 2007. P. 11–16.
- Pellegrini A. Essere hindu a Palermo // Isole. Minoranze, migranti, globalizzazione (a cura di M.G. Giacomarra). Palermo: Fondazione I. Buttitta, 2007. P. 281–293.
- Primo rapporto sull'integrazione degli immigrati in Italia (a cura di G. Zincone). Bologna: Il Mulino, 2000.
- XXVII Rapporto Immigrazioni Caritas e Migrantes 2017–2018 (RICM): «Un nuovo linguaggio per le migrazioni» (Sintesi per i giornalisti). (б.д.). URL: <http://www.caritasitaliana.it/caritasitaliana/allegati/7824/Sintesi%20per%20giornalisti.pdf> (Accessed 10 July 2019).

- Redazione. Disoccupazione, la Sicilia tra le peggiori dieci regioni di tutta l'Unione europea // La Sicilia. 2018. URL: <https://www.lasicilia.it/news/lavoro/156486/disoccupazione-la-sicilia-tra-le-peggiori-dieci-regioni-di-tutta-l-unione-europea.html> (Accessed 10 July 2019).
- Rizzo F. La Casbah di Mazara. Dall'etnico all'esotico // Antropologia dell'emigrazione (a cura di A. Cusumano). Mazara del Vallo: Istituto Euroarabo di Mazara del Vallo, 2016.
- Signorelli A. Migrazioni e incontri etnografici. Palermo: Sellerio, 2006.
- Traina A. Vicoli, vicoli. Palermo. Guida intima ai monumenti umani. Palermo: Flaccovio, 2008.
- Traina A. Palermo ai tuoi occhi. Palermo: Flaccovio, 2018.
- Viani G. #10YearsMigrationChallenge. Alcune osservazioni etnografiche sulle comunità mauriziane induite a Palermo (2009–2019) // Dialoghi Mediterranei. 2019. No. 36.

Статья поступила в редакцию 15 июля 2019 г.

Fais-Leutskaya Oksana D.

MIGRANTS AND HOSPITALITY IN SICILY TODAY*

DOI: 10.17223/2312461X/25/3

Abstract. Based on the author's long-term field research, the article examines the current relationship between migrants and the local population in Sicily, a region that traditionally demonstrates a high degree of tolerance to foreigners and that until recently was thought to be a 'haven of hospitality' and a 'promised land' for migrants. The author analyses new trends and sentiments emerging, notably, among people of different social and cultural backgrounds in the local society, and revealing a concern that the high level of assimilation of migrants, along with the growing number of them, might start to threaten the unique local ethno-cultural identity. Such sentiments are also shared by some of the migrants living in Sicily – in particular, by the stratum of acculturated 'newcomers' with a long experience of staying in the region, who position themselves as 'locals' and identify themselves with the Sicilians.

Keywords: Sicily, migrants, field work, hospitality, tolerance, new trends, loss of identity, historical memory, solidarity of the minority

* Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

References

- Gol'dentsvaig K. Chelovek za bortom i zakon: kak spasenie bezhentsev privelo kapitana Karolu Rakete k ugovolnoi stat'e [Man overboard and law: how rescuing refugees resulted in criminal prosecution of the captain Carola Rackete], *RTVI* (06.07.2019). Available at: <https://rtvi.com/stories/kak-spasenie-bezhentsev-privelo-kapitana-karolu-rakete-k-ugolovnoy-state/> (Accessed 10 July 2019).
- Tragediia u Lampeduzy: naideno 232 tela [The Lampedusa tragedy: 232 bodies found], *BBC News*. Russkaia sluzhba novostei. 08.10.2013. Available at: https://www.bbc.com/russian/international/2013/10/131007_italy_lampedusa_boat_disaster (Accessed 10 July 2019).
- Fais O. Emigratsiia iz Rossii i Ukrainy v Italiu: nekotorye aspekty fenomena [Emigration from Russia and Ukraine to Italy: some aspects of the phenomenon]. In: *Meniaushchaisia Evropa. Problemy etnokul'turnogo vzaimodeistviia* [A changing Europe. Problems of ethno-cultural interaction]. Moscow: IEA RAN. 2006, pp. 119-135.
- Fais O. «Polutornoe pokolenie» kak novaia kategoriia immigrantov v Italii – obshchii abris problemy ['The one-and-a-half generation' as a new category of immigrants in Italy – an

- overview of the problem]. In: *Evropeiskaia integratsiia i kul'turnoe mnogoobrazie* [European integration and cultural diversity]. Moscow: IEA RAN, 2009a, Part I, pp. 62-80.
- Fais O. Institut «badanti» kak novoe iavlenie v zhizni Italii: nekotorye sotsial'no-psikhologicheskie aspekty fenomena [The institution of 'badanti' as a new phenomenon in Italy: some social and psychological aspects]. In: *Evropeiskaia integratsiia i kul'turnoe mnogoobrazie* [European integration and cultural diversity]. Moscow: IEA RAN, 2009b, Part II, pp. 79-133.
- Fais O. Migranty v Sitsilii: vospriiatie ikh mestnym naseleniem i problemy tolerantnosti [Migrants in Sicily: the local population's perceptions and issues of tolerance]. In: *Ocherki o evropeiskoi identichnosti i mnogokul'turnosti* [Essays on European identity and multiculturalism]. Moscow: IEA RAN, 2013, pp. 389-417.
- Fais O. Sitsiliitsy: etnicheskoe men'shinstvo ili osobaia etnicheskaja obshchnost' (K voprosu ob identichnosti sitsiliitsev) [The Sicilians: an ethnic minority or a special ethnic community: on the Sicilian identity]. In: *Evropa men'shinstv – men'shinstva v Evrope* [The Europe of minorities and the minorities in Europe]. Moscow: IEA RAN, 2016, pp. 271-301.
- Fais O. Russkie v Sitsilii: aktual'noe sostoianie fenomena, aspekty i problemy [The Russians in Sicily: the current situation and problems]. In: *Russkii mir v meniaiushchemsia mire* [The Russian world in a changing world]. Moscow: IEA RAN, 2018, pp. 239-251.
- Filippova E., Le Torrivelek K. Vvedenie [Introduction]. In: *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoke i zapade Evropy* [Locals and outsiders. The metamorphoses of identity in the east and west of Europe]. Moscow: Goriachaialiniia – Telekom, 2018.
- Aime M., Papotti D. *L'altroel'altrove. Antropologia, geografia e turismo*. Torino: Einaudi, 2012.
- Alimentazione, produzioni tradizionali e cultura del territorio (a cura di S.Mannia)*. Palermo: Fondazione I.Buttitta, 2012.
- Alvarez Garcia G. *Sicilia, Spagna. Due culture a confronto*. Palermo: Nuova Ipsa, 1997.
- Amari M. *Storia dei Musulmani di Sicilia*. Vol. I. Firenze: Le Monnier, 2002.
- Ambrosini M. *Migrazioni irregolari e welfare invisibile. Il lavoro di cura attraverso le frontiere*. Bologna: Il Mulino, 2013.
- Ambrosini M. *Non passa lo straniero? Le politiche migratorie tra sovranità nazionale e diritti umani*. Assisi: Cittadella, 2014.
- Ambrosini M. *Migrazioni*. Milano: EGEA, 2017.
- Ambrosini M. *Irregular immigration in Southern Europe*. London: Palgrave Macmillan, 2018.
- Antropologia delle migrazioni* (a cura di A.Cusumano). Mazara del Vallo: Istituto euroarabo di Mazara del Vallo, 2016.
- Archivio Normative, *Immigrazione biz*. Portale di riferimento per gli immigrati in Italia. Available at: <http://www.immigrazione.biz/index.php> (Accessed 10 July 2019).
- Battaglia A. Via Maqueda, da “nobiliare” a multiethnica, *Dialoghi Mediterranei*, 2019, no. 38. Available at: <http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/> (Accessed 10 July 2019).
- Billitteri D. *Homo Panormitanus*. Palermo: Gigma, 2003.
- Bufalino G. L'isola plurale. In: *Opere 1981-1988* (a cura di M. Corti e F. Caputo). Milano: Bompiani, 1996.
- Buttitta A. Prefazione. In: *Coria G. Profumi di Sicilia. Il libro della cucina siciliana*. Catania: Vittorietti, 2006.
- Canestrini D. Trattoria Genius Loci. In: *Turismo e sostenibilità. Risorse locali e promozione turistica come valore* (a cura di Rami Ceci L.). Roma: Armando, 2005.
- Caritas Italiana-Sicilia* (09.07.2019). Available at: http://www.caritasitaliana.it/pls/caritasitaliana/v3_s2ew_consultazione.mostra_pagina?id_pagina=4655 (Accessed 10 July 2019).
- Castronovo A.E. Vivere al confine. Segregazione e lavoro dei richiedenti asilo nel CARA di Mineo. In: *Antropologia dell'emigrazione* (a cura di A. Cusumano). Mazara del Vallo: Istituto Euroarabo di Mazara del Vallo, 2016.

- Censis 2002. Tuning into diversity*. Immigrati e minoranze etniche nei media. Available at: <http://www.censis.it/censis/ricerche/2002/tuning/index.html> (Accessed 10 July 2019).
- Centamori G. L'industria dell'accoglienza garantisce redditi e crea PIL, *La Sicilia*. 31.08.2014.
- Centri islamici in Italia*. Sufi.it. Available at: http://www.sufi.it/Islam/Centri_islamici_in_Italia.htm (Accessed 10 July 2019)
- Corte M. *Stranieri e mass-media. Stampa, immigrazione, pedagogia interculturale*. Padova: Cedam, 2002.
- Cusumano A. Antropologia e immigrazione. Il ritorno infelice trent'anni dopo. In: *Isole. Minoranze, migranti, globalizzazione* (a cura di M.G.Giacomarra). Palermo: Fondazione I.Buttitta. 2007, pp. 185-204.
- Cusumano A. Culture alimentari e immigrazione in Sicilia. La piazza universale è Ballarò. In: *Alimentazione, produzioni tradizionali e cultura del territorio*. Palermo: Fondazione I.Buttitta, 2012, pp. 121-142.
- Cusumano A. Nota introduttiva, *Antropologia dell'emigrazione* (a cura di A. Cusumano). Mazara del Vallo: Istituto Euroarabo di Mazara del Vallo, 2016.
- Dati statistici 23.01.2017*. Camera dei deputati. Commissione parlamentare di inchiesta sul sistema di accoglienza, di identificazione ed espulsione, nonché sulle condizioni di trattenimento dei migranti e sulle risorse pubbliche impegnate. Available at: <https://immigrazione.it/docs/2017/dati-statistici-23-gennaio-2017.pdf> (Accessed 10 July 2019).
- Di Giorgi P. La privazione del lavoro genera marginalità sociale, *Dialoghi Mediterranei*, 2019, no. 37.
- Eurostat. Eurostat: in Campania, Sicilia e Calabria alta la disoccupazione giovanile, *Conferenza delle regioni e delle province autonome*. 2019. Available at: <http://www.regioni.it/newsletter/n-3599/del-29-04-2019/eurostat-in-campania-sicilia-e-calabria-alta-la-disoccupazione-giovanile-19672/> (Accessed 10 July 2019).
- Falcone G. *Rapporto sulla mafia degli anni '80. Gli atti dell'Ufficio istruzione del tribunale di Palermo*. Palermo: Flaccovio, 1986.
- Ferrarotti F. *Vite di baraccati*. Napoli: Liguori, 1974.
- Gazzetta Ufficiale R.I. N. 52 dal 1.03.2008*.
- Giallombardo F. Ritualità altre e mondo globale. In: *Isole. Minoranze, migranti, globalizzazione* (a cura di M.G.Giacomarra). Palermo:Fondazione I.Buttitta, 2007, pp. 205-217.
- Giorgianni E. *Cortocircuito urbano, dis-organizzazione dello spazio a Ballarò*. Palermo: Università di Palermo, 2011.
- Iacono S. Palermo, l'addio al clochard nella Chiesa di San Mattia dei Crociferi: convalidato il fermo del sedicenne, *Giornale di Sicilia*. 21.12.2018.
- Io, siciliano. Tra orgoglio e disincanto* (a cura di M.Miliziano). Palermo: Officina Tranacria, 2009.
- Isole. Minoranze, migranti, globalizzazione* (a cura di M.G.Giacomarra). Palermo:Fondazione I.Buttitta, 2007.
- Lainati C. Tunisini a Palermo: spazi, relazioni ed identità in gioco. In: *AA.VV. Il progetto migratorio tra aspettative collettive e libertà individuali*. Torino: L'Harmattan, 1999. Pp. 9-34.
- Macaluso A. *La comunità tamil a Palermo*. Palermo: Università di Palermo, 2005.
- Marceca M.C. *Identità e riti di passaggio della cultura ganese*. Palermo: Università di Palermo, 2003.
- Mercuri M. Dalla Libia all'Italia. Tutte le incognite della questione migratoria, *Dialoghi Mediterranei*, 2019, no. 38. Available at: <http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/dalla-libia-allitalia-tutte-le-incognite-della-questione-migratoria/> (Accessed 10 July 2019).
- Migrazioni in Sicilia 2017* (a cura di S.Greco, G.Tumminelli). Milano-Udine, 2018.

- Morcellini M. Migranti. Isole nella rappresentazione dei media. In: *Isole. Minoranze, migranti, globalizzazione* (a cura di M.G.Giacomarra). Palermo:Fondazione I.Buttitta, 2007. Pp. 11-16.
- Pellegrini A. Essere hindu a Palermo. In: *Isole. Minoranze, migranti, globalizzazione* (a cura di M.G.Giacomarra). Palermo:Fondazione I.Buttitta, 2007, pp. 281-293.
- Primo rapporto sull'integrazione degli immigrati in Italia* (a cura di G. Zincone). Bologna: Il Mulino, 2000.
- XXVII Rapporto Immigrazioni Caritas e Migrantes 2017 -2018* (RICM): «Un nuovo linguaggio per le migrazioni». (Sintesi per i giornalisti). Available at: <http://www.caritasitaliana.it/caritasitaliana/allegati/7824/Sintesi%20per%20giornalisti.pdf> (Accessed 10 July 2019).
- Redazione. Disoccupazione, la Sicilia tra le peggiori dieci regioni di tutta l'Unione europea, *La Sicilia*. 2018. Available at: <https://www.lasicilia.it/news/lavoro/156486/disoccupazione-la-sicilia-tra-le-peggiori-dieci-regioni-di-tutta-l-unione-europea.html> (Accessed 10 July 2019)
- Rizzo F. La Casbah di Mazara. Dall'etnico all'esotico. In: *Antropologia dell'emigrazione* (a cura di A. Cusumano). Mazara del Vallo: Istituto Euroarabo di Mazara del Vallo, 2016.
- Signorelli A. *Migrazioni e incontri etnografici*. Palermo: Sellerio, 2006.
- Traina A. *Vicoli, vicoli. Palermo. Guida intima ai monumenti umani*. Palermo: Flaccovio. 2008.
- Traina A. *Palermo ai tuoi occhi*. Palermo: Flaccovio, 2018.
- Viani G. #10YearsMigrationChallenge. Alcune osservazioni etnografiche sulle comunità mauriziane induiste a Palermo (2009-2019), *Dialoghi Mediterranei*, 2019, no. 36.

УДК 316.35

DOI: 10.17223/2312461X/25/4

«ЗДЕСЬ И ТАМ» В МИГРАНТСКИХ ИСТОРИЯХ ВЫХОДЦЕВ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В РОССИИ (СЛУЧАЙ ТОМСКА)*

Сеиль Давлетовна Джанызакова

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного в 2016–2018 гг. исследования планов на будущее выходцев из Кыргызстана в сибирском городе. Автор задается рядом вопросов: где и как видится будущее мигранта и его семьи? могут ли мигранты планировать свое будущее как транснациональное? Поиск и рефлексии ответов на эти вопросы позволяет осуществить антропология миграции, основу которой составляют прикладные исследования и специфическая для этой науки «близость» к своему объекту – мигранту. Основными методами сбора полевых материалов послужили биографические интервью с мигрантами и участвующее наблюдение в одном из частных центров миграционных услуг Томска. Оптикой рассмотрения миграционных процессов, происходящих в городском пространстве, выбран транснациональный подход, через призму которого анализируются повседневные практики, реализуемые «и здесь, и там». Рассматриваются трансграничные связи интервьюируемых в политической, экономической, социокультурной сфере; показано, как данные связи конституируют транснациональное пространство, включающее страну приема и страну отправления. Показаны значение и роль диаспоральных сообществ в формировании транснациональных связей мигрантов с «домом». Выявлено, что нарратив о возвращении на «родину» или же «миф о возвращении» проходит красной нитью через большинство мигрантских историй, оказывая влияние на стратегии будущего.

Ключевые слова: транснациональная миграция, мигрантские истории, выходцы из Кыргызстана, будущее, возвращение

Введение

В настоящее время трансграничные миграции оказывают существенное влияние на трансформацию экономической и социокультурной сферы мирового сообщества, одновременно являясь следствием этих изменений. Глобальная система мироустройства характеризуется мобильностью и гибкостью, что связано с возрастающей ролью свободы и возможности «движения». По всему миру этнические, религиоз-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

ные группы и меньшинства, «специалисты» эпохи глобализации, перемещаясь, меняют окружающий мир и самих себя. Очевидная важность изучения миграций подтверждается и статистикой Организации Объединенных Наций, согласно которой число международных мигрантов в 2017 г. составило 258 млн человек (из них 25,4 млн беженцев). В сравнении с 2000 г., когда их насчитывалось 170 млн, виден значительный рост миграции в масштабе всего мира (Глобальные вопросы...).

Говорить и писать о миграции для российского общества на протяжении последних 20 лет стало делом привычным. Интенсивно обсуждаемое явление представляется важным направлением в отношениях между странами, образовавшимся в результате распада СССР. Миграционные процессы – это актуальная тема для дискуссий в средствах массовой информации и неистощаемый повод для политических дебатов. В эту полемику включается не только политический истеблишмент и СМИ, активную позицию занимает и научное сообщество, в том числе антропологи и этнологи. В российской антропологии значимыми являются прикладные исследования, специфическая для этой дисциплины «близость» к объекту и комплекс теоретических подходов, применение которых позволяет проанализировать микроуровень миграции. В этой связи в данной работе оптикой рассмотрения миграционных процессов, происходящих на постсоветском пространстве, служит транснациональный подход, а проблемным полем – миграция выходцев из Кыргызской Республики, одной из основных отправляющих стран. Особенность транснациональной «парадигмы» заключается в том, что она объясняет принадлежность мигранта к двум или нескольким сообществам. В первую очередь – это поддержание связей со страной исхода в различных сферах жизнедеятельности и «успешное» существование на территории страны-реципиента. В таком случае государственные границы между Кыргызстаном и Россией существуют только в материальном представлении (пограничные посты, заполнение миграционной карты, проверка документов и багажа). С помощью этого понятия выделяется третье состояние – третье поле пребывания одновременно и «там», и «здесь», когда тот же среднеазиатский житель уезжает на длительное время работать и, фактически, жить в Россию (или в другую страну). Транснационализм представляется достаточно новым подходом в российской науке. В этой связи транснациональная жизнь, присущая современным мигрантам, все еще недооценена отечественными исследователями.

В этом ключе весьма интересным предметом изучения становятся планы на будущее мигранта, поскольку, с одной стороны, временная трудовая миграция перетекает в иммиграцию, с другой стороны, мигрантами сохраняются тесные связи с отправляющим обществом, подкрепляющие стратегию возвращения или «мифа о возвращении»

(Bolognani 2007). Таким образом, транснациональное настоящее создаст фундамент для того, чтобы будущее мигранта разворачивалось в транснациональном пространстве, не схлопываясь в безоговорочную иммиграцию и полное возвращение.

В своем исследовании я опиралась на 15 биографических интервью с выходцами из Кыргызстана, которые были проведены в 2016–2018 гг. Интервьюируемые представляют разные регионы республики, являются выходцами из городской и сельской местностей, имеют разный образовательный уровень и пол. Собранные интервью кодировались и были расшифрованы. Вместе с этим проведено участвующее наблюдение в одном из частных миграционных центров Томске, где в течение года я работала консультантом. Все материалы представлены в полевом дневнике в виде регулярных записей. Поиск респондентов для интервью также осуществлялся благодаря участвующему наблюдению.

Исследовательский вопрос заключается в том, каким видят мигранты свое будущее, намерены ли они остаться в Томске или вернуться на родину, и можем ли мы в этих размышлениях о будущем рассмотреть черты его транснациональности. В этой связи первая часть статьи посвящена обзору транснационализма как подхода для анализа трудовой миграции из Кыргызстана. Во второй части речь пойдет о планах на будущее в транснациональном пространстве, которые выступают лейтмотивом в биографических историях. В завершении я рассмотрю транснациональные практики кыргызстанцев в сибирском городе и их связи с «родиной».

Транснационализм как аналитический подход для изучения миграции из Кыргызстана

Термин «транснационализм» вошел в словарь социальных исследователей в 1970-х гг. Его появление связано, прежде всего, с трансформациями в экономической сфере, где начали доминировать крупные международные компании – транснациональные корпорации и банки. Позднее «транснационализм» переходит в область исследований миграций (Кайзер, Бредникова 2004: 133). Поиск новой оптики рассмотрения еще больше обнажил кризис ранних концепций, где объектом был иммигрант, которому при переезде из одной страны в другую приходилось разрывать связи с «родиной», отказываться от «своих» ценностных ориентиров и поведенческих механизмов (Alba, Nee 1997). При этом предполагалось, что «неофит» вынужден был подвергаться болезненной ассимиляции в новую культуру и языковую среду, что с неизбежностью вело к потере идентификационных установок, связанных с «родным».

Концепция *транснационализма*, получившая известность в 1990 гг. благодаря работам американского антрополога Нины Глик Шиллер

(Nina Glick Shiller) и ее коллег, рассматривается сегодня как аналитическая оптика, способная продемонстрировать процесс структурирования мобильными субъектами новой реальности, позволяющей им одновременно существовать в разных социальных контекстах, разделенных географическим расстоянием (Glick Shiller, Basch, Szanson Blanc 1992: 9). При этом действующим лицом миграции становится *трансмигрант* (Glick Shiller, Basch, Szanson Blanc 1995: 53), поддерживающий многократные отношения в семейной, экономической, социальной, религиозной и политической сферах со страной происхождения, находясь за ее пределами. Трансмигрант продолжает общение с родственниками и земляками по телефону и интернету, переводя денежные средства семье и регулярно возвращаясь «домой» для подтверждения своего статуса члена отправляющего общества: *«В этом году моя племянница выходит замуж, и я поеду к ней на свадьбу. Они даже перенесли ее на две недели, потому что не только я, но и другие родственники приедут из Москвы, Сахалина...»* (из интервью с женщиной из Ошской области, 47 лет). Трансмигрант остается действующим членом того сообщества, к которому принадлежал до миграции, при этом физически не находится постоянно в стране-доноре. В ходе наблюдения было выяснено, что большинство мигрантов откладывают на «черный день» определенную сумму, трата которой связана с «домом». Прежде всего, это смерть близкого родственника, являющаяся непредвиденным событием, которое требует срочного отъезда в страну происхождения. Участие в массовых коллективных пиршествах по случаю тех или иных знаковых событий жизненного цикла – это своего рода обязательство члена данного сообщества и публичное подтверждение социальной полноценности, что напрямую связано с процессом социализации мигранта (Bologani 2007: 61).

Регулярные возвращения домой и цикличность поездок «туда и обратно» дают возможность для обозначения *транснационального пространства*. Обозревая это пространство, мы видим, что люди оказываются в раздвоенном состоянии, когда они становятся «своими» и «чужими», «законными» и «незаконными», «семейными» и «несемейными», «бедными» и «богатыми» и т.д., переключаясь из одного регистра в другой по необходимости (Абашин 2012: 10). Повседневные практики в таких условиях приобретают транснациональный характер, т.е. приспосабливаются к дальним расстояниям, средствам коммуникации, ритмам движения туда-обратно и к смене статусов: *«У кыргызов новости и слухи каждый день. Все равно, хоть ты здесь и живешь, душа там – озун биякта – оюн тиякта* (пер. с кыргызского – ты здесь, а мысли там. – С.Д.). *Всегда в курсе всех новостей, когда праздники, обязательно фотки отправляют»* (из интервью с женщиной из Нарынской области, 32 года).

Оставшиеся «дома» члены семьи также приспосабливают свою повседневную жизнь, ее ритмы к циклам отъезда и возвращения. В отсут-

ствие мигрантов они имитируют и даже консервируют места в социальной иерархии и роли уехавших: *«Сын всегда звонит нам и спрашивает разрешение по каждому поводу. Мы знаем, что он делал вчера, что делает сегодня и что планирует завтра. Мы его родители, он не может не советоваться с нами... Невестка также просит разрешения у меня взять посуду из серванта, когда приходят гости...»* (из интервью с женщиной из Ошской области, 50 лет). Весь этот комплекс стратегий и практик не-мигрантов – тоже часть транснациональной жизни (Faist, Fauser, Reisenauer 2013: 11).

Очевидно, что транснациональность мигрантского настоящего значима для анализа повседневных практик и коммуникаций между обществом отправления и приема. В этой связи актуальным становится изучение стратегий будущего. Миграцию из Кыргызской Республики в российские города можно считать транснациональной, а разнообразные траектории мигрантов укладываются в существующее особое трансграничное пространство, в котором разворачиваются связи и практики.

Мигрантские истории: будущее «там», или Миф о возвращении

Метод интервью дает возможность подробного исследования конкретных жизненных практик, планов и стратегий, которые можно охарактеризовать как транснациональные. Для трансграничной жизни понятия «родина», «дом» и смыслы, которые заложены в них, являются важными факторами в формировании и осмыслении планов на возвращение. При этом реальное возвращение зачастую перерастает в «миф о возвращении», который заключается в построении мигрантом долгосрочных планов, связанных с нынешним местом проживания, а «родина» становится предметом ностальгии (Бредникова 2017: 34). Тогда возвращение становится скорее романтизированным представлением о будущем, чем реальностью.

Транснациональный подход фокусирует внимание исследователя как на повседневных практиках трудовых мигрантов из Кыргызстана в разных сферах их жизни в России, так и на их связях с «домом». Родственные, соседские и дружеские контакты поддерживаются, несмотря на расстояние и государственные границы. Большинство трудовых мигрантов, приехавших за последние 10 лет в Томскую область в целях заработка, имеют близких родственников, которые представляются одним из значимых мотивов миграции в Россию и выбора Томска в качестве места пребывания: *«Я как старший сын должен был что-то делать. А в Томске были родственники по папиной линии, они здесь работали на стройке, на рынке торговали, и они меня позвали сюда. Я согласился и приехал сюда»* (из интервью с мужчиной из Ошской области, 25 лет); *«У меня тут тетя (сестра матери респондента. – С.Д.) училась. Но я точно не знаю, где именно она училась, потом она вышла*

замуж и здесь осталась. Так... Они тут наваривали, жили и развивались, нужна была помощь, потому что они кафеешку открыли. Оттуда родственники начали к ней приезжать и зарабатывать, а потом снова уезжать обратно. Тогда и мама приехала, и нас привезла» (из интервью с женщиной из Джалал-Абадской области, 28 лет).

Родственники, имеющие «удачный» опыт адаптации в России, приглашавшие интервьюируемых в Томск на заработки, представляют положительный пример трудовой миграции для «неофитов». Они служат также гарантом, способным обеспечить жилье, работу и помочь в оформлении документов легально, нелегально или полужакоально: *«Они чаще приезжают из-за родственных связей. Получается так, что человек из села собирается в Россию подзаработать немножко. А здесь у него односельчане, родственники, друзья и сверстники нашли ему работу и звонят: "Приезжай, нашли работу!" Он приезжает и устраивается»* (из интервью с женщиной из Баткенской области, 30 лет).

К характеристикам успешной трудовой миграции обычно относят российское гражданство, стабильный заработок, наличие собственного дела – «этнического» кафе, строительной фирмы, лесопилорамы, киоска по продаже овощей и фруктов, парикмахерской. Эти сферы малого и среднего бизнеса нуждаются в персонале, в качестве которого выступают родственники, друзья, живущие в Кыргызстане. В качестве примера можно привести историю мужчины из Ошской области, который приехал к дяде, владевшему на момент приезда респондента несколькими кафе «восточной кухни» в Томске. После окончания школы он хотел поступить в университет в Бишкеке, чтобы получить диплом юриста. Родители настояли на том, что профессия повара для него более предпочтительна, поэтому он должен отправиться в Россию и работать в кафе у родственника. Практика рекрутирования персонала из страны-донора, осуществляющаяся первопроходцем хорошо описывается в рамках транснациональной «парадигмы», которая направляет внимание исследователя на активную роль тех, кто остался «дома», и перед которыми предприниматель имеет определенные обязательства: *«Мой дядя пригласил очень многих своих племянников и родственников со стороны своей жены. Они все хорошо устроились. Он считает своим долгом помочь нам... Он живет в России уже больше 15 лет, какое-то время жил в Красноярске, а потом переехал в Томск... А почему ему не помогать своим родственникам – мы все на него работаем, мы ему благодарны, и он нам. Мы его не кинем и не обманем, как и он нас»* (из интервью с женщиной из Ошской области, 32 года).

Успешной миграции, кроме помощи родным в предоставлении рабочих мест, характерно улучшение материального состояния трансмигранта «и там, и здесь». Выходцы из Кыргызстана с миграционным прошлым приобретают жилье, в том числе по ипотечному кредито-

нию в Томске, покупают или строят дома в деревне, откуда они родом, или же в ближайшем городе. Женщина из Джалал-Абадской области, приехавшая в 2013 г. на заработки к сестре, встретила земляка в Томске и спустя год после приезда вышла за него замуж. Благодаря тому, что ее супруг является гражданином России, она смогла за полтора года оформить российский паспорт. За это время она родила их первого ребенка, а в 2016 г. второго. На протяжении четырех лет они жили с родственниками мужа в одной из комнат съемной квартиры, а после бюрократической «волокиты» им удалось получить ипотеку, начальным взносом для которой стал материнский капитал, полученный после рождения второго ребенка. Наличие жилья, за которое нужно платить больше десяти лет, не останавливает семью в планировании возвращения на «родину», где у мужа имеется дом, который был унаследован после смерти родителей: *«Я пока не работаю, дома с детьми. Но скоро выйду на работу в пекарню. Мне удобно время, потому что надо в 5 утра испечь пироги, хлеб, а ночью замесить тесто на утро, пока дети спят, и муж уже дома... Мне нужно работать, чтобы мужу помогать. Нам нужно сделать ремонт, чтобы были все условия, когда мы поедем в Киргизию»* (из интервью с женщиной из Джалал-Абадской области, 27 лет). Интервьюируемая рассказывает об условиях в доме «там», жалуясь на его ветхость, отсутствие воды, мебели. На вопрос, а что же будет с квартирой, девушка ответила, что можно ее сдавать землякам или же своим родственникам, которые планируют приехать на заработки в Томск. Продавать квартиру они не хотят по причине того, что не знают, как сложится их жизнь в Кыргызстане, сможет ли муж найти высокооплачиваемую работу. Планы на будущее, по словам интервьюируемой, обусловлены возвращением «домой», но прерывать связи с Томском в силу разных причин, семья не планирует. Супруги сознательно занимаются множественным проектированием с тем, чтобы в меняющихся условиях можно было выбрать приемлемый для себя вариант развития событий (Бредникова 2017). Это проектирование основано на будущем «и здесь, и там». Таким образом, иммиграционная траектория и стратегия интеграции не исключают связей с «родиной», а, напротив, становятся чертой транснационального пространства, скрепленного семейными, родственными, дружескими сетями «вне границ» (Faist et al. 2013: 92).

В целом долгосрочные планы – это дискуссионный для семьи-домохозяйства вопрос, который часто обсуждается «и здесь, и там». Для самого мигранта возвращение и невозвращение – это своего рода дилемма, которая занимает особое место в рассуждениях о будущем, которое настанет через 5–10, а возможно, и 20 лет: **В:** *А где Вы видите свое будущее?* **О:** *Пока не знаю. Тяжелый вопрос, сложно ответить на него. Если посмотреть на родственников, которые живут на родине, хо-*

чется туда, потому что они у себя дома. Они ведут себя, как хотят, разговаривают, как захотят. Например, если идешь по улице и разговариваешь на узбекском, то ничего. Там соседи другие, дружелюбнее, что ли. Если ты приехал, то все знают, что ты приехал, откуда приехал, все здороваются (смеется), а тут такого нет, тут бывает, что сосед своего соседа не знает. Может, мне только так кажется, но не знаю (из интервью с мужчиной из Джалал-Абадской области, 28 лет).

Для молодых людей, приезжающих на заработки, сложность выбора – жить в будущем «здесь» или «там» – вытекает из их интегрированности в принимающее сообщество. Молодое поколение отчетливо воспринимает разницу в заработной плате и в возможностях в двух странах. Они частично или в полной мере принимают нормы поведения и ценностные установки российского общества, а возвращение на «родину» предполагает болезненную, по мнению участников исследования, реинтеграцию в «свое» сообщество: **В:** *А жить планируете здесь?* **О:** *(задумался)... Это сложный вопрос, я очень тщательно об этом не думал и пока не хочу думать. Мне кажется, это одна из основных проблем мигрантов, которые в молодом возрасте приезжают в Россию. Они здесь видят другую жизнь, видят возможности, знают, что могут заработать больше, чем дома, и помощь семье ощутима, когда работают здесь. Да, тяжело в России, работа очень трудная, но все равно, здесь жизнь другая. А если ты привык к этой жизни, то тебе там будет тяжело. Но там наши родители, которые ждут нас, беспокоятся за нас, и, возможно, потому это сложный вопрос...* (из интервью с мужчиной из Ошской области, 25 лет).

Миграция семьи требует от родителей усилий по интеграции в принимающее сообщество. Мигрантская семья – это первичная среда для детей, где практикуются транснациональные связи. Она становится значимым «игроком» транслирования смыслов, заложенных в понятия «дом», «родина», «возвращение», усложняя выбор будущего «или здесь, или там». Дети мигрантов-выходцев из Кыргызстана, которые интегрированы в российское сообщество, воспринимают «родину» как место проведения летних каникул. Однако нередки случаи, когда они выбирают кыргызстанские вузы и переезжают «туда». Девушки, выросшие в России, заключают браки с молодыми людьми в Кыргызстане, реализуя транснациональные практики жизни «и здесь, и там». Так, старшая дочь одного из «старожилов» и активистов местной общественной организации национально-культурной автономии кыргызов, которая родилась в Томске, окончила школу и получила диплом томского вуза, уехала работать в г. Бишкек и там вышла замуж. В данное время молодая семья живет в Кыргызстане.

Таким образом, существование транснационального настоящего, практикуемого интервьюируемыми, дает основание реализации стратегии бу-

дущего по обе стороны государственной границы (Абашин 2015: 133). Транснациональность заключается в том, что и там, и здесь мигранты имеют родственников и друзей, с которыми поддерживают тесные связи, материальная и эмоциональная успешность миграционного опыта также подкрепляют «двойственное» положение мигранта и его семьи.

Связи выходцев из Кыргызстана, находящихся в Томске, с «родиной»

Томская область – регион, исторически сложившийся как переселенческий, куда и сегодня приезжают мигранты, в особенности из государств Центральной Азии, Кавказа и Китая, и где достаточно широко используется труд мигрантов (Нам 2015: 34): **«В: А почему столько родственников и односельчан у мигрантов в Томске оказалось? О: (думает) У меня просто нет здесь родственников. Я думаю, это связано с простотой и с аурой, потому что, находясь в Томске, ты не ощущаешь себя инопланетянином. Допустим, 200 км – Новосибирск, тебе там быстро дадут понять, что ты не местный. В Томске такого значительно меньше. В Томске тоже бывает, но он многонациональный. А еще много студентов из разных стран»** (из интервью с мужчиной из Баткенской области, 30 лет).

Перемещения между Кыргызстаном и Россией создают особое социальное пространство, включающее жизнь «и здесь, и там», которое существует за счет транснациональных связей в политической, социокультурной и экономической сферах жизни мигрантов. В области политики транснационализм проявляется в поддержке мигрантами определенной партийной или чиновничьей элиты в стране-доноре. Проведение полевого этапа исследования совпало с выборами президента Кыргызской Республике осенью 2017 г. Трудовые мигранты, работающие в Томске, принимали участие в голосовании, делились мыслями относительно кандидатов и их программ. Ближайший избирательный участок – вице-консульство Кыргызской Республики в РФ в г. Новосибирске, но расстояние не стало преградой для выполнения гражданского долга. Многие заранее договаривались с работодателем, чтобы отправиться в вице-консульство. «Старожилы» же, имеющие гражданство Российской Федерации, с не менее активным интересом включались в обсуждение предвыборной кампании. Говоря о «старожилах», стоит сказать несколько слов о специфическом положении Томска относительно миграционных «притоков» в страну. Будучи университетским городом, Томск привлекает не только иностранных студентов. На протяжении последних десятилетий Томск можно считать одним из лидеров среди сибирских городов, принимающих трудовых мигрантов (Барышева, Черданцева 2012). Согласно данным переписи 2002 г., здесь

насчитывалось 492 человека, которые отнесли себя к «киргизам». В 2010 г. таковых было уже 1 427 (Нам 2013: 510). Рост числа мигрантов из бывших советских республик сопровождается процессом диаспорализации – формирования сообществ с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации (Дятлов 2007). В Томске с 2003 г. осуществляет деятельность местная общественная организация национальная культурная автономия (НКА) кыргызов (Об автономии... 2019). Взаимная поддержка и кооперация в этническом сообществе основаны на локально-земляческих и родственных связях (Варнаровский 2013: 472). Эти коммуникации стимулируют миграционные «потoki» в сибирские города, как было показано выше. «Диаспора» кыргызов становится посредником в адаптации и интеграции временных мигрантов. Национально-культурные автономии и организации представляют признанную властью часть этой системы по обе стороны границы.

Одновременно с этим диаспоральные институты и сообщества (национально-культурные организации, землячества, автономии) представляются одним из мощных механизмов, способствующих функционированию транснационального пространства, в части поддержания социокультурных связей. Деятельность автономии включает такие практики, как приезд религиозных представителей из родной страны, международные выставки национального искусства, выступление кыргызстанских артистов в российских городах, организацию светских и религиозных праздников. В Томске под руководством представителей НКА проходят показы кыргызских фильмов, спектаклей в развлекательном комплексе «Факел», в доме культуры «Авангард». В деятельность автономии входят создание и поддержка вокальных и танцевальных ансамблей, спортивных секций для детей и взрослых. Общественная организация ориентирована на поддержание этнокультурной идентичности кыргызов, живущих в Томске, и связей с «родиной» в комплексе.

С экономической точки зрения, «транснациональность» выражается в отправке денежных переводов семье в Кыргызстан не только на долгосрочные перспективы, иногда заработок мигранта является основной статьей дохода домохозяйства. Финансами, заработанными в миграции, в стране-доноре распоряжаются родственники, но контроль за тратами, ведение подсчетов осуществляются мигрантом, находящимся в России (Абашин 2016: 170). По обе стороны «границы» в области экономических связей активно практикуются трансферы вещей, информации, символов, образов и опыта; с их помощью решаются самые разные задачи. Например, практикуется реализация розничной и оптовой торговли «национальными» продуктами питания: *«Если ты хочешь кумыс, курут или варенье, у меня есть номер одного человека, который приво-*

зит (из Кыргызстана. – С.Д.), и потом можешь у него купить, что захочешь... Зимой и осенью даже яблоки привозит в ящиках. Они вкусные и сочные, а по цене дешевле, чем в магазинах» (из интервью с женщиной из Джалал-Абадской области, 40 лет); «У меня специальная сим-карта Beeline, чтобы звонить на родину. Так дешевле всего. Звоню не только родным, а землякам, которые таксуют туда и привозят специи, узгенский рис, сухофрукты» (из интервью с женщиной из Баткенской области, 29 лет).

Связь с «родиной» осуществляется в том числе за счет создания и использования «точек этнического предпринимательства» в городской инфраструктуре Томска. Такими точками могут служить кафе, где можно попробовать блюда кыргызской, шире «восточной» кухни (так себя позиционируют такого рода досуговые места). Этническая сплоченность среди мигрантов проявляется в общении на родном языке, часто в совместных поисках работы или открытии дела. Объяснить столь тесное общение людей, которых может объединять только общая национальность, можно следующим образом. Одной из важных «точек опоры» для этнических мигрантов становится кухня как элемент национальной культуры. Среднеазиатская кухня заняла свою нишу в сфере общественного питания (Варшавер, Рочева 2014: 109), что характерно и для Томска. Следует отметить тот факт, что владельцы, работники и посетители «восточной» кухни не сегрегированы по этническому признаку, напротив, «восточные» кафе являются мультикультурным местом общественного питания, в том числе популярным среди «местных», в особенности студентов.

В Томске более десятка таких кафе, где могут быть проведены не только «посиделки» в кругу друзей, но и свадьбы, юбилеи, дни рождения. Одна из часто упоминаемых «точек» в интервью – это кафе восточной кухни «Бай казан», где возможно проведение банкетов до 30 человек. Другим популярным местом досуга мигрантов является сеть кафе «Ош», получившая свое название от второго по величине города Кыргызстана, центра Ошской области и «южной столицы» республики.

Отсюда следует, что политические, социально-экономические, религиозные связи с «родиной» выходцев из Кыргызстана, находящихся в Томске, осуществляются, кроме личных контактов, с родными и близкими, за счет деятельности НКА в г. Томске. Национально-культурная автономия активна в поддержании связей с Кыргызстаном за счет культурной деятельности. Кроме того, такие элементы этнокультурной идентичности, как национальная кухня, подкрепляют транснациональную природу повседневных практик настоящего.

Заключение

Очевидно, что у мигрантов есть и могут быть совершенно разные планы на будущее. Трудовые мигранты и россияне с миграционным прошлым мобильны; неоднозначно они видят будущее свое и семьи – «или здесь, или там», «и здесь, и там». Миграционный сценарий «и здесь, и там» укладывается в видение жизни мигрантов в русле транснационального подхода и проявляется в поддержании связей с «домом», в том числе в политической, социокультурной и экономической сферах повседневности мигрантов. Они остаются действующими членами того сообщества, к которому принадлежали до миграции. При этом они физически не находятся постоянно в стране-доноре. Соглашусь с выводом С.Н. Абашина о том, что в модели транснационализма самовоспроизводящийся и постоянный характер обретает как раз мобильность. Отдельные участники транснациональной миграции могут со временем навсегда остаться в стране приезда, другие – вернуться, но сама эта миграция, обязательно предполагающая регулярные поездки и жизнь «здесь и там», продолжается, захватывая все новых и новых людей» (Абашин 2016: 174). Планирование будущего вытекает из той биографической ситуации, в которую помещен мигрант, одновременно с этим оно специфично, что связано с высокой степенью неопределенности его положения: нестабильные, постоянно меняющиеся условия, в которых мигрант находится, заметно влияют на его действия (Бредникова 2017: 42).

В настоящей работе рассмотрены трансграничные связи интервьюируемых в политической, экономической, социокультурной сфере, которые успешно реализуются и в России, и в Кыргызстане. Было показано, как эти связи конституируют транснациональное пространство. Заметна роль диаспоральных сообществ в формировании транснациональных связей мигрантов с «домом». В этой связи политические, социокультурные и экономические контакты кыргызстанцев в Томске со страной отправления поддерживаются за счет личных контактов с родными и близкими деятельностью общественной организации НКА кыргызов в г. Томске.

Выявлено, что нарратив о возвращении на «родину» или же «миф о возвращении» проходит красной нитью через большинство мигрантских историй, оказывая влияние на стратегии будущего. Вместе с тем возвращение может быть реальной практикой или же романтизированным представлением о том, что человек вернется навсегда.

Таким образом, существование транснационального настоящего, практикуемого интервьюируемыми, является фундаментом для будущего по обе стороны государственной границы. Транснациональность заключается в том, что и там, и здесь мигранты имеют родственников и

друзей, с которыми поддерживают тесные связи, материальная и эмоциональная успешность миграционного опыта также подкрепляет трансграничность положения мигранта и его семьи.

Литература

- Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, лояльные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
- Абашин С.Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab Imperio. 2015. № 3. С. 125–165.
- Абашин С.Н. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 159–176.
- Барышева Г.А., Черданцева И.В. Миграционные процессы в период инновационных преобразований в экономике региона // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 16–20.
- Бредникова О.Е. Не(возвращение): могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 32–47.
- Варнаевский П.К. Кто этнизует мигрантов: принимающее сообщество или они сами? Институционализация мигрантского сообщества на примере выходцев из Кыргызстана в Улан-Удэ // Переселенческое сообщество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / под ред. В.И. Дятлова, К.В. Григоричева. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 466–492.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 3 (121). С. 104–114.
- Глобальные вопросы повестки дня. Миграция // Организация Объединенных Наций – официальный сайт. URL: <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/index.html> (дата обращения: 03.02.2019).
- Об автономии // Местная общественная организация кыргызов в г. Томске – официальный сайт. URL: <http://tomsk.kyrgyz.ru/sample-page/> (дата обращения: 12.09.2019).
- Дятлов В.И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Demoscope Weekly. 2007. № 271–272. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php> (дата обращения: 12.05.2018).
- Кайзер М., Бредникова О.Е. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство. СПб., 2004. С. 133–146.
- Мещеркина Е.Ю. Памяти П. Бурдые. Биографическая иллюзия // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 75–84.
- Нам И.В. Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области) // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / под ред. В.И. Дятлова, К.В. Григоричева. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 492–522.
- Нам И.В. Новые этнические группы (диаспоры) в г. Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). С. 33–43.
- Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration // International migration review. 1997. No. 31 (4). P. 826–874.
- Bolognani M. The Myth of return: dismissal, survival or revival? Broadford example of transnationalism as a political instrument // Ethnic and Migration Studies. 2007. Vol. 33, № 1. P. 59–76.
- Faist T., Fauser M., Reisenauer E. Transnational migration. Cambridge: Polity Press, 2013.
- Glick Shiller N., Basch L., Szanson Blanc C. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration // Annals of New York Academy of Science. 1992. P. 1–21.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. 1995. № 68 (1). P. 48–63.

Статья поступила в редакцию 8 июля 2019 г.

Dzhanyzakova Seil D.

THE 'HERE' AND 'THERE' IN KYRGYZ MIGRANT STORIES: THE CASE OF TOMSK, RUSSIA*

DOI: 10.17223/2312461X/25/4

Abstract. The article discusses Kyrgyz migrants' future plans, which were the focus of a study conducted from 2016 to 2018 in the Siberian city of Tomsk. Drawing on scholarship in the anthropology of migration, and through biographical interviews and participant observation at one of the city's private migration service centres, the author explores the vision the Kyrgyz migrants have for their own future and the future of their families, and whether they see this future as transnational. The transnational approach was used to analyse the practices in the migrants' everyday life both 'here' and 'there'. Further, their cross-border political, economic, and socio-cultural ties are examined, and it is shown how these constitute the transnational space encompassing both the host country and the country of origin. The article also looks into the role diasporic communities play in the formation and maintenance of such ties, and concludes that the narrative of homecoming or the 'myth of return' is the central element in the majority of migrant stories which shapes migrant strategies for the future.

Keywords: transnational migration, migrant stories, natives of Kyrgyzstan, future, return.

* The study is conducted with financial support from the Russian Science Foundation (RNF) under the research project No.18-18-00293, titled: 'The use and development of urban infrastructures by migrants in Siberian cities'.

References

- Abashin S.N. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, loial'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian migration: Practices, local communities, and transnationalism], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 4, pp. 3–13.
- Abashin S.N. Vozvrashchenie domoi: semeinye i migratsionnye stsennarii v Uzbekistane [Returning home: Family and migration scenarios in Uzbekistan], *Ab Imperio*, 2015, no. 3, pp. 125–165.
- Abashin S.N. I zdes', i tam: transnatsional'nye aspekty migratsii iz Tsentral'noi Azii v Rossiiu [Both here and there: transnational aspects of migration from Central Asia to Russia]. In: *Vostok na Vostoke, v Rossii i na Zapade: transgranichnye migratsii i diaspori* [East in the East, in Russia and in the West. Cross-border migrations and diasporas]. SPb.: Nestor-Istoriia, 2016. S. 159–176.
- Barysheva G.A., Cherdantseva I.V. Migratsionnye protsessy v period innovatsionnykh preobrazovaniy v ekonomike regiona [Migration in the era of innovative reforms], *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, 2012, Vol. 321, no. 6, pp.16–20.
- Brednikova O.E. Ne(vozvrashchenie): mogu li migranty stat' byvshimi? [The (non-)return: Can migrants become former migrants?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 3, pp. 32–47.
- Varnavskii P.K. Kto etniziruet migrantov: prinimaiushchee soobshchestvo ili oni sami? Institutsionalizatsiia migrantskogo soobshchestva na primere vykhodtsev iz Kyrgyzstana v Ulan-Ude [Who ethnicises migrants: the host society or migrants themselves? The institutionalisation of migrant communities: the case of Kyrgyz migrants in Ulan-Ude]. In:

- Pereselencheskoe soobshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [The resettled population of the Asian Russia: migrations, spaces, and communities at the turn of the 19th to 20th and of the 20th to 21st centuries]. Ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigoriev. Irkutsk: «Ottisk», 2013, pp. 466–492.
- Varshaver E.A., Rocheva A.L. Soobshchestva v kafe kak sreda integratsii inoetnichnykh migrantov v Moskve [Café communities as an environment for the ethnic integration of migrants in Moscow], *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, 2014, no. 3(121), pp. 104–114.
- Global'nye voprosy povestki dnia. Migratsiia [Global issues on the agenda. Migration], *The United Nations official website*. Available at: <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/index.html> (Accessed 3 February 2019).
- Ob avtonomii [On autonomy], *Mestnaia obshchestvennaia organizatsiia kyrgyzov v g. Tomske – ofitsial'nyi sait* [The Kyrgyz Association in Tomsk]. Available at: <http://tomsk.kyrgyz.ru/sample-page/> (Accessed 12 September 2019).
- Diatlov V.I. Migratsii, migranty, «novye diaspory»: faktor stabil'nosti i konflikta v regione [Migrations, migrants, and 'new diasporas': a factor of stability and conflict in the region], *Demoscope Weekly*, 2007, no. 271–272. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php> (Accessed 12 May 2018).
- Kaizer M., Brednikova O.E. Transnatsionalizm i translokal'nost' [Transnationalism and trans-locality]. In: *Migratsiia i natsional'noe gosudarstvo* [Migration and the nation state]. St. Petersburg, 2004, pp. 133–146.
- Meshcherkina E.Iu. Pamiati P. Burd'e. Biograficheskaiia illiuziia [Dedicated to the memory of P. Bourdieu. Biographical illusion], *INTER*, 2002, no. 1, pp. 75–84.
- Nam I.V. Natsional'no-kul'turnaia avtonomiia kak sovremennaia forma samoorganizatsii etnicheskikh soobshchestv (na primere Tomskoi oblasti) [National-cultural autonomy as a contemporary form of ethnic organisation: the case of Tomsk region]. In: *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [The resettled population of the Asian Russia: migrations, spaces, and communities at the turn of the 19th to 20th and of the 20th to 21st centuries]. Ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigoriev. Irkutsk: «Ottisk», 2013, pp. 492–522.
- Nam I.V. Novye etnicheskie gruppy (diaspory) v g. Tomske ['New' ethnic groups ('diaspora') of Tomsk], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2015, no. 5(37), pp. 33–43.
- Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration, *Inter-national migration review*, 1997, no. 31(4), pp. 826–874.
- Bolognani M. The Myth of return: dismissal, survival or revival? Broadford example of transnationalism as a political instrument, *Ethnic and Migration Studies*, 2007, Vol. 33, no. 1, pp. 59–76.
- Faist T., Fauser M., Reisenauer E. *Transnational migration*. Cambridge: Polity Press, 2013.
- Glick Shiller N., Basch L., Szanson Blanc C. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration, *Annals of New York Academy of Science*, 1992, pp. 1–21.
- Glick Shiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration, *Anthropological Quarterly*, 1995, no. 68(1), pp. 48–63.

УДК 316.334.56

DOI: 10.17223/2312461X/25/5

«ЭТНИЧЕСКИЕ» РЫНКИ В СИСТЕМЕ ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ИРКУТСКА: КОНСТРУИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА*

Диана Евгеньевна Брызгина

Аннотация. В статье рассматривается влияние «этнических» рынков на пространственную организацию города. Основу исследования составили полевые наблюдения за иркутскими рынками, а также материалы наблюдений и полужформализованных фокусированных интервью с посетителями данных рынков. Анализ рынков через призму теории мобильностей позволил выявить особенности функционирования рынков как пространств мобильности и механизмы их воздействия на город. В рамках данного подхода удалось зафиксировать способы выстраивания пространственных связей в городе через систему транспортных потоков и городских локальностей, напрямую несвязанных с ними. Так, для г. Иркутска «этнические» рынки становятся крупными узлами социально-пространственных взаимодействий, под влиянием которых происходит изменение городской структуры, формируются новые коммуникационные сети не только локального, но и общегородского масштаба.

Ключевые слова: мобильности, общественный транспорт, «этнический» рынок, городское пространство

«Этнические» рынки для Иркутска – давно устоявшийся элемент городского пейзажа, обуславливающий структурные особенности его пространства, а также важнейшие для жизни локального сообщества процессы (Григоричев и др. 2019). Интеграция рынков в городские системы определяется их ролью в трансформации города и повседневных практик, в формировании новых форм взаимодействий и отношений, в конструировании и развитии социальных и экономических сетей. На протяжении нескольких десятилетий рынки выполняют функцию одной из систем жизнеобеспечения города, определяют способы его пространственного преобразования и развития, трансформируясь вместе с ним. Вокруг рынков складываются обширные экономические сети и новые транспортные потоки, способствующие их дальнейшему функ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

ционированию, включению в разномасштабные системы отношений и превращению в одну из ключевых инфраструктур города.

Рыночные локальности являются не просто местом экономического обмена и социального взаимодействия, но и важными узлами многочисленных потоков, обеспечивающих доставку товаров и людей на рынки. От этих потоков зависит не только функционирование рынков, но и их влияние на структуру пространственных взаимосвязей города, которые воплощаются в системе городских мобильностей, включающей все многообразие различного рода перемещений – материальных, воображаемых, виртуальных и т.д. (Урри 2012: 21–22). Однако именно физическое движение оказывает первостепенное влияние на городское пространство, изменяет его структуру и, как следствие, характер социальных отношений в городе (Крайняя 2012: 98–99). В связи с этим особым значением в современных городах обладают транспортные системы, обеспечивающие возможность свободного перемещения между узлами различного рода взаимодействий и их взаимосвязь с наиболее важными объектами городской инфраструктуры.

Изучение проблем транспортной мобильности и ее влияния на городские процессы и повседневную жизнь людей в городе представлено широкой тематикой исследований, включающих анализ общественного транспорта и пассажирских практик как особых городских пространств (Butcher 2011; Гороховская 2012; Иванова 2014); места и значения мобильности в городе (Амин, Трифт 2002; де Серто 2008; Фень 2011); взаимосвязи мобильных практик и городских инфраструктур, обеспечивающих возможность перемещений по городу (Mees 2000; Cresswell 2006) и др. В рамках существующих подходов мобильности рассматриваются как изолированные от других структур системы, вследствие чего вне исследовательского фокуса остаются взаимосвязь мобильностей с другими инфраструктурами и их влияние на пространство и повседневность города.

Одной из ключевых парадигм, фокусирующихся на анализе подобного рода систем коммуникаций, является парадигма пространственной мобильности, которая включает все разнообразие повседневных физических перемещений, различные транспортные системы и средства передвижения, материальные инфраструктуры (Шеллер 2016). В рамках данного подхода социальная жизнь рассматривается как сочетание множественных пересекающихся систем мобильности, изменяющих общество, прежде всего, на материальном уровне (Урри 2012: 46). Джон Урри доказывает, что любые социальные отношения имеют материальную составляющую, следовательно, не могут существовать отдельно от физического мира, в котором воспроизводятся все социальные феномены (47–48). В этой перспективе движение в городе, организация его пространства зависят от транспортной системы и образуемой

ею структурных взаимосвязей между различными частями и районами города.

Предложенный Дж. Урри концепт позволяет рассматривать систему мобильностей города как важный способ воздействия «этнических» рынков на городскую среду. При этом одной из наиболее распространенных форм мобильности в городе выступает система общественного транспорта. Публичность и доступность для различных слоев населения (Урри 2012: 203), присущие данному типу передвижения, обуславливают взаимосвязь общественных маршрутов с местоположением и функционированием «этнических» рынков в Иркутске. Представляется, что это позволяет анализировать влияние рынков на организацию городского пространства в контексте развития транспортной системы, определять характер взаимосвязей двух ключевых систем жизнеобеспечения города, соединение которых создает уникальную конфигурацию, трансформирующую структуру городского пространства.

Эмпирическую основу исследования составили авторские материалы полевых наблюдений за рынками г. Иркутска и серии фокусированных полуструктурированных интервью с посетителями «этнических» рынков г. Иркутска, использовавшими в процессе его посещения городской общественный транспорт.

«Шанхайка» в движении: ключевой элемент транспортной системы

С момента появления «этнических» рынков в городе их взаимосвязь с мобильностями была очевидна. Размещение рынков в пространстве во многом было обусловлено структурой транспортной системы, обеспечивающей доступность территории для горожан и возможность притягивания большого количества потенциальных клиентов. В результате самая главная торговая площадь Иркутска была сформирована в узлах пересечения наиболее плотных потоков движения в городе. Рынок «Шанхай», расположенный в самом центре торговой локальности города, достаточно быстро обрел популярность у его жителей и превратился в ключевой центр экономической деятельности Иркутска, самое масштабное и востребованное предприятие, определившее дальнейшее развитие города. Его успешность была обусловлена не только возникновением на территории, исторически связанной с торговлей, но и пересечением большинства наиболее важных для города маршрутов, обеспечивающих связь этой части города с различными районами, разнообразие возможностей и траекторий движения.

Возникновение «этнического» рынка породило новые формы социальных отношений и контактов, интенсификация которых увеличивает востребованность данных территорий. В результате центр города стал

ключевым узлом не только пространственных потоков, но и социальных взаимодействий людей друг с другом и с пространством города. Более того, с развитием «Шанхайки» система мобильностей, связанных с ней, трансформировалась под нужды рынка и приобрела новые черты. Сформировалась система, в которой пересекаются маршруты практически всех видов общественного транспорта из всех районов города. В связи с этим рынок превратился в крупнейший транспортный узел, включающий в себя несколько остановок общественного транспорта, локализованных в районе «Шанхая» (рис. 1).

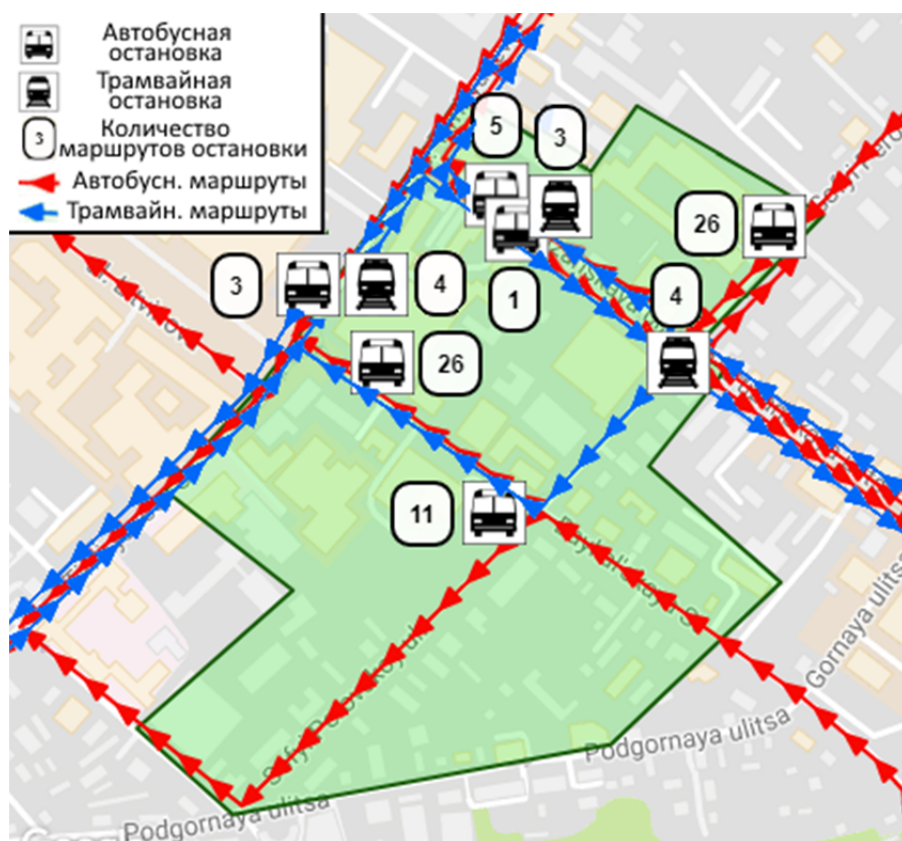

Рис. 1. Территория рынка «Шанхай» и пролегающие через него маршруты

Разнообразные потоки транспортного движения, циркулирующие через рынок, были распределены между остановочными пунктами, структурируя потоки общественного транспорта по направлению движения. Однако маршруты между остановками спланированы неравномерно, система их распределения регулярно нарушается, вследствие чего попытки регулирования движения общественного транспорта в

районе расположения рынка приводят к перегруженности дорожного трафика и пробкам (Ни пройти, ни проехать 2006).

Многообразие траекторий и вариантов мобильности делает данный рынок основным местом пересадки пассажиров с одного транспорта на другой, тем самым обеспечивая удобную, а в некоторых случаях единственную доступную возможность регулярного перемещения горожан между наиболее удаленными друг от друга районами:

Ну а что делать, приходится с пересадками. Вечером в центре, знаешь, какое движение? И людей много, если повезет – залезешь в автобус. А с рынка удобно – приехал, через дорогу перебежал и запрыгнул... У них (у автобусов. – Прим. авт.) тут конечная, люди выходят – ты сразу их место занял и едешь спокойно... (Женщина, 52 года).

<...>

И: Часто проезжаете рынок?

Р: Раньше да, каждый день ездил. С Рабочего до Красноярской напрямую никак не доедешь, приходилось ехать до рынка, а там пересаживаться на маршрутку... (Мужчина, 38 лет).

Кроме того, рынок является узлом движения не только городского, но и пригородного транспорта: на его территории располагается остановка множества дачных маршрутов, а также стоянка пригородных автобусов. Это становится еще одним фактором притяжения людей и делает рынок элементом мобильной инфраструктуры города, определяющим конструирование сложных маршрутов, которые обеспечивают пространственные взаимосвязи различного порядка – как общегородского масштаба, так и выходящие за пределы города.

Включение «этнического» рынка в систему городских мобильностей в качестве транспортного узла определяет логику его пространственного развития как элемента городской инфраструктуры. Вариативность маршрутов общественного транспорта и траекторий его движения задает определенный ритм деятельности и существенно усложняет структуру пространства рынка. Это, в свою очередь, определяет особенности взаимодействия горожан с рынком, а через него – с пространством города. Ориентироваться на рынке без предварительного знания особенностей его организации и связанных с ним потоков мобильности оказывается крайне сложно, поскольку структура рынка постоянно видоизменяется и не является фиксированной. Отсутствие четкой структуры и фиксированного графика, координирующего транспортные потоки в районе «Шанхая», неравномерное распределение маршрутов между остановками обуславливают сложность в понимании логики устройства рыночного пространства, в связи с чем собственный опыт «обживания» места (Трубина 2010: 203) формируется лишь при непосредственном взаимодействии с ним.

Мобильность горожан, связанная с «этническим» рынком, отражает особенности восприятия его пространства и способы использования:

Я на «Шанхайке» чаще бываю проездом, чем так. Последний раз здесь что-то покупала уже не помню, когда... (пауза) Сейчас везде торговых центров понастроили, уже и не нужно на рынок ходить. Так что я здесь только мимо езжу... (Женщина, 41 год).

<...>

Мы здесь с друзьями часто встречаемся. Все живут в разных местах, сюда всем удобно ездить. Встречаемся обычно на остановке и уже отсюда вместе идем куда-нибудь... (Девушка, 18 лет).

В данном контексте «Шанхайка» выступает, прежде всего, частью маршрута или местом встречи и лишь потом как место торговли. Это связано с особенностями транспортной структуры города, в центре которой располагается рынок: для подавляющей части общественных маршрутов он является узлом начального или конечного движения, в результате чего транспортные потоки не просто пересекаются, а сходятся в общей точке, сливаясь в единые потоки. Таким образом, «пространство торговли» переформатируется в механизм сборки городской системы общественного транспорта и функционирует не только в формате рынка, но и в формате мобильной инфраструктуры. С этой точки зрения, визиты на рынок оказываются не всегда конечной целью: формируются практики «попутного» посещения, которые не являются регулярными, но обеспечивают устойчивую связь рынка с системой мобильностей.

Торговля в центре города определяет посещаемость и востребованность «Шанхайки» у иркутян, а общественный транспорт эффективно обеспечивает доставку покупателей из любых районов: *Ехать сюда удобно (на рынок. – Прим. авт.). У нас почти все автобусы идут через рынок, садись на любой и езжай, да. Он большой, можно найти все сразу, и цены... Да цены как везде в принципе. Можно дешевле, если торговаться, но я не люблю... (Женщина, 50 лет).*

Благодаря устойчивым практикам посещения рынка формируются связи между центром и самыми труднодоступными частями города. Для таких территорий транспорт, идущий в центр, нередко оказывается более частым и регулярным, чем другие маршруты. Кроме того, «Шанхайка» не просто обеспечивает коммуникацию между центром и отдаленными районами, а замыкает на себя их пространственные взаимосвязи. Для жителей удаленных районов подобная мобильность составляет основу связей не только с центром, но и с другими территориями, и в силу этого становится почти неизбежной, поскольку движение в данной части города затрудняется пробками, а возможности альтернативного движения либо отсутствуют, либо оказываются менее удобными. В результате взаимодействие с рынком через систему мобильностей оказывается вынужденным, поскольку транспортная система города практически не предоставляет возможности объехать рынок.

Она обеспечивается, в большей степени, за счет владения личным транспортом, движение которого формирует принципиально иную структуру пространственных связей (Григоричев 2015: 96–98). В свою очередь, вынужденный характер взаимодействия с рынком в контексте перемещения по городу не всегда рефлексировается горожанами. Иными словами, будучи частью транспортной системы города, рынок утрачивает свое значение ключевого элемента городского пространства и становится органичной частью повседневных городских маршрутов.

В целом структура транспортной системы Иркутска организована таким образом, что «этнический» рынок оказывается вписан во все ключевые направления движения общественного транспорта в городе. Он выступает в качестве начального, конечного либо промежуточного пункта движения и тем самым становится ключевым узлом городской транспортной сети, определяющим пространственную организацию города и преобразующим повседневную жизнь людей. Фактически, рынок «Шанхай» выступает сложным городским организмом, функционирующим в различных системах отношений, которые, с одной стороны, обуславливают его неоднозначное влияние на жизнь города, а с другой – делают рынок центром его пространственной структуры и системы мобильностей.

От рынка к рынку: локальные узлы в системе городских мобильностей

Помимо «Шанхайки» важной частью транспортного сообщения Иркутска являются локальные «этнические» рынки, расположенные в других частях города. Появление таких локальностей в пространстве обусловлено не транспортной доступностью территории, а, скорее, наличием ранее сформировавшихся торговых площадей. Наиболее показательным примером выступает «этнический» сегмент рынка «Волжский», который изначально возник как самостоятельный рынок на свободной территории, никак не связанной с существующими транспортными потоками. Однако в результате административных мер рынок был расформирован, а торговцы обосновались на располагавшемся неподалеку продовольственном рынке. Такой исход характерен для большинства малых рынков города: рынка на территории микрорайона Первомайского, у проходной авиазавода (Григоричев 2015), «Волжского» рынка (Брызгина 2016). Здесь иноэтнические торговцы занимают часть продовольственных или блошиных рынков, не являясь в полной степени самостоятельными, но сохраняющими свойства и функции, присущие «Шанхайке».

Для подобных торговых локальностей фактор транспортной доступности больше не является определяющим в обеспечении регулярности

посещения таких рынков, поскольку основной их контингент составляют жители близлежащих территорий. Тем не менее вокруг этих рынков формируются узлы интенсивного движения, обеспечиваемого многообразными транспортными потоками, которые расширяют диапазон возможных маршрутов, пролегающих через эти объекты. В данном отношении структура локальных рынков напоминает «Шанхайку»: вокруг них располагается несколько остановок, через которые пролегают различные маршруты, соединяющие эти торговые локальности с другими частями городского района. В связи с этим в локальном измерении «этнические» рынки выступают в качестве главного логистического узла, обеспечивающего систему пространственных связей внутри района его расположения.

В то же время многообразие маршрутов, пролегающих через рынок, выходит за пределы городского микрорайона. Как следствие, являясь локальным центром транспортной сети, рынок становится важнейшим узлом, обеспечивающим связь данной части города как с центром, так и с другими районами Иркутска. Иначе говоря, рынок выступает механизмом соединения мобильных потоков, связывающих отдельные городские районы в единую пространственную структуру (рис. 2).

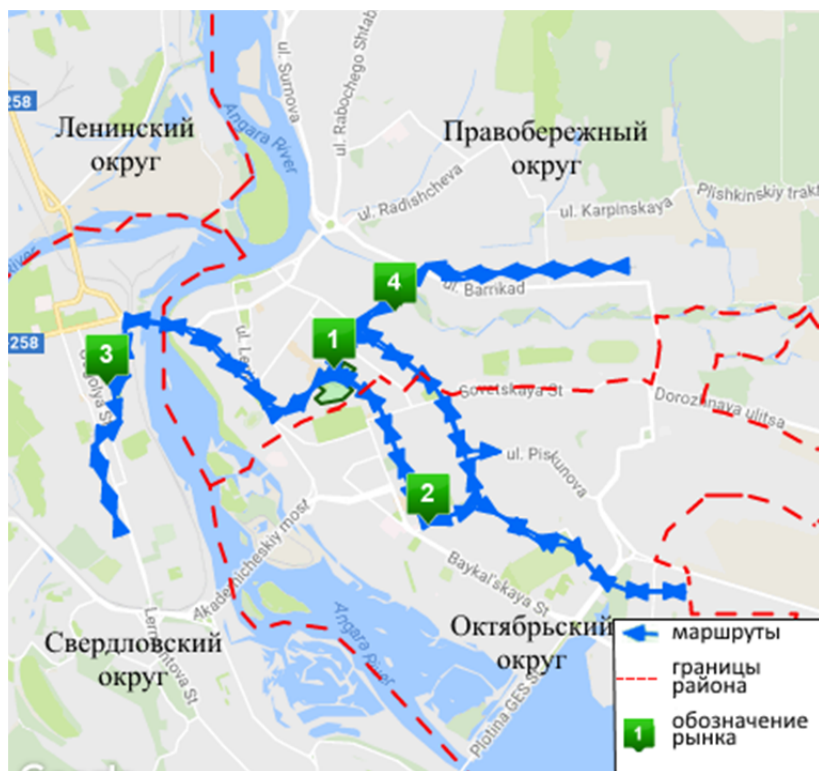

Рис. 2. «Этнические» рынки г. Иркутска в системе пространственных связей

Более того, для жителей города локальные рынки становятся маркером территории, которую они занимают: обозначение пространства через связь с рынками, в некоторых случаях, воплощается в том, что остановочные пункты вблизи этих локальностей имеют либо официальное наименование, созвучное с названием рынка, либо употребляются в качестве таковых в риторике повседневного общения. Вследствие этого «этнические» рынки прочно укореняются не только в физическом, но и в символическом пространстве города в качестве важнейшего элемента транспортной инфраструктуры:

Р: Если вам нужно на Волжскую, то лучше сесть на «четверку», доехать до «Шанхайки», а там сразу переседете на «тройку», она от рынка до рынка идет.

И: А «Шанхайка» – это остановка прямо?

Р: Нет, это рынок китайский. Там все трамваи останавливаются. Просто у кондуктора спросите, он вам подскажет (Мужчина, 38 лет).

Среди «этнических» рынков Иркутска, удаленных от центра, некоторым исключением является «Китай-город». Условия его формирования и развития имеют ряд принципиальных отличий: нынешнее местоположение рынка изначально не маркировалось как торговая локальность и не располагало возможностью его регулярного посещения, а сам рынок появился не в процессе нерегулируемого заполнения свободного пространства мигрантами, а как результат мер по регулированию торговли на «Шанхайке». Это определило дальнейшее развитие нового рынка, который хоть и стал самостоятельной торговой площадью, но по-прежнему сохраняет устойчивые связи с «Шанхаем», воплощенные в мобильностях. Главным недостатком рынка было его неудобное для горожан расположение, которое компенсировалось созданием новых маршрутов, соединяющих «Китай-город» с различными частями Иркутска и главными узлами городской системы (железнодорожным вокзалом, «Шанхайкой» и др.) (Запущен автобусный маршрут... 2014).

Новые маршруты быстро обрели популярность у жителей города:

Р: Я узнала от соседки про него («Китай-город». – Прим. авт.). Она меня все звала с собой, я не хотела ехать, далеко очень. А она говорит: «Поехали, там автобус сразу с рынка нас увезет бесплатно». Я сначала не поверила, удивилась. И правда, бесплатно.

И: А людей много ездило туда?

Р: Ой, очень много. Автобусы битком набитые были. Конечно, бесплатно же. Все и поехали. Меня бы если бы не сказала, я бы и знать не знала бы, и не поехала тогда... (Женщина, 52 года).

Маршруты не были самостоятельными: автобусы двигались в сквозном режиме (без промежуточных остановок), организуя новый узел мобильностей, имеющий лишь одну функцию – связать «этнический» ры-

нок с городом. Это обеспечило органичное включение новой локальности в городские процессы и способствовало развитию его пространственной организации: возрастающая популярность рынка актуализировала новые направления движения общественного транспорта и увеличила плотность дорожного движения в районе «Китай-города». В результате «рыночные» маршруты перестают быть сквозными и обеспечивают связь территорий, через которые они пролегают, с другими районами города; возникает запрос на появление самостоятельных маршрутов (Бесплатный автобус... 2014), на разрешение проблем, возникающих в связи с интенсификацией мобильности (Реконструкция старых дорог... 2014).

Основной пассажиропоток в данном случае обеспечивался за счет маршрута, соединявшего «Китай-город» с «Шанхаем». Устойчивая взаимосвязь между рынками сохраняется до сих пор, в отличие от других маршрутов, которые постепенно были устранены либо заменены новыми. Таким образом, «Китай-город» представляет собой еще один узел локальных взаимодействий людей с городским пространством, которые приобретают общегородской масштаб. Рынок становится еще одним крупным центром притяжения людей, наряду с «Шанхайкой», важнейшим инструментом конструирования новых пространственных связей города и трансформации функций существующих пространств. Появление «Китай-города» не только определило логику развития территории расположения рынка как торгового пространства, но и изменило восприятие «Шанхая», который сыграл не только решающую роль в процессе возникновения рынка, но и стал удобным каналом для его посещения. В свою очередь, механизмом, воплощающим связь между двумя локальностями и обеспечивающим и выполняющим функцию этого канала, стал новый общественный маршрут.

Таким образом, «этнические» рынки оказываются вовлечены в различные системы городских отношений, отличающиеся наибольшей интенсивностью и динамичностью. Функционируя как часть мобильных систем города, рынки определяют формирование новых и трансформацию существующих мобильностей, играют роль важнейшего инструмента, организующего городское пространство как в локальных, так и в общегородских масштабах, являясь при этом значимым компонентом двух ключевых инфраструктур города.

Выводы

«Этнические» рынки представляют собой наиболее динамичный элемент городской жизни, в котором сходятся многочисленные торговые и социальные сети, а также транспортные потоки. Воздействие рынков на городскую среду закодировано в различных практиках и

взаимодействиях. В свою очередь, организация жизни в современных городах предполагает все большую зависимость людей от ежедневных перемещений и транспортной инфраструктуры. В связи с этим одним из проявлений влияния рынков на город выступают городские мобильности, которые являются важнейшим связующим механизмом городского пространства.

Осмысление феномена рынков через призму городских мобильностей позволяет рассматривать их как особые пространства, социально-экономическая роль которых дополняется влиянием на пространственную организацию и превращает рынки в несущую конструкцию города. Функция притяжения людей, свойственная рынкам, воплощается в системе транспортных потоков, которая обеспечивает доступ к ним из различных районов. Рынки оказываются включены в разномасштабные системы отношений, в рамках которых за ними закреплена определенная функция. В локальном измерении рынки выступают очагом притяжения жителей одного района и центром наиболее интенсивных и динамичных взаимодействий и перемещений локального значения. В общегородском масштабе рынки являются узлами ключевых инфраструктур города, вокруг которых формируются различные сети и структуры. В масштабах, выходящих за пределы города, рынки оказываются одним из механизмов его встраивания в более широкий контекст социально-пространственных связей с другими городами и населенными пунктами.

Таким образом, встраивание городских локальностей в мобильные системы города превращает их в узлы коммуникации и взаимодействий, соединение которых обеспечивается транспортными потоками и каналами, образующими еще одну городскую сеть. Иными словами, формируются сложные конфигурации объектов и потоков, определяющие пространственную структуру города и выступающие механизмом его развития и трансформаций.

Литература

- Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3–4. С. 209–233. Бесплатный автобус // Сетевое издание «МК-Байкал». 02.07.2014. URL: <http://baikal.mk.ru/articles/2014/07/02/besplatnyy-avtobus.html> (дата обращения: 20.07.2019).
- Брызгина Д.Е. Мигранты в городском сообществе: «этнический» рынок как место встречи // Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы». Красноярск: Сибирский фед. университет, 2016. URL: http://elibrary.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/30589/bryazgina_tezisy.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 20.07.2019).
- Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: люди, пространство, образы. Иркутск: Оттиск, 2019.
- Гороховская Л.Г. Мобильные городские практики глазами пассажиров // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 133–138.

- Григоричев К.В. Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 86–104.
- de Серто М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. № 2, т. 7. С. 24–38.
- Запущен автобусный маршрут «Иркутск-пассажирский – рынок «Китай-город» // Информационное агентство «Телеинформ». 21.10.2014. URL: <http://i38.ru/vip-transport-rzhd/zapuschen-avtobusniy-marshrut-irkutsk-passazhirskiy-rynok-kitay-gorod> (дата обращения: 20.07.2019).
- Иванова А. Сумчатые. Хореография пассажиров городского транспорта // Микроурбанизм. Город в деталях: сб. ст. / под ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 70–93.
- Крайняя Н.П. Пространственная мобильность и городская морфология (к постановке проблемы) // Academia. Архитектура и строительство. 2012. № 2. С. 98–100.
- Ни пройти, ни проехать // Информационное агентство «Байкал-Инфо». 14.07.2006. URL: <http://baik-info.ru/friday/2006/27/005001.html> (дата обращения: 20.07.2019)
- Реконструкция старых дорог и строительство новых магистралей позволят решить проблему пробок // Информационное агентство «Байкал-Инфо». 25.12.2014. URL: <http://baikal-info.ru/rekonstrukciya-staryh-dorog-i-stroitelstvo-novyh-magistralej-pozvoljat-reshit-problemu-probok> (дата обращения: 20.07.2019).
- Трубина Е.Г. Город в теории. Опыт осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. М.: Праксис, 2012.
- Фень Е.Г. Город в движении: к вопросу о повседневности мобильности // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 145–156.
- Шеллер М. Новая парадигма мобильностей в современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 3–11.
- Butcher M. Cultures of commuting: the mobile negotiation of space and subjectivity on Delhi's metro // Mobilities. 2011. Vol. 6 (2). P. 237–254.
- Cresswell T. On the move: mobility in the modern western world. N.Y.; L.: Routledge, 2006.
- Mees P. A very public solution: transport in dispersed city. Carlton South, Vic.: Melbourne University Press, 2000.

Статья поступила в редакцию 16 мая 2019 г.

Bryazgina Diana E.

‘ETHNIC’ MARKETS IN THE TRANSPORT SYSTEM OF IRKUTSK: CONSTRUCTION AND TRANSFORMATION OF THE URBAN SPACE*

DOI: 10.17223/2312461X/25/5

Abstract. ‘Ethnic’ markets are an important part of the urban space and city residents’ life in Irkutsk. They are a place of everyday social contacts, regular visits, and intensive movement. The link between the markets and Irkutsk public transport is of particular importance for the city’s transformation. Analysis of the Irkutsk transport system shows its influence on the formation and development of mobility in the city, and is the focus of this study. The study draws on the theory of spatial mobility, according to which the city can be considered as a concentration of movement, the public transport as one of the main elements of urban spatial relations, and the ‘ethnic’ markets as a city locality rooted in the physical space. Such an approach reveals that the markets, together with mobility systems, act as a spatial assemblage which determines transformation of the urban space.

Keywords: mobilities, public transport, ‘ethnic’ market, urban space

* The study is conducted with financial support from the Russian Science Foundation (RNF) under the research project No.18-18-00293, titled: 'The use and development of urban infrastructures by migrants in Siberian cities'.

References

- Amin A., Thrift N. Vniatnost' povsednevnogo goroda [The legibility of the everyday city], *Logos*, 2002, no. 3-4, pp. 209-233.
- Besplatnyi avtobus [Free bus], *Setevoe izdanie «MK-Baikal»*. 02.07.2014. Available at: <http://baikal.mk.ru/articles/2014/07/02/besplatnyy-avtobus.html> (Accessed 20 July 2019).
- Briazgina D.E. Migranty v gorodskom soobshchestve: "etnicheskii" rynek kak mesto vstrechi [Migrants in the city: 'ethnic market' as a meeting point]. In: *Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentral'noi Sibiri v XX-XXI vekakh: opyt i perspektivy»* [Proceedings of the 6th International research conference, titled 'Ethnic migration in central Siberia in the 20th and 21st centuries: history and prospects']. Krasnoyarsk: Sibirskii fed. universitet, 2016. Available at: http://elbib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/30589/briazgina_tezisy.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Accessed 20 July 2019).
- Grigoriev K.V., Diatlov V.I., Timoshkin D.O., Briazgina D.E. *Bazar i gorod: liudi, prostranstva, obrazy* [The market and the city: people, spaces, and images]. Irkutsk: Ottisk, 2019.
- Gorokhovskaia L.G. Mobil'nye gorodskie praktiki glazami passazhirov [The practices of urban mobility through the eyes of passengers], *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2012. № 1. S. 133-138.
- Grigoriev K.V. Bazar i gorod: «kitaiskii» rynek kak tochka sborki gorodskogo prostranstva [The market and the city: 'Chinese' market as the city's assemblage point]. In: *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia as a place for bargaining and a meeting point]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015, pp. 86-104.
- de Certeau M. Po gorodu peshkom [Walking in the city], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2008, no. 2, Vol. 7, pp. 24-38.
- Zapushchen avtobusnyi marshrut [Irkutsk-passazhirskii – rynek «Kitai-gorod»] [A new bus route is now launched: Irkutsk-passazhirskii to Kitai-gorod market], *Informatsionnoe agentstvo «Teleinform»*. 21.10.2014. Available at: <http://i38.ru/vip-transport-rzhd/zapushchen-avtobusnyi-marshrut-irkutsk-passazhirskiy-rinok-kitay-gorod> (Accessed 20 July 2019).
- Ivanova A. Sumchatye. Khoreografiia passazhirov gorodskogo transporta [Carrying bags. A choreography of public transport passengers]. In: *Mikrourbanizm. Gorod v detaliakh: sb. statei* [Micro-urbanism. The city in focus: a collection of papers]. Ed. by O. Brednikova, O. Zaporozhets. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, pp. 70-93.
- Krainiaia N.P. Prostranstvennaia mobil'nost' i gorodskaiia morfologiia (k postanovke problema) [Spatial mobility and urban morphology: stating the problem], *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, 2012, no. 2, pp. 98-100.
- Ni proiti, ni proekhat' [No getting through], *Informatsionnoe agentstvo «Baikal-Info»*. 14.07.2006. Available at: <http://baik-info.ru/friday/2006/27/005001.html> (Accessed 20 July 2019).
- Rekonstruktsiia starykh dorog i stroitel'stvo novykh magistralei pozvoliat reshit' problemu probok [Reconstructing old roads and building new highways as a solution to traffic congestion], *Informatsionnoe agentstvo «Baikal-Info»*. 25.12.2014. Available at: <http://baikal-info.ru/rekonstruktsiya-starykh-dorog-i-stroitel'stvo-novykh-magistralei-pozvoliat-reshit-problemu-probok> (Accessed 20 July 2019).
- Trubina E.G. *Gorod v teorii. Opyt osmysleniia prostranstva* [The city in theory: Comprehending the space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
- Urry J. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Translated from English. Moscow: Praxis, 2012.

- Fen E.G. Gorod v dvizhenii: k voprosu o povsednevnosti mobil'nosti [The city on the move: Considering everyday mobility], *Antropologicheskii forum*, 2011, no. 15, pp. 145-156.
- Sheller M. Novaia paradigma mobil'nostei v sovremennoi sotsiologii [The new mobility paradigm in modern sociology], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2016, no. 7, pp. 3-11.
- Butcher M. Cultures of commuting: the mobile negotiation of space and subjectivity on Delhi's metro, *Mobilities*, 2011, Vol. 6(2), pp. 237-254.
- Cresswell T. *On the move: mobility in the modern western world*. NY, London: Routledge, 2006.
- Mees P. *A very public solution: transport in dispersed city*. Carlt South, Vic.: Melbourne University Press, 2000.

MISCELLANEA

УДК 94

DOI: 10.17223/2312461X/25/6

НЕРОГА И НЕЛОГА: ЕЩЕ РАЗ ОБ ОДНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЗАГАДКЕ В СООБЩЕНИЯХ ЮКАГИРСКИХ АМАНАТОВ XVII в.

Александр Аркадьевич Немировский

Аннотация. В литературе длительное время велась дискуссия о природе сообщений юкагирских аманатов с Яны о серебряной горе при восточной реке Нероге в 1642 г. и сообщений юкагирских аманатов с Индигирки и Колымы о серебряной горе при восточной реке Нелог в 1644 г. (эти показания 1644 г. были ответами на русские расспросы о реке, ставшей известной русским из показаний 1642 г.). Сообщения колымско-индигирских аманатов 1644 г. давно опубликованы, сообщения янских аманатов 1642 г. не публиковались и были известны лишь в отдельных цитатах и кратком пересказе. Исследователи стремились видеть в тех и других сообщениях сведения об одном и том же объекте, реальном или вымышленном. Однако недавно А.А. Бурыкин убедительно показал, что сообщения 1644 г. о Нелог относятся к реке на Чукотке, впадающей в море северо-восточнее Анноя, в Чаунскую губу. Между тем изучение полного текста сообщений 1642 г., по нашему мнению, столь же однозначно показывает, что их Нерога – это река, впадающая в Охотское море (как иногда и предполагалось). Это расхождение мы предлагаем объяснять тем, что аманаты, которых допрашивали в 1644 г., на деле не знали ничего о той Нероге, которую имели в виду янские аманаты в 1642 г., и на допросе о ней рассказали об известной им реке с похожим названием вида Нелога, на деле другой, думая (или делая вид), что это и есть искомая река. Обе реки следует признать реальными, но различными.

Ключевые слова: юкагиры, Нелога, Нерога, онойди, Яна, Индигирка, Чукотка

Состояние вопроса. В 1642 г. в Якутске захваченные Елисеем Бузой в аманаты янские юкагиры (из племен коромоев и яндинцев) подробно рассказывали про некую реку Нерогу, которая впадает в море и на которой есть гора с «серебряными жилами». Эти показания ныне хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 43. Л. 63–64), но, к сожалению, никогда не публиковались, лишь фрагментарно цитировались¹. Между тем русские власти, заинтересованные известиями о серебре, организовали дополнительные расспросы об этой Нероге, и в 1644 г. на Индигирке в ответ на эти расспросы дали показания о некой реке еще три юкагирских аманата из других племен: верхнеколымец Пороча с женой и шоромбой (с Инди-

гирки) Шенкодье. Оба называли реку, о которой рассказывали, Нелогой; эти их сообщения давно опубликованы (ОРМ № 31). Сведения о Нероге – Нелоге вызвали продолжительные дискуссии о том, не вымышлена ли эта река, а если нет, то где ее нужно локализовать (см. обзоры в (Степанов 1959: 182–184; Бурыкин 2013: 215–234)). При этом исследователи, естественно, исходили из того, что сообщения 1642 г. о «Нероге» и 1644 г. о «Нелоге» относятся к одному и тому же объекту, и стремились идентифицировать его, объединяя сведения из данных сообщений. Значительная часть этих дискуссий – та, что касается показаний аманатов на Индигирке в 1644 г., – имеет сейчас главным образом историографический интерес: смысл этих показаний недавно выяснил А.А. Бурыкин, окончательно продемонстрировав, что Нелога, о которой говорили Пороча с женой и Шенкодье, – это река на Чукотке, впадающая в океан в районе Чаунской губы, Наглейнын (и продолжающий ее отрезок Раучуа), а серебряная гора рядом с ней – гора Наглейнын рядом с одноименной рекой (Бурыкин 1998: 79–82; 2013: 217–219)².

Однако значит ли это непременно, что ту же самую реку имели в виду, сообщая о Нероге, янские аманаты в 1642 г.? Поскольку их показания не публиковались полностью, специалисты по умолчанию принимали, что это именно так: ведь Шенкодье и Пороча с женой рассказывали русским о своей «Нелог» именно в ответ на требование сообщить все, что они знают о той реке, о которой ранее говорили в Якутске аманаты янские, т.е. о Нероге. Поэтому русские расспросчики не имели никаких оснований сомневаться, что Нелога, о которой рассказывают им Пороча с женой и Шенкодье, – это действительно та самая река, о которой как о Нероге сообщали янские юкагиры. Тем более, казалось, не было причин сомневаться в этом тождестве позднейшим исследователям. В результате установленное А.А. Бурыкиным по показаниям аманатов на Индигирке чукотское приурочение их Нелоги автоматически распространили в литературе на Нерогу янских аманатов и их сведения о ней, не видя причин различать эти реки (например, у самого А.А. Бурыкина и в (Артемьев 2004: 37)).

Однако при полном прочтении сообщений янских юкагиров становится ясно, что это не так, и что в действительности Нелога Порочи и Шенкодье – отнюдь не та река Нерога, о которой рассказывали янские аманаты.

Приохотская Нерога янских юкагиров. Нерога описывается янскими юкагирами так: течет она прямо в море, причем с того же самого горного массива, с которого текут (непонятно, в какую сторону – в ту же самую, что Нерога, или в другую) реки Индигирка и Яна. На верховьях этой Нероги систематически ездят верхнеянские юкагиры-онойди и ламутки³, живущие в районе истоков Яны и Индигирки, а обитают на этой Нероге люди рода, называющегося «натты»⁴. Эти описания, с од-

ной стороны, не дают никакой почвы для подозрений в том, что они вымышленны (для этого в них слишком много непротиворечивых конкретных деталей, имеющих вполне правдоподобный реалистический характер и не несущих никакой нагрузки, подходящей как мотив для вымысла), а с другой – не оставляют сомнений в том, что данная Нерога – река, вытекающая из того же горного района, что Яна и Индигирка⁵, но в другую сторону – в Охотское море⁶, а «натты», что на ней живут, – прибрежные приохотские жители⁷. В той мере, в какой показания янских аманатов становились известны ранее, это из них и выводили некоторые исследователи. Так, уже памяти Дмитрию Зыряну (ДАИ II: 98), кратко излагающей содержание этих показаний, хватило В.И. Огородникову, чтобы идентифицировать Нерогу и жителей ее долины именно так, как сказано выше – как реку, впадающую в Охотское море с севера, при которой живут пешие тунгусы (Огородников 1922: 38; ср.: Золотарев 1938: 70).

Подчеркнем еще одно обстоятельство: о Нероге янские аманаты, согласно документу, рассказали в ходе ответа на вопрос «про Шилку реку, и про иные новые реки, в которой серебро родитца, и где та река [= Шилка], и далеко ль от Янги реки, и скуда к ней ход, и как на ней люди живут» (см. прим. 4). Коль скоро о Нероге сообщают в ходе ответа на распрос о приамурской Шилке (о которой люди на Яне, конечно, едва ли знали, но при распросе их по крайней мере сориентировали бы, в каком общем направлении от Яны и Якутска лежит эта Шилка, о которой их спрашивают), то априори вероятнее искать эту Нерогу в бассейне Тихого океана / Охотского моря, а не Северного Ледовитого океана.

Против указанной приохотской локализации Нероги высказывался аргумент, что реки с названием «Нерога», которая впадала бы в Охотское море (как, кстати, и в Ледовитый океан), мы не знаем, поэтому некоторые специалисты даже отодвигали соответствие янским сообщениям о Нероге еще дальше и приурочивали их к Амуру – полностью (Степанов 1950: 180; Долгих 1960: 389, прим. 119; Полевой 1997: 73, 140) или частично (Степанов 1959: 184)⁸. Однако Амур такого названия не носил и совершенно не подходит под описания Нероги янскими юкагирами, в частности, именно в силу своей отдаленности от бассейнов Яны и Индигирки. Отсутствие же какой-либо известной нам «Нероги» в Приохотье не может служить действительным аргументом против помещения нашей Нероги в этом регионе, так как его древняя гидронимия вообще уцелела очень фрагментарно, а Нерега, Нерога по-тунгусски может значить и «заревая река», и «хариусная река» (эвенск. *нерега* «заря», *нөригэ* «хариус»; Бурыкин 2013: 219), и как раз в бассейне верхней Колымы есть ее приток Нерега, а к югу от Колымы в Охотское море впадает Нявленга (последнее название могло дать и «Нерогу», и «Нелогу»). В существовании рек с названием вида «Нерога» в Приохотье, таким образом, не было бы ничего неожиданного.

Чукотская Нелога вместо приохотской Нероги в показаниях 1644 г. Итак, остается признать, что в 1642 г. янские юкагиры говорили о приохотской (в действительности) реке Нероге. Как же примирить это с тем надежно продемонстрированным А.А. Бурыкиным обстоятельством, что Пороча с женой и Шенкодье два года спустя, отвечая на расспросы о Нероге, рассказали о чукотской реке, впадающей в Ледовитый океан? По нашему мнению, единственное объяснение тут таково: Пороча с женой и Шенкодье создали недоразумение (намеренно или впад в него сами), рассказав в ответ на запрос о Нероге янских аманатов совсем об иной реке с похожим названием. Очевидно, на деле они просто ничего не знали о той Нероге, о которой ранее говорили в Якутске янские аманаты. Когда их стали допрашивать о ней, они рассказали об известной им реке со сходным именем – в действительности другой. Разумеется, нельзя судить о том, понимали ли они сами, что говорят не о той реке, о которой их спрашивают, – здесь возможны оба варианта. Они могли сознательно вводить русских допросчиков в заблуждение, поскольку об искомой Нероге ничего не знали, а заявлять о своем незнании не хотели (ведь этим они могли бы навлечь на себя подозрение в заpiresательстве и утайке сведений о серебре, что вызвало бы нежелательные для них последствия, включая пытку⁹) и потому предпочли рассказать русским про реку с похожим названием, о которой что-то слышали. Но, конечно, они могли и сами искренне думать, что их Нелога – та самая река, о которой их спрашивают, в силу сходства названий и других схождений между тем, что им говорили об искомой Нероге, и тем, что они знали о своей Нелогe: ведь янские юкагиры не объяснили, да и не могли бы объяснить, в какое именно море впадает их Нерога, столь определенно, чтобы русские или другие юкагиры могли осознать, что это именно Охотское море и чукотские реки тут не подходят (янские юкагиры и сами не могли располагать достаточными географическими сведениями, чтобы иметь представление о таких вещах).

Той рекой, о которой знали и рассказали аманаты на Индигирке, была чукотская Наглейнын; звука [p] в ее названии не было, и оно закономерно стало в русской передаче «Нелогой» (этой разнице – Нерога / Нелога – никто значения не придал). Русские допросчики не поняли, да и не могли понять, что допрашиваемые говорят не о той реке, о которой рассказывали ранее янские аманаты: для такого понимания у русской стороны тоже не было достаточных сведений о Северо-Востоке Азии.

Действительно, при сличении полных показаний янских юкагиров с сообщениями Шенкодье и Порочи с женой можно обнаружить расхождения, подтверждающие, что речь идет в действительности о разных реках. Хотя в инструкции Дмитрию Зыряну (ДАИ II: 98), на основании которой допрашивали в 1644 г. названных троих аманатов, была кратко

изложена суть прежних сообщений янских юкагиров и, в частности, подчеркивалось, что истоки искомой Нероги близки к горному региону истоков Яны и Индигирки, Шенкодье и Пороча с женой в своем ответном рассказе о Нелоге ни Яны, ни Индигирки даже не упоминают, а связывают Нелогу с совершенно иными реками – Колымой и «Чюндонной»-Анюем, заявляя, что исток Нелоги близок к истоку последнего.

Согласно янским юкагирам при их Нероге живет племя «натты», и это должны быть тунгусы, так как янские юкагиры специально указывают: язык этих наттов похож на ламутский, но не ламутский («а язык де у них и свой, и с ламутками де сходитца», см. прим. 4). Тунгусам нечего, конечно, было бы делать на Чукотке, где течет Нелога Порочи и Шенкодье, но последние, рассказывая о Нелоге, и не говорят ничего о языке обитающего при ней народа, кроме того, что он не юкагирский. Между сообщениями янских юкагиров о жителях Нероги и сообщениями 1644 г. о жителях Нелоги обнаруживаются и прямые расхождения. Согласно янским аманатам бассейн Нероги заселен «наттами» вплоть до моря (где эти «натты» «зверей колют» «на устье Нероги реки на море»); юкагиры-онойди и ламутки, живущие на верховьях Яны и Индигирки, наезжают на Нерогу, к ее верховьям, причем постоянно и дружелюбно (см. прим. 4). В рассказах же Порочи и других на их Нелоге живет народ, который, с их слов, называется в документе то наттами, то нанками и контактирующие соседи у них совершенно другие – это некие верхнеанюйские (живущие «в вершине Чюндоны») противопоставленные юкагирам «писанные рожи» (т.е. люди с татуированными лицами) под названием «акнемила», с которыми натты / нанки то торгуют, то воюют (ОРМ № 31). Отличие от картины, рисуемой янскими аманатами, здесь явное. Это подтверждает тот тезис, что янские аманаты и Пороча имели в виду на самом деле разные реки, и наводит на мысль, что Пороча говорил, собственно, о народе нанки, а «наттами» их назвал добавочно сам Пороча или толмач только потому, что распрос велся – на основании показаний янских юкагиров – именно о Нероге с наттами¹⁰.

Что касается «писаных рож», то если бы информация о них относилась к Приохотью, в них надо было бы видеть приохотских тунгусов – эвенков, среди которых татуировка лиц была распространена. Но о «писаных рожах» – акнемила рассказывает только Пороча (янские аманаты их не упоминают), говоря о них как о населении «Чюндоны», т.е. верхнего Анюя. В таком случае в них остается видеть группу чукчей, для которых отмечалась мужская татуировка лица (Бурыкин 2013: 218)¹¹.

Название «акнемила» А.А. Бурыкин убедительно сопоставляет с чукотским термином *нымыльа* «оседлые», как, по независимым данным, именовались северо-западные чукчи еще в XIX в. (2013: 218). Название «нанки» явно перекликается с *ан'к'а*- – начальной частью чукото-

корякских терминов со значением «приморские, береговые [оседлые] жители» (например, чукотск. *ан'к'алын* ед.ч., *ан'к'альыт* мн. ч.; *ан'к'анымыльыт*) (Бурыкин 2013: 218); об этих нанках и говорится как об охотниках на морского зверя¹².

Стрельба по серебряным «соплям». Расхождения между рассказом янских юкагиров и рассказом Порочи возникают даже в том, что касается серебра – главной темы для их допросчиков. Янские аманаты заявили: «...а серебро де идет из горы ис каменные, а та де гора над Нерогою... А промышляют де оне серебро, ездят в лотках по две вместе и по тому де серебру стреляют из лука стрелами, и то серебро валяется в лотки таланным [=удачливым, при удаче], а не таланным [=неудачливым] де не валяется. А за два де оленя дают оне серебра одващо [=едва] мощно человеку снести. А в огонь де оне то серебро кладут же, а в том де они серебре делают круги де серебряные, и по вороту де у собя кругом обвешиваются. И мисы де большие ис того серебра у них есть» (РГАДА. Оп. 1. № 43. Л. 63).

Это сообщение явно относится к настоящему серебру: его плавят, из него делают украшения и миски. Вопросы вызывает лишь заявление, что серебро (очевидно, самородки, виднеющиеся из породы на склоне) выбивают из породы стрелами и это получается только при удаче¹³.

Пороча сообщил почти то же самое, но с дополнительными и уже совершенно фантастическими деталями: «...те нелоские мужики сказывают, что серебро у них на Нелогее реке от моря недалеко в яру, а весит де из яру соплями. И те нелоские мужики от той серебряные руды сопли отстреливают томарами [охотничьи стрелы с тупыми наконечниками] и стрелами, а инако де оне нелоские мужики ис Камени серебра добывать не умеют» (ОРМ № 31). Тут нельзя думать даже о самородках, которые выбивают из более мягкой породы стрелами – у Порочи из обрыва свисает «соплями» сама серебряная руда, и от этого свисающего массива, оплывающего «соплями», отшибают выстрелами отдельные «сопли».

Эта картина уже совершенно нереальная. А.А. Бурыкин, анализируя рассказ Порочи, выдвинул привлекательное объяснение, согласно которому сообщение о серебре, висащем «соплями» и отстреливаемом из луков, – плод недоразумения: вероятно, допрашиваемый неверно понял слова, которые употребляли допросчики, говорившие через толмачей. А.А. Бурыкин предположил, что при этом перебирали разные слова для «серебра», но все они были допрашиваемому неизвестны, и тот, не в силах понять, чего от него хотят, под впечатлением от созвучия одного из этих слов (якут. «комус») с чукотским словом «кымыт» («навес»), а другого (рус. «серебро») – с юкагирским словом «чирэмэ» («птица») стал в отчаянии рассказывать о лучной охоте с лодок на птиц, гнездящихся в обрыве («навесе») над рекой, допросчики же не поняли ошибки (2013: 226 сл.).

При всем остроумии этого объяснения в полном виде оно приниматься, по нашему мнению, не может: ведь о стрельбе по серебру говорил не только Пороча в 1644 г., но и янские аманаты в 1642 г. Считать, что в обоих случаях дело было в предполагаемом А.А. Бурькиным недоразумении, затруднительно: как могло это недоразумение повториться два раза с двумя допросами, которые разные люди в разное время чинили разным аманатам? К тому же, добываясь сведений о такой важной вещи, как серебро, допросчики при первом же намеке на то, что допрашиваемые не понимают, чего от них хотят, не просто перебирали бы слова, а показали бы допрашиваемым образцы предметов из серебра, которое само по себе было юкагирам хорошо знакомо¹⁴. Наконец, янские аманаты сообщали о серебре людей с Нероги, что те его плавят и делают из него украшения и миски – стало быть, янские аманаты прекрасно понимали, о чем их спрашивают, говорили именно о серебре и недоразумения с птицами и гнездами в их показаниях не было: из птичьих гнезд и яиц не делают украшений и сосудов, их не плавят.

Предложим другое объяснение, учитывающее, в то же время, сообщения А.А. Бурькина. Подчеркнем, что фантастическое серебро, свисающее «соплями», появляется лишь в показаниях Порочи: только у него серебро не просто выходит заметными снизу жилами или самородками, а прямо висит из горы над рекой «соплями» и именно эти «сопли» отстреливают из луков. Янские аманаты такого не упоминали. Создается впечатление, что Пороча просто развивает сюжет, ставший ему известным из пересказа показаний янских юкагиров и оставшийся не вполне понятным ему самому, отчего в его словах и возникли дополнительные фантастические детали.

Далее, на Индигирке показания о Нелоге и ее серебре давали не по одному разу три аманата: Пороча, его жена и Шенкодье, но изложенную картину со стрельбой по «соплям» из них нарисовал только Пороча и только на одном допросе. Остальные аманаты, как и сам Пороча на других допросах, сообщали лишь, что серебра «у тех нелогских людей много», потому что при Нелоге «блиско к морю в горе в утесе руда серебряная», но ни о какой стрельбе по «соплям» серебра не говорили и вообще не описывали способ его добычи.

По совокупности сказанного можно думать, что если у допрашиваемых на Индигирке юкагирских аманатов вообще были какие-то собственные сведения о серебре на их Нелоге, то они не касались стрельбы по серебру; о ней Пороча заговорил только потому, что соответствующий русский допросчик пересказал ему при допросе соответствующую часть показаний янских юкагиров о Нероге и Пороча подхватил этот сюжет и развил его в собственных показаниях, чтобы ответить ожиданиям и настояниям допрашивающего; а поскольку в действительности Пороча ничего не слышал о подобной стрельбе по серебру примени-

тельно к своей Нелогге, то развитие сообщений янских юкагиров приобрело у него те самые добавочно-фантастические подробности. Когда же русские допросчики не выспрашивали показаний о такой стрельбе, остальные аманаты и сам Пороча их и не давали, поскольку собственной информации такого рода не имели.

Именно при данных обстоятельствах с Порочей могло произойти недоразумение, предположенное А.А. Бурыкиным, – слыша, что его настойчиво спрашивают о какой-то стрельбе из луков по торчащему из горы веществу, он соотнес эту картину (возможно, под влиянием отмеченных А.А. Бурыкиным созвучий) с охотой на гнездящихся в обрывах птиц (у янских юкагиров, напомним, подобных недоразумений не было: они говорили о серебре, полностью понимая, о чем их спрашивают).

Итак, сюжет с «подкапыванием» самородков лучной стрельбой, независимо от его правдоподобия, принадлежит янским юкагирам и связан именно с Нерогой; индигирско-колымские юкагиры о своей Нелогге такого не слыхали, и когда один из них попытался подстроить свои показания об известной ему Нелогге под этот сюжет, не очень понятный ему самому, у него получились лишь еще более фантастические прибавления к указанному сюжету.

Заключительные замечания. Дополнительным фактором, подталкивающим аманатов на Индигирке в 1644 г. к изложению известий о чукотской Нелогге в ответ на расспросы о приохотской (на деле) Нерогге, могло быть следующее. В еще одной памяти 1642 г. Дмитрию Зыряну, выданной при отправке его на Яну (РГАДА. Оп. 3. Д. 319), также упоминалась Нерога и говорилось, что где-то недалеко от нее есть р. Каленьба или Каленьва (РМЛТО: 46, прим. 2; Белов 1973: 79). Это название М.И. Белов понял как чукотское «Коленьваам», «Пестрых утесов река», а А.А. Бурыкин соотнес с «р. Каленмываам, верховьем реки Паляваам, впадающей в Чаунскую губу. Такое же название – Каленмыт имеют речки-притоки реки Гиркувеем в бассейне той же реки Паляваам» (2013: 217). Таким образом, в этой памяти Нерога уже помещена в контекст чукотских на деле реалий. Между тем показания янских юкагиров о Нерогге ничего не говорят о Каленьбе(ве) и не дают никаких оснований связывать с Нерогой какие-либо чукотские объекты. Как видно, по звеньям межюкагирских и русско-юкагирских цепочек обмена информацией какие-то глухие известия о чукотской Нелогге достигли русских достаточно рано для того, чтобы их уже в 1642 г. начали в Якутске контаминировать с известиями янских юкагиров о Нерогге и потому включили в указанную память Зыряну упоминание чукотской де-факто реки Каленьва как находящейся недалеко от искомой Нероги. Если эта контаминация каким-то образом уже достигла аманатов, дававших показания в 1644 г. на Индигирке, то тем больше было у них оснований искренне считать, что Нерога, о которой их спрашивают, и

есть известная им река на Чукотке. Если же русские допросчики еще называли им, следуя той же информации, что значилась в обсуждаемой памяти Зыряну, Каленьву как ориентир для идентификации разыскиваемой ими Нероги, то у допрашиваемых просто не могло остаться ни сомнений в тождестве этой реки с известной им чукотской Нелогой, ни иного выбора, как рассказать о последней, поскольку ориентир «Каленьва» однозначно вел бы их именно к чукотской Нелоге в районе Чаунской губы.

Подведем итоги. По совокупности изложенного мы предлагаем такую реконструкцию событий, связанных с появлением Нероги / Нелогии в наших источниках:

- от Приохотья через ламутков и дружественных им юкагиров-онойди до нижнеянских юкагиров докатились сведения о приохотском серебре, отлившиеся в форму представления о серебряной горе при (приохотской) реке Нероге; речь при этом шла о реальной приохотской реке с подобным именем;

- аманаты, взятые русскими от нижнеянских юкагиров, пересказали им это представление (и желая, видимо, отвлечь их от своих племен и направить внимание русских в сторону онойди и ламутков, подчеркнули, что до Нероги и ее серебра не так уж долго добираться через земли онойди и ламутков, а те вдобавок хорошо знают дорогу);

- Якутск развернул дальнейший сбор информации об этой Нероге и уже в 1642 г. (в одной из памятей Зыряну) соединял сообщения янских аманатов о ней с какими-то слухами о реках, в действительности находившихся на Чукотке. В ходе этого сбора в 1644 г. на Индигирке были допрошены Шенкодье, Пороча и его жена, но они ничего о приохотской Нероге не знали (хотя, возможно, слышали легенду о серебряной горе на востоке), зато приблизительно понимали, что именно от них хотят услышать, и по созвучию гидронимов дали сведения о совсем иной в действительности реке, чукотской Нелоге, а Пороча еще и выдумал «сопли» серебра, торчащие из горы, подумав (возможно, по созвучию юкагирского *чирэмэ* и русского *серебро*, как предполагает А.А. Буркин), что пришельцы мыслят себе то, о чем спрашивают, в виде птичьих гнезд, лепящихся под обрывами.

Тем самым перед исследователями встает задача заново приурочивать содержание сообщений янских юкагиров о Нероге к Приохотью, не привлекая сведений, изложенных Порочей, его женой и Шенкодье в 1644 г., и относящихся в действительности к Нелоге / Наглейнын-ваам на Чукотке.

Примечания

1. Краткое содержание этих показаний приводилось в давно известной наказной памяти Дмитрию Зыряну 1642 г. ((ДАИ II: 98, уточнения чтения и хранения в (Степанов 1950: 180)).

2. Ключевое значение здесь имеет следующее сообщение Порочи: «Есть де река Нелога за Ковымою рекою, впала в море своим устьем, а от той де реки Нелоги от вершины пошла река Чюндона, а впала де та река Чюндона блиско моря в Ковыму реку, вверх идучи по Ковыме реке с левые стороны» (ОРМ № 31). Как однозначно следует из этого описания, притоком Колымы Чюндоной Пороча называет Анюй (Белов 1973: 55; Бурыкин 2013: 217 сл.) – именно он впадает в Колыму недалеко от моря «слева», если смотреть «снизу вверх идучи», т.е. при ориентации от устья Колымы вверх по ее течению. Таким образом, «Нелога», по Пороче, вытекает из той же местности, что Анюй-«Чюндона», впадает в море и лежит «за Колымой» на восток, что по совокупности требует считать Нелогу чукотской рекой.

3. Одно из эвенских племен, обитавшее у истоков Яны (Долгих 1960: 506 сл., 546, карта).

4. «150 (-го году) июля в 25 день... допрашиваны юкагирские князцы Быгалга шаман, да Емгутта, да Далгутта, про Шилку реку, и про иные новые реки, в которой серебро родитца, и где та река, и далеко ль от Янги реки, и скуда к ней ход, и как на ней люди живут, и много ль на ней людей, и князцы у них есть ли, и буде князцы есть, и как зовут, и скотны те люди, или оленные, или сидячи, или кочевные, и своим ли устьем в море пала, и лесна ли, и рыбна ли та река, и чем они сь ней живут. И шаман Быгалга, да Емгутта, да Далгутта в допросе сказали: есть-де де река, имя ей Нерога, поменши Лены реки, своим устьем в море пала, рыбна и лесна, а рыбы де на ней много и на той де реке серебро есть, а вершина де блиско от янские вершины, и от той де Нероги блиско, куда служивые люди ходят на Янгу, и от Янские де вершины блиско, кочевного де ходу недели на четыре на Нерогу реку сь Янские де вершины, а наскоре де ийти всего ходу недели на две, а ход де подле камень от Янские де вершины, а от Янские де вершины на камению живут юкагирской князец Алганий з братом меншим, а брата де его меньшего зовут Алдакай – оленные люди. И те де юкагирские князцы Алганий з братом сходятца вместо с ламутками и промеж собою с ламутками емлютца, и ламутки де на ту реку Нерогу ходят всегда.

И на той де реке живут люди сидючие <...> да на устье де Нероги реки на море промышляют, зверей колют спинами <...> а серебро де идет из горы ис каменные, а та де гора над Нерогою, а от устья де морского з днища пешево ходу, а те люди живут повыше той горы на яру над рекою ж за пол-днища от тоей горы, в одном месте, в земляных юртах. <...> А язык де у них и свой, и с ламутками де сходитца. <...> А владеют де ими два брата, а в роде их зове натты.

<...> Да июля ж в 28 день роспрашиван порознь и иным толмачем юкагирской князец Югамты про ту Нерогу реку <...>. И он, Югамты, сказал в допросе: <...> ходу де кочевново до той реки Нероги с Янской вершины месяц, а наскоре де ехать на оленях без кочевья две недели до той реки Нероги, а с Ындигерскою де вершиною и Нероги реки вершина сошлась блиско. <...> Того ж числа Долъгокта, юкагирский князец, в допросе сказал <...> ходу де аргишново с Янские вершины до Инороги реки вершины недели четыре, а наскоре де ино де недели и в две дойдет. <...> А видают де тех людей, кои на Инароге реке живут, ламутки да и онойди, что на камению живут на Янском хребте. А онойди де оленные люди, а юкагирской язык» (РГАДА. Оп. 1. № 43. Л. 63–64. Выражаем благодарность П.И. Прудовскому за помощь в уточнении ряда чтений).

5. Отметим: в том, что под Яной и Индигиркой в данном документе подразумеваются те самые реки, что известны под этими названиями в других русских документах 1630–1640-х гг. и далее (т.е. Яна и Индигирка географической номенклатуры XVII–XXI вв.), а не некие иные реки со сходными названиями, сомневаться, на наш взгляд, не приходится. Допросчики были всемерно заинтересованы в том, чтобы как можно точнее выяснить, как добраться до источников серебра, и по простому созвучию каких-то слов допрашиваемых с названиями уже известных им Яны и Индигирки не стали бы сразу вносить их в документ, а сначала удостоверились бы, что речь идет именно об этих уже известных русским реках. Представляется невероятным, чтобы русские, по-

дробно выпрашивая у юкагирских аманатов с самой же Яны, далеко ли от этой известной русским реки и известной русским Индигирки до Нероги, не смогли донести до допрашиваемых, что их интересуют те самые Яна и Индигирка, которые под этими именами знают они, русские, и на которых стоят русские зимовья. Маловероятно и то, что допрашиваемые их не поняли бы и отвечали бы про связь Нероги не с хорошо им известными Яной и Индигиркой, а с некими другими реками созвучных названий, а допросчики, в свою очередь, не поняли этого и писали в документе об обычных Яне и Индигирке русской номенклатуры, не подозревая, что на самом деле им говорят о других реках. Наконец, сообщение янских аманатов о том, что юкагиры-онойды, подчиняющиеся братьям Алганию и Алдакаю и живущие по документу при «вершине Яны», а также союзные им ламутки ездят на Нерогу, полностью удостоверяет, что речь идет о тех самых Яне и Индигирке, которые и тогда, и с тех пор знали под этими именами русские, так как именно в верховьях этих Яны и Индигирки и жили онойды и ламутки (Долгих 1960: 388–391).

6. «Проводить» Нерогу из того же горного региона, где берут начало Яна и Индигирка (т.е. от линии юго-восточная часть Верхоянского хребта – хребет Сунтар-Хаята и Оймяконское нагорье) к Ледовитому океану невозможно: единственной рекой, которая удовлетворяла бы таким критериям, была бы сама Колыма, но подразумевать под Нерогой Колыму янские юкагиры не могли, да и описание земель при течении Нероги несовместимо с тем, что известно о Колыме и ее обитателях того времени.

7. Вероятно, приохотские пешие тунгусы. Поскольку об этих «наттах» говорится, что их язык похож на ламутский (эвенский), но не тождествен ему: «А язык де у них и свой, и с ламутками де сходитца», – остается заключить, что это тунгусы, но не ламуты-эвены, а эвенки (или в крайнем случае носители некоего идиома «промежуточного» облика – арманского диалекта эвенского языка или подобного).

8. В этой работе Н.Н. Степанов считает, что в сообщениях янских юкагиров о Нероге слились сведения об Амуре с названием «Нерога», которое он здесь (вслед Н.С. Орловой и др., (ОРМ: 552, прим. 1)) соотносит уже с Нерогой, притоком верхней Колымы. На деле она не подходит для соотнесения ни с Нерогой, ни с Нелогой уже потому, что не впадает в море.

9. Наказная память Дмитрию Зыряну (ДАИ II: 98) прямо предписывала «про ту реку Нерогу проведывать накрепко у всех иноземцов, всякими мерами, впрям и заводом, из ума вывода и жесточью спрашивать».

10. Поскольку текст показаний янских юкагиров не публиковался, могли возникать предположения, что разночтения Нелога / Нерога и нанки / натты связаны с тем, что одни из этих форм неточны и происходят из более поздних документов, а другие – точны и происходят из ранних (в последний раз в (Бурыкин 2013: 218)). На деле это не так. В расспросных речах янских аманатов (июль 1642 (РГАДА. Оп. 1. № 43. Л. 63–64)) река – Нерога, народ – натты; в наказной памяти Дмитрию Зыряну (август 1642 (ДАИ II: 98)) река – Нерога, народ – натты; в расспросных речах аманатов на Индигирке (1644 (ОРМ № 31 = РГАДА. Оп. 1. № 43. Л. 28–31)) река – Нелога, народ – то нанки, то натты.

11. Хотя в XIX – начале XX в. мужская татуировка лица практиковалась лишь у небольшой части чукчей, живших совместно с эскимосами в их селениях, и у отдельных групп оленных чукчей, живших рядом с такими селениями (Богораз 1991: 188 сл.; Богораз 1939: 50), еще в конце XVIII в., по сообщению К. Мерка, татуировали лица мужчины и оседлых, и оленных чукчей вообще (Этнографические материалы... 122).

12. Термин «натты» А.А. Бурыкин возводит к той же форме, но только потому, что видит в сообщении Порочи о Нелогe рассказ о той же реке, что и Нерога янских аманатов. Как мы видели, это разные реки, и «натты» Приохотья – тунгусы. Для соотнесения с этим названием скорее подошел бы тунгусский приамурский этноним «анатарки» (см. прим. 13), хотя, конечно, «натты» могли использовать как самоназвание форму от какого-либо корякского слова (например, *нымылг'у* «оседлые» или *ан'канымылг'о* «при-

морские» (Бурыкин 2013: 218), правда, от «натты» это все же очень далеко). Конечно, обсуждаемый этноним мог быть образован от самых разных и разноязычных основ, в том числе ближе неизвестных, и не попасть в другие наши источники.

13. Самым простым объяснением было бы то, что это легенда, распускаемая жителями «Нероги» или их соседями, или «испорченный телефон». Однако и настоящее самородное серебро иногда встречается в мелком раздроблении и изредка в россыпях, а в Магаданской области расположены крупные месторождения серебра; некоторые камни на берегах рек также могут производить внешнее впечатление серебра. Наконец, как известно из русского документа, некие «тунгусы ж свой род анатарки сидячие», жившие севернее нижнего Амура и южнее приохотских тунгусов бассейнов Ульи и Охоты, вели активную торговлю с даурами, а те располагали серебром (ОРМ № 33). От дауров через анатарков серебро могло попадать и в Приохотье. По совокупности всего этого северо-западные соседи Приохотья вполне могли бы сформировать представление, что серебро в изобилии есть в краю самих анатарков и смежных районах, в частности на приохотской Нероге. Вероятно, это представление попало через ламутов к онойди, от них – к нижеяньским яндырям и коромоям, а уж те сообщили соответствующие сведения русским в 1642 г. Не исключено, что этноним «тунгусов анатарков» можно соотнести с «наттами», учитывая приохотское размещение тех и других, известное созвучие самих названий и то, что натты тоже тунгусы (как следует из упоминания, что их язык похож на ламутский).

14. Ср. сообщение русского документа за 1640/41 г.: «Да у юкагирских же де, государь, людей серебро есть, а где де они серебро емлют, того он, Посничко, не ведает» (ОРМ № 19).

Литература

- Артёмьев А.Р. Роль якутского воеводства в освоении Приамурья и Забайкалья // Якутия – форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века) / отв. ред. В.Н. Иванов. Якутск: СО РАН, 2004. С. 44–58.
- Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнева. М.: Мысль, 1973.
- Богораз В.Г. Чукчи. Л.: Главсевморпуть, 1939. Ч. 2.
- Богораз В.Г. Чукчи. М.: Наука, 1991. Ч. 3.
- Бурыкин А.А. Нелога, Погыча, Ковыча – легендарные реки русских документов середины XVII в. и современная карта Чукотки // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 79–88.
- Бурыкин А.А. Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН, 1960.
- ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846–1875. Т. I–XII.
- Золотарев А.М. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века // Историк-марксист. 1938. № 2. С. 63–88.
- Огородников В.И. Из истории покорения Сибири: Покорение Юкагирской земли. Чита, 1922.
- ОРМ – Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: сб. докл. / сост. Н.С. Орлова; ред. А.В. Ефимов. М.: Географгиз, 1951.
- Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 1. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1177.
- РМЛТО – Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: сб. докл. / сост. М.И. Белов. Л., М.: Главсевморпуть, 1952.

Степанов Н.Н. Первые русские сведения об Амуре и гольдах // Советская этнография. 1950. № 1. С. 178–182.

Степанов Н.Н. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1959. Т. 188. С. 179–254.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785–1795. Магадан: Кн. изд-во, 1978.

Статья поступила в редакцию 27 июля 2019 г.

Nemirovskiy Aleksandr A.

NEROGA AND NELOGA: REVISITING THE GEOGRAPHICAL RIDDLE OF THE 17TH CENTURY YUKAGHIR ACCOUNTS

DOI: 10.17223/2312461X/25/6

Abstract. The 1642 accounts of the Yukaghir amanats from Yana regarding a silver mountain at the eastern river Neroga and the 1644 accounts of the Yukaghir amanats from Indigirka and Kolyma mentioning a silver mountain at the eastern river Neloga (the latter were provided in response to Russian inquiries based on the testimonies of 1642) have been repeatedly discussed in the literature. While the accounts of 1644 were published, those of the Yana amanats were not, being known only through certain quotations and brief retellings. In both sets of accounts, researchers sought to see information about the same object, be it real or fictional. However, Alexey A. Burykin has recently convincingly demonstrated that the reports of 1644 about Neloga refer to a river in Chukotka which flows into the sea northeast of Anyuy in the Chaun Bay. Meanwhile, the examination of the accounts of 1642 unequivocally indicates that their Neroga is a river that flows into the Okhotsk Sea (as it has already been suggested). We put forward the following explanation of this discrepancy: the amanats, who were interrogated in 1644, in fact knew nothing about Neroga described by the Yana amanats in 1642, and thus told about the Chukotka river which they knew under a somewhat similar name, thinking (or pretending) that this is the same river they were asked about. Both rivers should thus be recognised as real but different objects.

Keywords: Yukaghirs, Neloga, Neroga, onoidi, Yana, Indigirka, Chukotka

References

- Artem'ev A.R. Rol' iakutskogo voevodstva v osvoenii Priamur'ia i Zabaikal'ia [The role of the Yakut province in the development of the Amur region and Transbaikalia]. In: *Iakutiia - forpost osvoeniia Severo-Vostoka Sibiri, Dal'nego Vostoka i Russkoi Ameriki (XVII-XX veka)* [Yakutia, an outpost for the development of North-East Siberia, the Far East, and Russian America (17th to 20th centuries)]. Ed. by V.N. Ivanov. Yakutsk: SO RAN, 2004, pp. 44–58.
- Belov M.I. *Podvig Semena Dezhneva* [Semyon Dezhnev's feat]. Moscow: Mysl', 1973.
- Bogoraz V.G. *Chukchi. Ch. 2* [The Chukchi. Part 2]. Loscow: Glavsevmorput', 1939.
- Bogoraz V.G. *Chukchi. Ch. 3* [The Chukchi. Part 3]. Moscow: Nauka, 1991.
- Burykin A.A. Neloga, Pogycha, Kovycha – legendarnye reki russkikh dokumentov serediny XVII v. i sovremennaiia karta Chukotki [Neloga, Pohycha, and Kovycha are the legendary rivers in the mid-17th-century Russian documents and on the modern map of Chukotka], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1998, no. 6, pp. 79–88.
- Burykin A.A. *Imena sobstvennye kak istoricheskii istochnik. Po materialam russkikh dokumentov ob otkrytii i osvoenii Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii XVII–XIX vekov* [Proper names as a historical source. Russian documents on the discovery and development of Si-

- beria and the Far East of Russia, 17th to 19th centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013.
- Dolgiĭ B.O. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke [The tribal and clan composition of the peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow: AN, 1960.
- Zolotarev A.M. Novye dannye o tungusakh i lamutakh XVIII veka [New data on the Tungus and Lamut in the 18th century], *Istorik-marksist*, 1938, no. 2, pp. 63–88.
- Ogorodnikov V.I. *Iz istorii pokoreniia Sibiri: Pokorenie Iukagirskoi zemli* [From the history of the conquest of Siberia: The Conquest of the Yukaghir land]. Chita, 1922.
- Polevoj B.P. *Novoe ob otkrytii Kamchatki* [New aspects of the discovery of Kamchatka]. Part I. Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatskij pechatnyĭ dvor, 1997.
- Stepanov N.N. Pervye russkie svedeniia ob Amure i gol'dakh [The first Russian report on the Amur and the Golds], *Sovetskaja etnografija*, 1950, no. 1, pp. 178–182.
- Stepanov N.N. Russkie ekspeditsii na Ohotskom poberezh'e v XVII veke i ikh materialy o tungusskikh plemenakh [Russian expeditions to the Okhotsk coast in the 17th century and materials on the Tungus tribes]. In: *Uch. zap. LGPI im. A.I. Gercena*. T. 188. Leningrad, 1959, pp. 179–254.
- Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoi geograficheskoi ekspeditsii. 1785—1795* [Ethnographic materials of the Northeast geographical expedition. 1785-1795]. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo, 1978.

УДК 572

DOI: 10.17223/2312461X/25/7

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЛИКА АЙНОВ И ИХ ПОЛОЖЕНИЕ В ПАНОЙКУМЕННОЙ СИСТЕМЕ КРАНИОТИПОВ МОЗГОВОГО ЧЕРЕПА*

Елизавета Валентиновна Веселовская,
Ольга Михайловна Григорьева,
Александр Петрович Пестряков,
Анна Владимировна Рассказова

Аннотация. Несмотря на большой интерес со стороны ученых различных специальностей к айнской проблеме, до сих пор не решен вопрос о формировании их совершенно особенного физического облика, мозаично сочетающего в себе признаки всех трех больших рас человека. Никогда ранее в краниологических работах не было четко определено место айнов в картине антропологической изменчивости. В начале прошлого века профессор В.В. Бунак настаивал на необходимости создания краниологической классификации человечества, которая чрезвычайно востребована при изучении палеоантропологических материалов. Одним из авторов настоящей статьи ранее была разработана краниологическая классификация современного человечества, основанная на изучении изменчивости параметров величины и формы черепной коробки. Данная классификация отлична от общепринятых расовых подразделений, которые в основном опираются на изменчивость описательных признаков, фиксируемых только на живом населении. В настоящей статье представлены результаты изучения краниологических серий айнов по вышеозначенной краниологической программе. Проведенный анализ позволил однозначно определить положение краниотипа айнов среди краниогрупп современного населения. Айны отнесены нами к локальному типу макротропидов, сохранившему некоторые реликтовые черты физического облика за счет изоляции. К краниотипу макротропидов, кроме айнов, можно отнести и некоторые группы индейцев, полинезийцев и эскимосов. Важно отметить, что выделенные группы населяют периферийные территории Земли. Впервые были выполнены графические и скульптурные реконструкции по айнским черепам XIX в., представляющие внешний облик этого народа до процессов интенсивной метисации. Антропологическая реконструкция проведена по программе «Алгоритм внешности», что позволило наряду с визуальными изображениями получить и детальное антропологическое описание внешности и прижизненные размеры головы.

Ключевые слова: айны, краниология, панойкуменная краниологическая классификация, антропологическая реконструкция внешности

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, № проекта 17-29-04132_мфи.

Введение

Айны являются одним из самых загадочных и необычных народов Восточной Азии. Протояпонские племена, пришедшие на территорию Японских островов, вероятно с Корейского полуострова, среди прочего аборигенного населения встретили там племя эбису – предков современных айнов (Эйдус 1968: 3–4). «Японские хроники изобилуют сообщениями об ожесточенных войнах с эбису» (Таксами, Косарев 1990: 12). В течение длительного времени японские государственные образования постоянно оттесняли айнов на северо-восток Японии. Европейские исследователи застали их только на о. Хоккайдо (Япония) и на о. Сахалин (РФ). В населении современной Японии айны составляют около 0,002% (Очерки общей этнографии 1959: 174). На Сахалине большая часть айнов в настоящее время представляет собой потомков от смешения с местным населением: с нивхами и другими восточноазиатскими монголоидами. В связи с этим особенно важным представляется анализ ископаемого материала и восстановление облика по черепам представителей этого народа, еще не затронутого метисацией.

Среди окружающего населения они выделяются особым антропологическим обликом, своеобразным и весьма неожиданным для населения Восточной Азии. Это люди обычно невысокого роста, кожа у них светлая или смугловатая, лицо высокое и среднеширокое, довольно уплощенное. Лоб часто наклонный, нередко с развитым надбровьем. Волосы головы темные и жесткие. Глаза карие, но изредка встречаются смешанного цвета, эпикантус достигает значительного процента. Довольно широкий нос выступает несильно, чаще имеет прямую спинку, реже вогнутую. Слизистая часть губ средней или большой толщины. Кожистая часть верхней губы высокая, прохейличная. Все перечисленные особенности достаточно хорошо вписываются в характеристику большой монголоидной расы. Однако айны обладают и некоторыми чертами морфологии, не типичными для последних: волосы волнистые, что встречается лишь у представителей юго-восточного варианта монголоидов, которые имеют примесь экваториального ствола. Главная отличительная черта айнов – это сильнейшая третичная обволошенность тела и особенно лица. По этому признаку они едва ли не доминируют среди других народов мира. По антропологической классификации этот народ относят к малой **Курильской** (или айнской) расе смешанного происхождения, которая, видимо, возникла в результате сложного метисационного процесса, в основном между древними вариантами австралоидов, монголоидов и, возможно (но маловероятно), европеоидов.

В недалекой древности айны населяли значительную часть Японии – северо-восточную половину о. Хонсю и о. Хоккайдо, юг о. Сахалин,

Курильские острова и южную оконечность п-ова Камчатка. Это зарегистрировано во многих источниках. В более глубокой древности ареал их обитания мог смыкаться с ареалом классических австралоидов, также отличающихся сильной обволошенностью тела и волнистой формой волос головы (Пестряков 2007: 408).

Кроме японцев в Японии (на о. Хоккайдо) проживают остатки айнов, народности, заселявшей в древности значительную часть территории Японии. Антропологически, в том числе и краниологически, они сильно отличаются от современных японцев.

Большой вклад в изучение антропологии айнов внес доктор исторических наук А.Г. Козинцев (Козинцев 1974, 2017), отмечая, что проблема генезиса этого этноса очень сложна и далека от разрешения.

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу абсолютных величин и формы черепной коробки айнов и восстановлению их облика по черепам XIX в.

Антропологическая классификация современного населения построена на признаках расовой морфологии, в основном это описательные черты внешности (цвет кожи, волос и глаз, третичная обволошенность тела и т.д.). Понятно, что указанные признаки не фиксируются на костном материале. Отсюда вытекает необходимость создания собственно краниологической классификации.

Много десятилетий назад проф. В.В. Бунак, предлагая свое понимание основ краниологической классификации, писал: «...положить в основу классификации наиболее существенные и морфологически важные признаки ...Наиболее удовлетворяют этому требованию три основные оси черепа, определяемые величиной трех его диаметров: продольного, поперечного и высотного...». И далее: «Только учет абсолютных размеров всех трех основных диаметров черепа и их различных сочетаний позволяет нам разобраться в сложных генетических отношениях отдельных форм» (Бунак 1922).

Опираясь на эту основополагающую идею проф. В.В. Бунака, один из авторов настоящей статьи разработал рабочую схему краниологической классификации современного человечества (Пестряков 1995), краниологический аналог расовой дифференциации человечества. Эта классификация построена с использованием абсолютных величин основных диаметров черепной коробки, их взаимоотношений и четырех генерализованных параметров, впервые введенных в антропологическую практику (Пестряков, Григорьева 2004).

В процессе дальнейшей работы по построению краниологической классификации введение определенных коррективов принципиально не изменило ее. В настоящей статье айнские материалы **впервые** анализируются на фоне панойкуменной краниологической картины изменчивости современного человека. Одной из задач настоящего исследования

было определение положения айнских краниосерий среди основных современных краниотипов, а также среди соседних народов.

Другая задача состояла в восстановлении внешнего облика по ископаемым черепам айнов с целью получения ряда портретов, как графических, так и скульптурных, характеризующих внешность этого народа до интенсивных процессов метисации.

Материал и методы

В основу анализа типа мозговой коробки айнов положены краниометрические данные по шести мужским сериям, в основном с территорий о. Хоккайдо и о. Сахалин. Материалы одной из сборных серий любезно предоставлены С.В. Васильевым (Васильев и др. 2018). Данные по другим краниосериям айнов взяты из следующих источников: Хауэллс (Howells), Коганеи (Koganei 1893), Сасакибара и Хирати, взятые из книги Н.Н. Чебоксарова (Чебоксаров 1982) и Г.Ф. Дебеца (Дебеч 1951).

Для восстановления внешнего облика древних айнов послужили 6 черепов. По двум мужским и двум женским из коллекции Музея человека в Париже (Васильев и др. 2018) были выполнены графические реконструкции на основе профильных фотографий (сделанных Н.В. Харламовой с соблюдением всех норм антропологической съемки), которые приводили к реальным размерам. Далее выполняли контурные реконструкции, на которых можно видеть построение профиля мягких тканей на контуре черепа. На основе контурных реконструкций изготавливали графические портреты с наложением теней и прорисовкой атрибутики: одежды, прически, украшений. Первые варианты графических реконструкций были опубликованы (Васильев и др. 2018). В дальнейшем портреты подвергли компьютерной обработке в программе Photoshop 8.0 и в таком виде они публикуются впервые. По двум черепам из материалов О.Н. Шубиной из Южно-Сахалинского музея были выполнены скульптурные реконструкции.

Учитывая высокую ценность краниологических объектов, а также необходимость проведения реставрации разрушенных элементов черепа и исправления посмертной деформации лицевого скелета, пластическая реконструкция производилась на твердотельных копиях, изготовленных путем сегментации черепа на основе компьютерных томограмм. Черепа были напечатаны по технологии ABS пластика с высокой точностью передачи морфологической и геометрической структуры, что было проверено путем сопоставления размеров черепов и полученных копий.

Мужской череп происходит из могильника Уж-5 с территории южной части Сахалина, а женский череп был найден на о. Шумша Курильской гряды.

В ходе спасательных археологических работ, проведенных в 2016 г. археологическим отрядом ГБУК «Сахалинский областной краеведческий музей» под руководством канд. ист. наук О.А. Шубиной, на территории объекта археологического наследия «Стоянка Река Уж 5» в Долинском районе Сахалинской области на о. Сахалин было обнаружено скопление человеческих костей. Мужской череп, по которому выполнена скульптурная реконструкция, происходит из этого могильника, раскоп 1, череп № 3.

Женский череп (инвентарный № КП-5717/32) происходит с острова Шумшу. Он был найден в 1989 г. в результате подъемных сборов научного сотрудника лаборатории пушных промысловых животных ИМГиГ (Институт морской геологии и геофизики) ДВО АН СССР А.М. Басарукина. По археологическим данным оба черепа принадлежат айнам.

По классической краниологической программе айны были исследованы неоднократно, мы же решили применить к этим краниологическим материалам ранее не использовавшуюся методику изучения ростовых процессов мозговой коробки, автор которой разработал классификацию человечества по черепам (Пестряков 1995). Базовая краниологическая классификация современного населения земли основывается на изучении изменчивости нескольких основных метрических параметров черепа. А именно использовали величины трех стандартных признаков – основных взаимноперпендикулярных диаметров черепной коробки: признаки № 1 (наибольший продольный диаметр), № 8 (наибольший поперечный диаметр) и № 17 (высотный диаметр) краниологического бланка Мартина (Martin 1928), а также рассчитанные на их основе показатели: черепной указатель (8:1) и высотнопоперечный указатель (17:8). Здесь и далее названные размеры будут представлены их номерами по краниологическому бланку Мартина. Кроме этого, нами рассматривались в сравнительном отношении четыре новых параметра: общая ростовая величина (ОРВ), указатели долихоидности (УД), брахиоидности (УБ) и гипсиоидности (УГ). Величину первого из названных признаков рассчитывают векторным сложением величин взаимноперпендикулярных диаметров черепной коробки: $ОРВ = (1^2 + 8^2 + 17^2)^{1/2}$. Указатели формы черепной коробки вычисляют как средние геометрические отношения одного из ее диаметров к двум остальным в сотых долях. Например, $УД = 100 * (1/8 * 1/17)^{1/2}$.

При выполнении реконструкций использовали программу «Алгоритм внешности», которая суммирует разработки в области антропологической реконструкции внешности (Балуева, Веселовская 2004; Веселовская, Балуева 2012; Веселовская 2018). Эта программа позволяет еще до процесса рисования и лепки получить многие прижизненные размеры и характеристики внешности на основе черепных размеров и структур. Часть прижизненных размеров получают за счет прибавления

толщины мягких тканей к черепному размеру, а часть рассчитывают по уравнениям регрессии, где независимым предиктором служит соответствующий размер черепа. В процессе разработки программы отбирали пары признаков (например, ширина рта и ширина зубной дуги; высота глазной щели и высота орбиты), обнаруживающие устойчивые корреляции у представителей различных популяций. «Алгоритм внешности» включает в себя и программу воспроизведения качественных характеристик головы на основе соответствующих характеристик черепа, например, развитие надбровья, выступание подбородка, форма лица, выступание скул. Программа позволяет осуществить качественную характеристику внешности в терминах криминалистического словесного портрета, для чего были разработаны индексы, описывающие лицевые пропорции и предложены градации трех категорий для каждого индекса: малый, средний, большой.

Результаты

В табл. 1 представлены краниологические характеристики размеров и формы черепной коробки в шести айнских сериях XVIII–XIX вв.

Т а б л и ц а 1

Характеристика краниосерий современных айнов

Территория, автор	N	1	8	17	ОРВ	8/1	17/8	УД	УБ	УГ
Сборная серия, Хауэллс	47	187,1	141	136,7	275,2	74,7	96	133,3	87,3	83,4
Хоккайдо, Коганеи	87	185,9	141,3	139,5	272,0	76,0	98,9	132,4	87,7	86,1
Хоккайдо, Сакакбара	37	188,4	141,2	139,5	273,7	75	99,1	134,2	87,1	85,5
Сахалин, Хирати	21	185,8	139,7	136,1	269,4	75,1	97,6	134,7	87,9	84,5
Сахалин, Дебец	41	187,6	141	136,2	271,3	75,2	96,5	135,4	88,2	83,7
Сборная серия, Васильев	6	189,9	141,0	139,8	274,9	74,3	99,0	135,3	87,6	84,9
Число серий		6	6	6	6	6	6	6	6	6
Средняя межгрупповая величина		187,93	141,20	138,27	272,72	75,14	97,92	134,51	87,60	84,88
Межгрупповая величина стандартного отклонения		1,85	1,06	1,70	2,23	0,57	1,10	1,10	0,65	0,93

Из анализа табл. 1 видна малая межгрупповая вариабельность изучаемых признаков между сериями айнов, что свидетельствует о близости их краниологических характеристик. Каково же место айнских групп в краниологической картине современного населения Земли?

Согласно нашей краниологической классификации из всего массива данных по современному населению с учетом географического поло-

жения каждой краниосерии и ее характеристик по изучаемым нами признакам удалось выделить три основных панойкуменных (глобальных) краниотипа, каждый из которых имеет конкретный ареал первичного распространения и по положенным в основу классификации параметрам существенно отличается от двух других: **тропиды**, **голарктиды**, **пацифиды** (Пестряков, Григорьева 2004). Названия им даны по географическим зонам их традиционного (до эпохи Великих географических открытий) распространения.

Приведем описание ареального распространения выделенных панойкуменных краниотипов у современного населения. Тропиды как краниотип, видимо, формировались по всей тропической зоне Старого Света, где они в основном расселены и в настоящее время. Голарктиды исконно населяют циркумполярные и умеренные зоны Старого Света от Западной Европы до Восточной Сибири. Пацифиды, вероятно, сформировались в Восточной Азии и расселились по обоим берегам Тихого океана: в Азии и в обеих Америках. Настоящая краниологическая классификация не является идентичной расовой, так как она построена на метрических признаках черепной коробки в отличие от расовой, в основу которой положены описательные признаки внешности живого человека (Рогинский, Левин 1978: 374–375). Однако между этими классификациями существует определенное сопряжение. Так, к краниотипу тропидов принадлежит основная масса представителей большой экваториальной расы (а именно австралоидная, негрская, веддоидная, меланезийская малые расы, т.е. все ее подразделения, кроме бушменской). Краниотип голарктидов включает в себя всех представителей европеоидной расы, континентальных монголоидов (североазиатская малая расы) и расы смешанного европеоидно-монголоидного происхождения (южносибирская и уральская). Пацифиды представлены расами тихоокеанских монголоидов (дальневосточная, южно-азиатская и американская ветви). Курильская (айнская) и полинезийская малые расы по классификации Рогинского, Левина занимают особое положение между монголоидной и экваториальной большими расами.

Тропиды обладают минимальной общей величиной черепной коробки ($OPB = 262,6$ против $266,7$ и $265,7$ у других панойкуменных краниотипов), при этом имея наибольшую абсолютную и относительную величины продольного диаметра при наименьшей абсолютной и относительной ширине. По абсолютной и относительной высоте черепной коробки они занимают промежуточное положение между двумя другими панойкуменными краниотипами. Однако именно у них отношение высотного диаметра к поперечному ($17:8$) имеет максимальную величину. Во всяком случае, можно утверждать, что у тропидов, как правило, преобладающим является рост черепной коробки в длину (по продольному диаметру) и в высоту (по высотному диаметру). Тенденция роста черепа в

ширину проявляется мало. Видимо поэтому, судя по приведенным сводным краниологическим материалам, эпохальная тенденция брахицефализации, зафиксированная на большей части территории Евразии, у тропидов практически незаметна. Среди нашей 61 краниосерии тропидов на среднегрупповом уровне брахикrania не фиксируется ни разу, а мезокrania – лишь восемь раз (в 13,1% случаев).

Голарктиды, во многих отношениях, будучи антиподами тропидов, характеризуются максимальной величиной черепной коробки ($ОРВ = 266,7$), имеющей наибольшее развитие в ширину и наиболее низкую форму. У голарктидов доминирует рост черепной коробки в длину и особенно в ширину при сравнительно малой величине высотного диаметра. В тех сериях голарктидов (и в тех единичных черепах), где фиксируется заметное увеличение абсолютной и относительной величины высотного диаметра, по нашему мнению, действует смещение с иными панойкуменными краниотипами (чаще всего с тропидами).

Среди 155 изученных серий голарктидов 7 оказались (на среднегрупповом уровне) долихокranными (4,5%), 52 – мезокranными (33,6%) и 61 – брахикranными (61,9%), т.е. доминирует брахикrania.

Пацифиды сочетают некоторые черты тропидов и голарктидов. При этом они не могут рассматриваться как промежуточная форма между тропидами и голарктидами (в противном случае не имеет смысла выделять их как самостоятельный краниотип), поскольку обладают присущей только им комбинацией некоторых важных морфологических черт. Черепная коробка у пацифидов по общей величине ($ОРВ = 265,7$) и по абсолютной и относительной длине практически такая же, как у голарктидов, но при этом всегда абсолютно и относительно высокая и довольно широкая. Из 137 серий пацифидов 18 оказались долихокranными (13,2%), 81 – мезокranными (59,1%), 38 – брахикranными (27,7%), т.е. доминирует мезокrania. У пацифидов (во всяком случае, в классическом их варианте) черепная коробка, как правило, по форме наиболее округлая среди панойкуменных краниотипов.

Кроме панойкуменных краниотипов нами выделялись также локальные краниотипы: капоиды и тропические пацифиды.

В табл. 2 и на дендрограмме (рис. 1) представлено таксономическое положение современных айнов на фоне вышеназванных панойкуменных и локальных краниотипов.

Из анализа табл. 2 видно, что айны отличаются от других краниотипов в первую очередь огромной величиной черепной коробки (параметр $ОРВ$). Подобные величины и близкие к ним среди современного населения фиксируются еще только в некоторых группах полинезийцев (Пестряков, Григорьева 2010) и в некоторых сериях индейцев крайнего юга Южной Америки, т.е. на восточной периферии древнего распространения популяций человека (Пестряков, Григорьева 2009).

Таблица 2

Краткая характеристика айнов в сравнении с другими краниотипами

Краниотип	1	8	17	ОРВ	8/1	17/8	УД	УБ	УГ
Тропиды	183,0	132,6	133,8	262,6	72,5	101,0	137,5	84,8	85,9
Голарктиды	180,2	145,0	132,8	266,7	80,5	91,7	129,9	93,8	82,2
Пацифиды	179,5	140,3	136,7	265,7	78,3	97,4	129,7	89,7	86,1
Капоиды	182,2	134,3	127,0	259,6	73,8	94,5	139,5	88,4	81,2
Тропические пацифиды	169,1	137,6	131,2	254,5	81,4	95,3	125,9	92,4	86,0
Айны	187,93	141,20	138,27	272,72	75,14	97,92	134,51	87,60	84,88

Далее мы рассматриваем положение айнов отдельно по параметрам абсолютной величины черепной коробки, с одной стороны, и по параметрам, характеризующим ее форму – с другой.

На приведенных ниже дендрограммах (рис. 1 и 2) показано расположение краниотипа айнов на фоне обобщенных краниотипов современного человечества.

Из дендрограмм видно, что по абсолютным размерам черепной коробки айны примыкают к наиболее крупноголовым панойкуменным краниотипам (голарктидам и пацифидам), превосходя их по величине продольного и высотного диаметров и по общей величине черепной коробки. Однако по большинству показателей формы черепной коробки они ближе к краниотипам тропидов и капоидов. Характерно, что вышеназванные краниотипы как раз отличаются малыми абсолютными величинами черепной коробки.

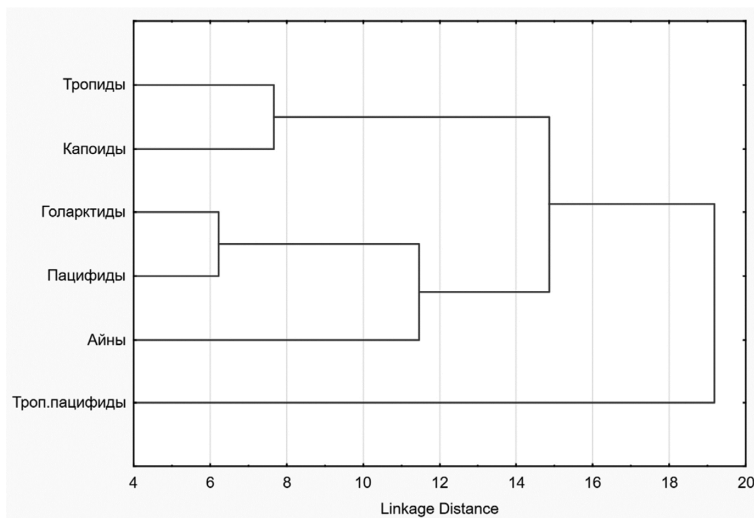

Рис. 1. Таксономические расстояния между различными краниотипами по параметрам абсолютной величины (1,8,17, ОРВ).

Цифрами обозначены размеры основных диаметров черепной коробки по системе Мартина (Martin 1928); ОРВ – общая ростовая величина черепной коробки

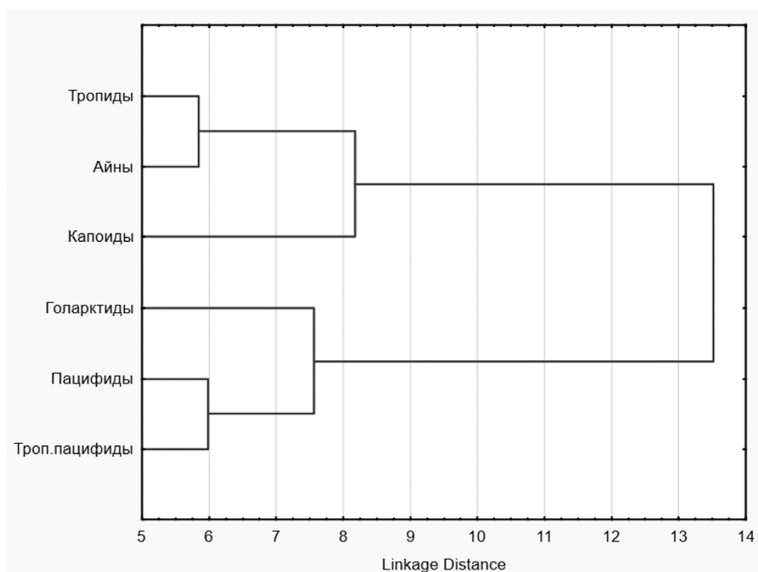

Рис. 2. Таксономические расстояния между краниотипами по параметрам формы черепной коробки (8/1, 17/8, УД, УБ, УГ). 8/1 – черепной указатель, 17/8 – высотно-поперечный указатель; УД, УБ, УГ – указатели долихоидности, брахиоидности, гипсиоидности соответственно

С нашей точки зрения, большая величина черепной коробки у айнов является следствием гетерозиса, который, видимо, имел место при смешении древних популяций тропидов с пацифидами (в большей мере), а возможно и с голарктидами (в меньшей мере). Эти черты сохранились в тех краниосериях, которые представляют популяции, находившиеся в изоляции. К подобным популяциям, кроме айнов, близки краниосерии индейцев юга Южной Америки (территория Аргентины вместе с Огненной Землей) и некоторые полинезийцы. В нашей краниологической классификации современного населения подобные группы объединены в локальный краниотип макротропидов (Пестряков, Григорьева 2009, 2010).

Далее рассмотрим характеристики краниотипа айнов на широком сравнительном поле населения Восточной Азии и Америки (табл. 3). В табл. 3 приведены обобщенные данные по 6 айнским сериям и усредненные данные по этническим группам, привлеченным для сравнения. Краниоматериалы по корейцам взяты из работ Шима (Shima 1934) и Уэда (см. Чебоксаров 1982: прилож., табл. 5). Материалы по сериям китайцев и гаошань взяты из таблиц (2, 3, 4, 35, 37) приложения к книге Н.Н. Чебоксарова (Чебоксаров 1982); по сериям эскимосов Азии – из монографии Дебеца (Дебец 1951: 216–221), по эскимосам Америки – из работы Хрдлички (Hrdlicka 1942); по океанидам –

из статьи В.П. Алексеева (Alexeev 1973); по сериям Восточной Сибири – из книги В.П. Алексеева и И.И. Гохмана (Алексеев, Гохман 1984: 127–130, 132–133).

Таблица 3

Краниология айнов на фоне современных краниотипов пацифидов

Краниотип	N	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Айны	6	187,9	141,2	138,3	272,7	75,1	97,9	134,5	87,6	84,9
Японцы	12	181,3	139,6	138,4	267,2	77,0	98,8	130,8	88,3	86,7
Китайцы	19	178,5	139,8	137,3	265,1	78,3	98,2	128,8	89,3	86,9
Корейцы	2	175,9	142,5	139,2	265,7	81,1	97,2	124,9	91,1	87,9
Гаошань	7	178,1	137,7	136,6	263,4	77,3	99,2	129,9	88,3	87,2
Эскимосы Азии		182,7	141,8	136,1	268,3	77,8	96,0	131,5	89,9	84,6
Эскимосы Америки	17	185,9	139,1	137,2	269,9	74,9	98,9	134,5	87,0	85,5
Океаниды		184,9	139,6	140,4	271,0	75,5	100,7	132,2	86,6	87,5
Восточная Сибирь		181,2	145,8	131,1	267,0	80,5	89,9	131,1	94,7	80,7

На рис. 3 представлена дендрограмма таксономических расстояний между сравниваемыми краниологическими объединениями, рассчитанная с учетом абсолютных размеров и показателей формы черепа.

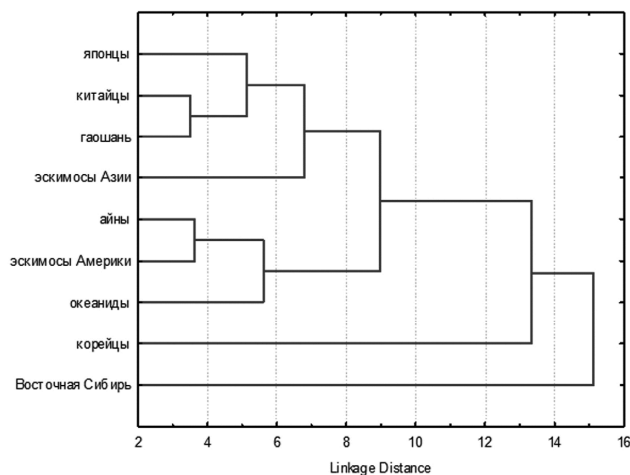

Рис. 3. Таксономическое положение краниосерий современных айнов на фоне краниосерий Восточной Азии и Америки

Согласно дендрограмме, айны оказываются наиболее близки к эскимосам Америки и океанидам (полинезийцам и микронезийцам). Эти серии были объединены нами в краниотип *макротропидов* (Пестряков, Григорьева 2011), для которых характерно гетерозисное усиление ро-

стовых процессов, приведшее, в частности, к максимальным для всего современного человечества размерам черепной коробки.

Краниологическое сходство этих этносов не вызывает особого изумления. Они представляют собой архаичный пласт населения приморской части Западной Пацифики, где происходило интенсивное смешение краниотипов тропической и внутротропической ее частей. Согласно айским легендам на севере с ними соседствовали *коробоккуру*, обликом и образом жизни напоминающие современных эскимосов (Конрад 2010: 177–179).

Несмотря на территориальную близость, тихоокеанские монголоиды (китайцы, японцы, гаошань, эскимосы Азии) заметно отличаются от айнов, образуя отдельный кластер классических пацифидов. Особое положение корейцев на дендрограмме, возможно, объясняется малым числом их серий (две). Во всяком случае, они заметно отличаются от айнов.

Наиболее удаленной от всех сравниваемых групп оказалась суммарная краниосерия населения Восточной Сибири, которое относится к панойкуменному типу голарктидов.

Антропологическая реконструкция внешности

Перейдем к описанию процедуры восстановления внешнего облика. Чтобы получить прижизненные характеристики, сначала проводят подробное измерение и описание черепов по специальной программе антропологической реконструкции, отмечают индивидуальные особенности и особые приметы, обращают внимание на симметрию билатеральных структур, патологические показатели, прижизненные травмы.

Затем на основе измерений и описаний черепа с применением программы «Алгоритм внешности», представляющей последовательный ряд шагов, рассчитывают прижизненные размеры и получают прижизненные описательные характеристики. Восстановление внешнего облика можно проводить в виде графического или плоскостного рисунка. В этом случае основой служит профильный обвод черепа, выполненный на специальном приборе, диоптрографе, который не дает искажений размеров при переходе от объемного черепа к его контуру. Далее на контуре черепа строят контур мягких тканей головы, используя стандарты толщины, полученные методом ультразвукового зондирования (Веселовская 1997). Профиль спинки носа строят в соответствии с методикой Г.В. Лебединской на основе контура грушевидного отверстия (Лебединская 1989). Следующий этап, уже собственно графическую реконструкцию, строят на отдельном листе, куда переносят лишь контуры мягкого покрова и отмечают пунктиром необходимые для проработки теней костные структуры. На этой стадии штриховкой показывают объемные дета-

ли лица, проводят прорисовку волос, растительности на лице, украшений, деталей одежды. Такие реконструкции можно видеть на рис. 3–10. Контурные реконструкции приведены для демонстрации процедуры построения контура головы.

При выполнении скульптурной реконструкции также начинают с профильного обвода черепа и построения прижизненного контура головы. А затем на череп или (как в нашем случае) на его копию накладывают полосы пластилина различной толщины в соответствии со стандартами распределения мягкого покрова по костной основе. В Лаборатории существуют разработанные методики построения губ, носа, ушей, которые и применяют при выполнении портрета. Размеры элементов внешности получают из расчетов, основанных на соответствующих размерах черепа.

В табл. 4 на примере одного женского и одного мужского черепов, послуживших для скульптурных реконструкций, приведены рассчитанные прижизненные размеры головы, которые получают за счет прибавления толщины мягких тканей на соответствующих участках черепа. Женский череп был представлен без нижней челюсти, поэтому в таблице отсутствуют соответствующие параметры. В данном случае мы использовали стандарты толщины покровов для монголоидных групп (Веселовская 1997).

Таблица 4

Прижизненные размеры головы, рассчитанные по мужскому (могильник Уж-5, раскоп 1, череп № 3) и женскому (могильник Шум шу) черепам путем прибавления толщины мягких тканей

Наименование размера	Мужчина		Женщина	
	Размер черепа, мм	Размер головы, мм	Размер черепа, мм	Размер головы, мм
Продольный диаметр	195	209	175	188
Поперечный диаметр	147	160	140	152
Головной указатель	75,4	76,5	80	81
Скуловой диаметр	137 (?)	147	129	139
Морфологическая высота лица	139	146	128	134
Верхняя ширина лица	109	119	107	117
Наибольшая ширина лба	126	138	108	118
Наименьшая ширина лба	103	113	96	106
Высота нижней части лица	72	79	63	69
Ширина переносья	10 (?)	26	5	11
Ширина спинки носа	19 (?)	25	14	20
Угловая ширина нижней челюсти	106 (?)	116		
Высота нижней челюсти	41	48		
Высота подбородка	21	28		

В табл. 5 приведены уравнения регрессии для получения прижизненных размеров элементов внешнего облика. Эти уравнения опирают-

ся на результаты корреляционного анализа, проведенного ранее для европеоидных и монголоидных групп (Веселовская, 2015).

Таблица 5

Прижизненные размеры головы, рассчитанные по мужскому (могильник Уж-5, раскоп 1, череп № 3) и женскому (могильник Шум шу) черепам с применением регрессионного анализа

Прижизненный размер	Признак на черепе	Уравнение регрессии. Мужчины	Уравнение регрессии. Женщины
Физиономическая высота лица (ФВЛ)	Морфологическая высота лица (МВЛ)	$ФВЛ = 87,2 + 0,792 \times (МВЛ - 7\text{мм})$	$ФВЛ = 86,4 + 0,746 \times (МВЛ - 6\text{мм}^*)$
		ФВЛ = 203 мм	ФВЛ = 186 мм
Высота уха (ВУ)	Морфологическая высота лица (МВЛ)	$ВУ = 55,5 + 0,073 \times (МВЛ - 7\text{мм}^*)$	$ВУ = 45,6 + 0,011 \times (МВЛ - 6\text{мм}^*)$
		ВУ = 64 мм	ВУ = 60 мм
Ширина носа (ШН)	Ширина между клыковыми точками (ШМК)	$ШН = 22,2 + 0,388 \times (ШМК)$	$ШН = 17,4 + 0,424 \times (ШМК)$
		ШН = 36,5 мм	ШН = 30,1 мм
Ширина между носогубными складками (ШМНГС)	Ширина между клыковыми точками (ШМК)	$ШМНГС = 25,4 + 0,683 \times (ШМК)$	$ШМНГС = 19,6 + 0,805 \times (ШМК)$
		ШМН-ГС = 57 мм	ШМН-ГС = 50 мм
Ширина фильтра (ШФ)	Ширина между клыковыми точками (ШМК)	$ШФ = 7,3 + 0,118 \times (ШМК)$	$ШФ = 2,8 + 0,202 \times (ШМК)$
		ШФ = 11,5 мм	ШФ = 8,8 мм
Ширина рта (ШР)	Ширина зубной дуги по $Pm^2 - Pm^2$	$ШР = 32,5 + 0,369 \times (Pm^2 - Pm^2)$	$ШР = 27,9 + 0,512 \times (Pm^2 - Pm^2)$
		ШР = 57 мм	ШР = 52,5 мм

Из анализа табл. 4 и 5 видно, что мужчина имеет очень крупные размеры мозговой части головы, а также лица. Большинство прижизненных размеров попадают в категорию больших. Для женщины мы не наблюдаем такого феномена, размерные характеристики ее головы скорее можно охарактеризовать как небольшие и средние. Возможно, она несет в себе черты смешения с нивхами, которые ранее проживали на острове Шум-Шу.

Применение программы «словесный портрет» позволяет описать особенности внешнего облика и охарактеризовать основные лицевые пропорции.

Словесный портрет по черепу мужчины из могильника Уж-5

Голова мужчины отличается очень большими размерами, особенно мозговая часть. Форма головы в лобно-затылочном направлении достаточно длинная, по головному указателю отмечается мезокефалия на грани с долихокефалией. Форма головы в профиль округлая. Форма

лица анфас прямоугольная, скулы не выступают резко в стороны, лицо по ширине скорее узкое и высокое, значительно уплощено в средней части. Уши по высоте средние, неширокие.

Лоб низкий, средней ширины, практически полностью лишен надбровного и глабеллярного рельефа. Направление лба достаточно вертикальное. Контур бровей прямой. Положение разреза глаз горизонтальное. Глазные яблоки выступают в средней степени. Размер глаз небольшой, складка верхнего века развита значительно во всей длине. Нос средней ширины, невысокий, выступает незначительно. Переносье и спинка носа средней ширины. В профиль спинка носа прямая. Крылья носа высокие, симметричные. Верхняя губа высокая. Ширина ротовой щели средняя. Подбородок невысокий, по ширине средний, контур подбородка округлый. Нижняя челюсть средних размеров.

Словесный портрет женщины из могильника Шум-Шу

На основе анализа размерных характеристик и описательных признаков был составлен прижизненный словесный портрет женщины.

Голова на реконструированном портрете округлой формы, характеризуется мезо-брахикефалией (головной указатель 81). Мозговой отдел средних размеров, лицо высокое, широкое, слегка уплощенное. Лоб неширокий, прямой, спинка носа прямой формы. Нос узкий, выступает слабо. Наблюдается значительный прогнатизм верхней и нижней челюстей. В целом можно говорить о монголоидном облике с примесью юго-восточного антропологического комплекса. Возраст женщины оценивается в 30 лет.

На представленных контурных и графических реконструкциях айнов можно отметить ту же тенденцию: мужчины характеризуются крупными абсолютными размерами головы и лица, а женщины не выделяются из средних значений (рис. 4–11). Особенности внешности такие же, как на описанных скульптурных портретах. Своеобразное сочетание высокого и среднего по ширине лица обеспечивает неповторимость облика айнов.

На рис. 12 и 13 можно видеть как выглядели айны до интенсивных процессов метисации, особенно это касается мужчины. На его скульптурном портрете отчетливо прослеживаются черты неповторимого облика айнов: очень крупные размеры лица и головы в целом, значительная уплощенность в верхнем отделе лица и средняя в области скул; общее выступание скул небольшое, заметный прогнатизм и др.

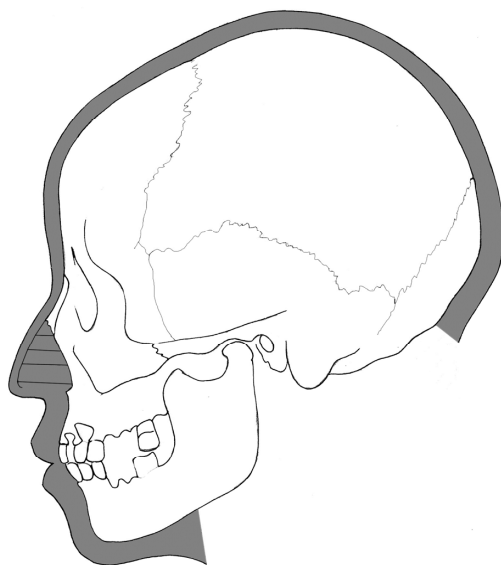

Рис. 4. Контурная реконструкция по черепу женщины с о. Хоккайдо

Рис. 5. Графическая реконструкция по черепу женщины с о. Хоккайдо

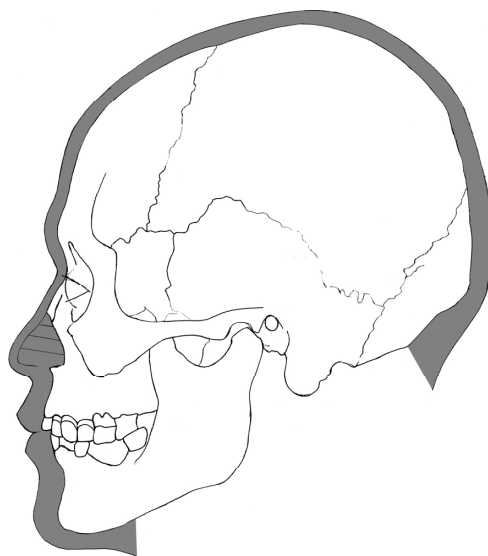

Рис. 6. Контурная реконструкция по черепу мужчины с о. Хоккайдо

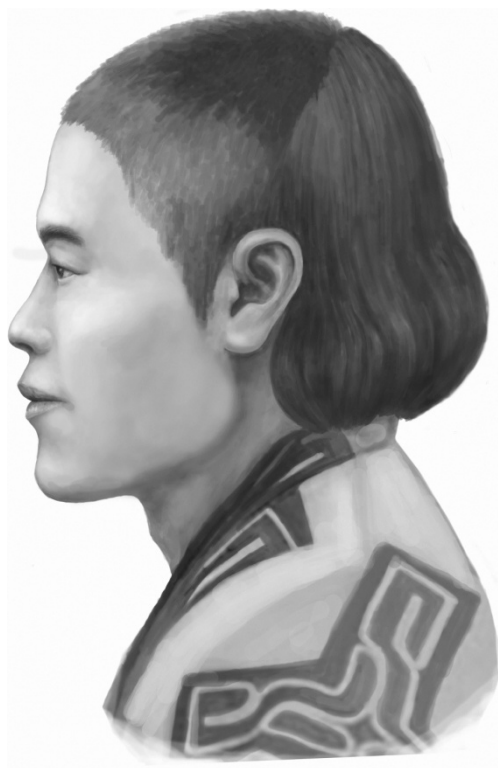

Рис. 7. Графическая реконструкция по черепу мужчины с о. Хоккайдо

Рис. 8. Контурная реконструкция по черепу женщины с о. Сахалин

Рис. 9. Графическая реконструкция по черепу женщины с о. Сахалин

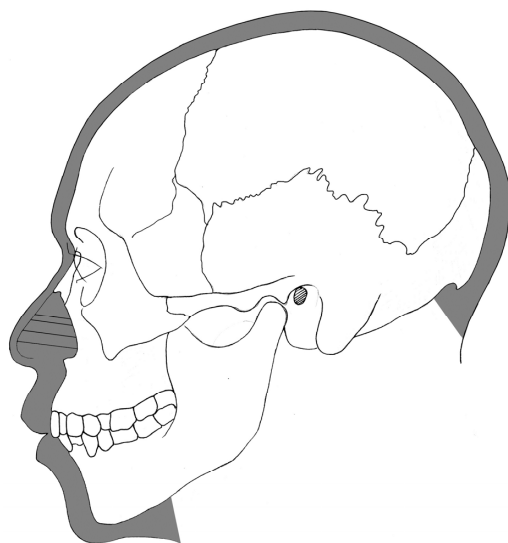

Рис. 10. Контурная реконструкция по черепу мужчины с о. Сахалин

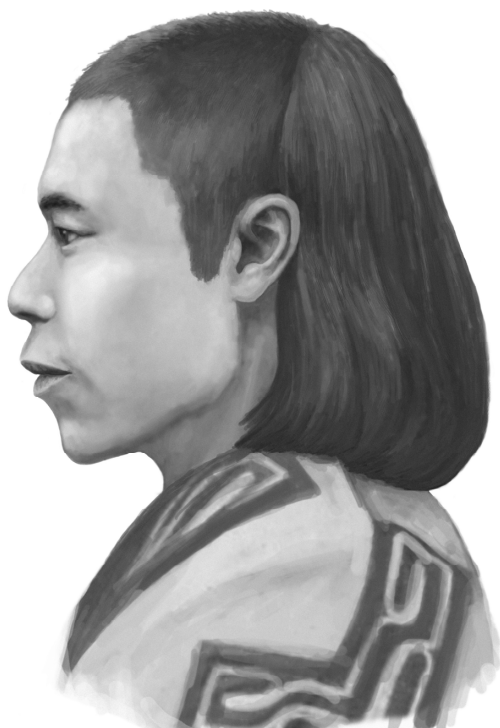

Рис. 11. Графическая реконструкция по черепу мужчины с о. Сахалин

Рис. 12. Скульптурная реконструкция по черепу женщины с о. Шум шу (Курильская гряда). Автор: О.М. Григорьева

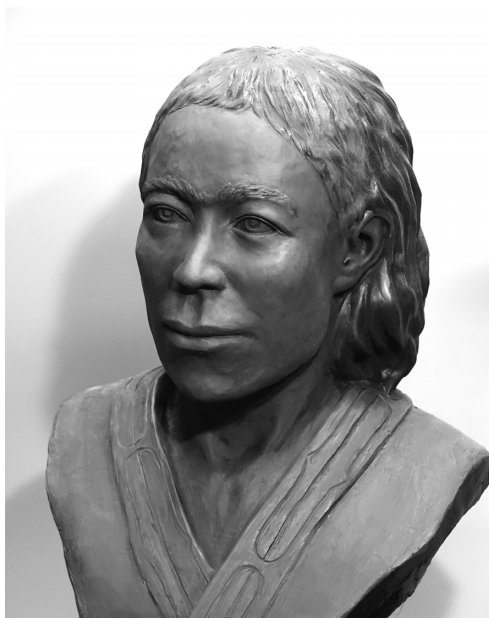

Рис. 13. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из мог. Уж-5 (о. Сахалин). Авторы: Е.В. Веселовская, А.В. Рассказова

Заключение

Благодаря предпринятому исследованию было определено место айнов в системе краниотипов современного населения Земли. Вместе с некоторыми сериями индейцев Южной Америки, полинезийцев и микронезийцев (океанидов) они отличаются максимальной по мировому масштабу абсолютной величиной черепной коробки и принадлежат к локальному краниотипу **макротропидов**. По нашему мнению, их краниологические особенности являются следствием гетерозиса за счет метисации древних неизвестных нам краниотипов между собой. Эти особенности могли сохраниться благодаря периодам изоляции в истории формирования этого народа.

Проведенное сравнительное исследование краниотипа айнов на фоне населения Восточной Азии (от Сибири до Южного Китая) показало его существенное отличие от окружающего современного населения (японцев, корейцев, китайцев, гаошань, эскимосов Азии), а особенно от коренного населения Сибири.

Своеобразное сочетание черт, характерное для айнского этноса, отмечали ученые разного профиля. Это своеобразие проявляется и в специфике внешнего облика, и в классической краниологической характеристике, и по дискретно-варьирующим признакам, и по одонтологии и дерматоглифике. По большинству признаков разных систем (одонтология, дерматоглифика, краниология, морфология) айнские группы тяготеют к монголоидам, хотя есть и специфические черты, не вписывающиеся в восточный монголоидный комплекс, такие как повышенная обволошенность лица и тела или некоторые краниологические особенности (очень большие продольный и высотный диаметры черепа, низкие орбиты и др.). Особенно крупные размеры черепной коробки айнов, возможно, представляют собой следствие гетерозисных процессов, которые в свою очередь свидетельствуют о смешении панойкуменных краниотипов. С другой стороны, крупными размерами черепа отличались кроманьонцы, да и все ранние представители человека современного вида. Многие исследователи отмечали особенности антропологического типа айнов (Козинцев 2017; Хить 2017). Представляется, что их долгое относительно изолированное существование позволило сохранить реликтовый облик, характерный для ранних этапов становления современных рас. В свете последних данных генетики получается, что айны сохранили черты древнего ствола до его окончательного разделения на европеоидов и монголоидов (Rasmussen M., Guo X., Wang Y. et al 2011). Возможно, в древности они смешивались и с протоавстралоидными группами.

Литература

- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.
- Балуева Т.С., Веселовская Е.В.* Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1. С. 143–150.
- Бунак В.В.* Основные морфологические черты черепа человека и их эволюция // Русский антропологический журнал. 1922. Т. 12, кн. 1–2. С. 6–57.
- Васильев С.В., Веселовская Е.В., Боруцкая С.Б., Григорьева О.М.* Антропологическая характеристика айнов с островов Сахалин и Хоккайдо // Universum Humanitarium. 2018. № 1. С. 82–100.
- Веселовская Е.В.* Единство закономерностей внутригрупповой изменчивости и межгрупповая дифференциация признаков толщины мягких тканей лица у современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. М., 1997. Ч. 1. С. 312–335.
- Веселовская Е.В.* Краниофациальные пропорции в антропологической реконструкции // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 83–98.
- Веселовская Е.В.* «Алгоритм внешности» – комплексная программа антропологической реконструкции // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. 2018. № 2. С. 38–54.
- Веселовская Е.В., Балуева Т.С.* Новые разработки в антропологической реконструкции // Вестник антропологии. 2012. Вып. 22. С. 22–42.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования Камчатской области // Труды Института этнографии. Новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. XVII.
- Козинцев А.Г.* Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 229–242.
- Козинцев А.Г.* Происхождение айнов в свете данных современной антропологии // Айнская проблема (вопросы этногенеза и этнической истории айнов). Санкт-Петербург; Владивосток: Рубеж, 2017. С. 49–110.
- Конрад Н.И.* Япония. Народ и государство. Исторический очерк // История Японии. М., 2010. С. 166–348.
- Лебединская Г.В.* Реконструкция лица по черепу: метод. руководство. М.: Старый сад, 1989.
- Очерки общей этнографии. Т. Зарубежная Азия. М.: Изд-во Академии наук, 1959.
- Пестряков А.П.* Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С. 43–90.
- Пестряков А.П.* Курильская (айнская) раса. Большая Российская энциклопедия. М., 2007. Т. 8.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М.* Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы. Ежегодник. М.: Наука, 2004. № 30. С. 86–131.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М.* Краниология автохтонного населения и проблема первоначального заселения Америки // Вестник антропологии. 2009. № 17. С. 211–223.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М.* Краниологическое разнообразие населения Западной Пацифики // «Человек: его биологическая и социальная история»: тр. Междунар. конф., посвящ. 80-летию акад. В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). Москва, 9–12 ноября 2009 г. Москва; Одинцово, 2010. Т. 1. С. 151–158.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М.* Антропологическая изменчивость эскимосов (краниология и система крови АВО) в процессе их географического расселения // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. 2011. № 4. С. 55–68.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Антропология. М.: Высшая школа, 1978.

- Таксами Ч.М., Косарев В.Д. Кто вы, айны? М.: Мысль, 1990.
- Уэда (Uweda, 1931 Уэда. Корейцы). цит. по Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая. М.: Наука, 1982. Приложение, таблица 5.
- Хитъ Г.Л. Еще раз о дерматоглифике айнов // Айнская проблема. Вопросы этногенеза и этнической истории айнов / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург; Владивосток: Рубеж, 2017.
- Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая. М.: Наука, 1982. Приложение, табл. 2–5, 13.
- Эйдус Х.Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1968.
- Alexeejev V.P. Craniological material from New Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula // Anthropologie. Brno, 1973. XI/3.
- Howells W.W. The William W. Howells Craniometric Data Set. URL: <https://web.utk.edu/~auerbach/HOWL.htm> (Accessed: 20 May 2019).
- Hrdlicka A. Catalog of Crania in the United States National Museum Collections. Eskimo in General. Washington, 1942.
- Koganei Y. Beitrage zur physischen Aqnthropologie der Aino. 1. Untersuchungen am Skelet Mittheilungen aus der Medicinischen Facultat der Kaiserlich-Japanischen Universitat, 1893. II. P. 1–249.
- Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Bd. 2: Kraniologie. Osteologie. Jena, 1928. 754 S.
- Shima G. Anthropological Study of the Korean Skull. JAST. 1934. Vol. 49.
- Rasmussen M., Guo X., Wang Y. et al. An aboriginal Australian genome reveals separate human dispersals into Asia // Science. 2011. Vol. 334. P. 94–98.

Статья поступила в редакцию 21 июля 2019 г.

Veselovskaya Elizaveta V., Grigorieva Olga M., Pestryakov Aleksandr P., and Rasskazova Anna V.

ANTHROPOLOGICAL RECONSTRUCTION OF THE AINU APPEARANCE AND THEIR POSITION IN THE PANCUMENOUS SYSTEM OF THE BRAIN SKULL CRANIOTYPES*

DOI: 10.17223/2312461X/25/7

Abstract. Despite great scholarly interest in the Ainu, the formation of this people's unique physical appearance which combines attributes of all the three great human races has not been fully explained yet. The Ainu's place in the context of anthropological variability has never been clearly defined in craniological studies before. Following Professor Viktor V. Bunak's call for the development of a craniological classification of humankind needed for research on paleoanthropological materials, one of the authors of this article has proposed a modern humanity's craniological classification based on variability in the size and shape of the human skull. This classification is different from the generally accepted ones, which draw mainly on varied descriptive characteristics found in living human populations. This article presents the results of a study on the Ainu craniological series within the proposed craniological programme. The study allowed determining the position of the Ainu craniotype among the craniogroups of the modern human population. Specifically, we define the Ainu as being part of the local type of macrotropids, which retains some relict features of physical appearance due to its isolation. Along with the Ainu, some groups of Indians, Polynesians and Eskimos can be seen as representing the craniotype of macrotropids. It is noteworthy that the selected groups inhabit the peripheral territories of the Earth.

Graphics-based and sculptural reconstructions were created on 19th century Ainu skulls for the first time, showing this people's appearance prior to their metisation. The anthropological reconstruction was conducted using the programme 'Algorithm of Appearance', which, in

addition to images, produced a detailed anthropological description of the appearance and intravital dimensions of the head.

Keywords: Ainu, craniology, panikumen craniological classification, anthropological reconstruction of appearance

* The work was supported by the Russian Foundation of Fundamental Research (RFFI), project No.17-29-04132_mfi

References

- Alekseev V.P., Gokhman I.I. *Antropologiya aziatskoi chasti SSSR* [Gokhman I.I. The anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: Nauka, 1984.
- Balueva T.S., Veselovskaia E.V. Novye razrabotki v oblasti vosstanovleniya vneshnego oblika cheloveka po kraniologicheskim dannym [Veselovskaia E.V. New achievements in reconstructing human physical appearance based on craniological data], *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2004, no. 1, pp. 143–150.
- Bunak V.V. Osnovnye morfologicheskie cherty cherepa cheloveka i ikh evoliutsiya [Major morphological characteristics of the human skull and their evolution], *Russkii antropologicheskii zhurnal*, 1922, Vol. 12, Is. 1-2, pp. 6-57.
- Vasil'ev S.V., Veselovskaia E.V., Borutskaia S.B., Grigor'eva O.M. Antropologicheskaya kharakteristika ainov s ostrovov Sakhalin i Hokkaido [The anthropological profile of the Ainu from the islands of Sakhalin and Hokkaido], *Universum Humanitarium*, 2018, no. 1, pp. 82-100.
- Veselovskaia E.V. Edinstvo zakonornosti vnutrigruppovoi izmenchivosti i mezhgruppovaya differentsiatsiya priznakov tolshchiny miagkikh tkanei litsa u sovremennogo cheloveka [The patterns of intra-group variability and inter-group variation in soft facial tissue thicknesses in modern humans]. In: *Edinstvo i mnogoobrazie chelovecheskogo roda* [Unity and diversity of the human race]. Moscow, 1997, part 1, pp. 312–335.
- Veselovskaia E.V. Kraniofatsialnye proporsii v antropologicheskoi rekonstruktsii [Craniofacial proportions in anthropological reconstruction], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no. 2, pp. 83–98.
- Veselovskaia E.V. «Algoritm vneshnosti» - kompleksnaya programma antropologicheskoi rekonstruktsii [‘Algorithm of Appearance’, a comprehensive programme of anthropological reconstruction], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*. 2018. № 2. S. 38-54. DOI: 10.32521/2074-8132.2018.2.038-054
- Veselovskaia E.V., Balueva T.S. Novye razrabotki v antropologicheskoi rekonstruktsii [New achievements in anthropological/craniofacial reconstruction], *Vestnik antropologii*, 2012, Vol. 22, pp. 22–42.
- Debets G.F. Antropologicheskie issledovaniya Kamchatskoi oblasti [Anthropological research on the region of Kamchatka]. In: *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya* [Publications of the Institute of Ethnography. The new series]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1951, Vol. XVII.
- Kozintsev A.G. Proiskhozhdenie ainov v svete dannykh sovremennoi antropologii [The origins of the Ainu in light of contemporary anthropological data]. In: *Ainskaia problema (voprosy etnogeneza i etnicheskoi istorii ainov)* [The Ainu: ethno-genesis and ethnic history]. St. Petersburg - Vladivostok: Rubezh, 2017, pp. 49-110.
- Kozintsev A.G. Statisticheskie dannye k probleme proiskhozhdeniya kraniologicheskogo tipa ainov [Statistical data on the origins of the Ainu craniological type]. In: *Rasogeneticheskie protsessy v etnicheskoi istorii* [Aspects of race and genetics in ethnic history]. Moscow: Nauka, 1974, pp. 229-242.
- Konrad N.I. Iaponiya. Narod i gosudarstvo. Istoricheskiy ocherk [Japan. The people and the state]. In: *Istoriya Iaponii* [The history of Japan]. Moscow, 2010, pp. 166-348.

- Lebedinskaia G.V. *Rekonstruktsiia litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo)* [Facial reconstruction based on the skull: methodological guidelines]. Moscow: Saryi sad, 1989.
- Ocherki obshchei etnografii. T. Zarubezhnaia Aziia* [Essays on ethnography. Volume: Asia]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk, 1959.
- Pestriakov A.P. Rasy cheloveka v kraniologicheskoi klassifikatsii naseleniia tropicheskogo poiasa [Human races in the craniological classification of the tropical population]. In: *Sovremennaiia antropologiya i genetika i problema ras u cheloveka* [Contemporary anthropology, genetics, and the issue of man and races]. Moscow, 1995, pp. 43-90.
- Pestriakov A.P. *Kuril'skaia (ainskaia) rasa. Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia* [The Kuril (Ainu) race. The Great Russian Encyclopedia]. Moscow, 2007, Vol. 8.
- Pestriakov A.P., Grigor'eva O.M. Antropologicheskaya izmenchivost' eskimosov (kraniologiya i sistema krovi AVO) v protsesse ikh geograficheskogo rasseleniya [Anthropological variability in the Eskimo (craniology and ABO blood group system) during their geographical resettlement], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII antropologiya*, 2011, no. 4, pp. 55-68.
- Pestriakov A.P., Grigor'eva O.M. Kraniologicheskaya differentsiatsiya sovremennogo naseleniya [Craniological differentiation in contemporary human populations]. In: *Rasy i narody. Ezhegodnik* [Races and peoples. Annual publication]. Moscow: Nauka, 2004, no. 30, pp. 86-131.
- Pestriakov A.P., Grigor'eva O.M. Kraniologicheskoe raznoobrazie naseleniya Zapadnoi Patsifiki [Craniological diversity in the Western Pacific population]. In: *«Chelovek: ego biologicheskaya i sotsial'naya istoriya». Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 80-letiyu akademika V.P. Alekseeva (Chetvertye Alekseevskie chteniya). Moskva, 9-12 noiabria 2009 g.* ['Man: their biological and social history'. Proceedings of the International conference dedicated to the 80th anniversary of V.P. Alekseev (4th Alekseev Readings)]. Moscow, 9-12 November 2009]. Moscow-Odintsovo, 2010, Vol. 1, pp. 151-158.
- Pestriakov A.P., Grigor'eva O.M. Kraniologiya avtokhtonogo naseleniya i problema pervonachalnogo zaseleniya Ameriki [Craniology of indigenous inhabitants and initial settlements in America], *Vestnik antropologii*, 2009, no. 17, pp. 211-223.
- Roginskii Ia.Ia., Levin M.G. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: Vysshaya shkola, 1978.
- Taksami Ch. M., Kosarev V.D. *Kto vy, ainu?* [Who are you, Ainu people?]. Moscow: Mysl', 1990.
- Cheboksarov N.N. *Etnicheskaya antropologiya Kitaia* [The ethnic anthropology of China]. Moscow: Nauka, 1982.
- Khit' G.L. Eshche raz o dermatoglyfike ainov [Revisiting the Ainu dermatoglyphics]. In: *Ainskaia problema. Voprosy etnogeneza i etnicheskoi istorii ainov* [The Ainu: their ethnogenesis and ethnic history]. Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera). St. Petersburg – Vladivostok: «Rubezh», 2017.
- Cheboksarov N.N. *Etnicheskaya antropologiya Kitaia* [The ethnic anthropology of China]. Moscow: Nauka, 1982. Appendix, tables 2, 3, 4, 5, 13.
- Eidus Kh.T. *Istoriia Iaponii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The history of Japan from ancient times to the present]. Moscow: Nauka, 1968.
- Alexeev V.P. Craniological material from New Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula, *Anthropologie*. Brno, 1973, Vol. XI/3.
- Howells W.W. *The William W. Howells Craniometric Data Set*. Available at: <https://web.utk.edu/~auerbach/HOWL.htm> (Accessed 20 May 2019)
- Hrdlicka A. *Catalog of Crania in the United States National Museum Collections. Eskimo in General*. Washington, 1942.

- Koganei Y. *Beitrage zur physischen Anthropologie der Aino. I.* Untersuchungen am Skelet Mittheilungen aus der Medicinischen Facultat der Kaiserlich-Japanischen Universitat, 1893. II. Pp. 1-249.
- Martin R. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung.* Bd. 2: Kraniologie. Osteologie. Jena, 1928. 754 S.
- Shima G. Anthropological Study of the Korean Skull. JAST. 1934. Vol. 49.
- Rasmussen M., Guo X., Wang Y. et al. An aboriginal Australian genome reveals separate human dispersals into Asia, *Science*, 2011, Vol. 334, pp. 94–98.

УДК 902.2+902.4+004.93
DOI: 10.17223/2312461X/25/8

ТАМЧИНСКИЙ ОЛЕННЫЙ КАМЕНЬ: ОПЫТ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ МЕГАЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ*

Владислав Витальевич Казаков,
Александр Ильич Симухин,
Василий Сергеевич Ковалев,
Павел Евгеньевич Марнуев,
Дашинима Валерьевич Намсараев,
Людмила Валентиновна Лбова

Аннотация. В статье изложена методика документирования стел с рельефными изображениями с помощью фотограмметрии на примере выразительного объекта – Тамчинского оленного камня в Забайкалье. Предложено полное описание памятника, его стилистические особенности изображений по плоскостям. Апробирован способ камерального полуавтоматического построения прорисовок изображений на основе цифровых методов, традиционно применяющихся в топографических задачах. Основной принцип подхода состоит в 3D-моделировании объекта с помощью SfM-фотограмметрии, создании DEM-модели рельефа плоскостей и последовательном применении алгоритмов SLRM и Canny Edge Detection для выделения изображений. Полученные таким образом цифровые изображения позволяют уточнить детали изображений и используются для окончательной прорисовки рисунков. За счет использования ортонормированных изображений в качестве исходного слоя полученные прорисовки лишены возможных геометрических искажений, чего сложно добиться, применяя другие техники прорисовки. Описанная методика документирования относится к высокоточным и неинвазивным методам. Предложенные результаты документирования позволяют создать точные цифровые модели, обеспечивающие решение последующих задач исследовательского характера (датировка, технология создания изображений, измерения расстояний, глубины и формы следов орудий, которыми были выполнены изображения, а также для морфометрического анализа и т.д.). 3D-модели предоставляют информацию для мониторинга, исследований процессов деградации и могут быть представлены общественности в интернете, распечатаны или интегрированы в виртуальные 3D-сцены.

Ключевые слова: документирование археологических объектов, фотограмметрия, оленный камень, техника рельефа, Монголия и Забайкалье

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10079 «Разработка технологий и информационной системы документирования и научного обмена археологическими данными»).

Введение

Оленными камнями называют каменные стелы с изображениями в условно-реалистической или орнаментально-декоративной манере оленей и других животных. Тип археологического объекта получил название от тюркского «сыынташ» – оленный камень, или монгольского «буган-хөшөө» – «олень-стела», или «буган-чулуу» – «олень-камень». В основу термина положен визуальный принцип – изображения «летающих» оленей, которые опоясывают каменные стелы, «перетекая» с грани на грань, разворачиваясь по спирали вверх. Кроме стилизованных оленей, встречаются фигуры лошадей, кабанов, козлов, собак, пантер, других животных, иногда птиц. Стелы в основном четырехгранные со скошенным верхом. Встречаются и иные формы камней – плоские, округлые, многогранные в сечении и т.д. Как правило, узкие грани образуют лицевую и тыльную стороны, основной декор в виде стилизованных оленей располагается на широких плоскостях (Волков 1981, 2002; Савинов 2002; Turbat et al. 2011 и др.).

Оленные камни имеют элементы фигуративной антропоморфности, в соответствии с этим принципом выделяются зоны верхней, средней и нижней частей (Кубарев 1979; Волков 1981; Членова 1984; Новгородова 1989; Килуновская, Семенов 1993; Савинов 2002 и др.). Изображения, отдельные элементы (такие как украшения, тамги, пояса, орудный набор, предметы вооружения и т.д.) в верхней и нижней частях находят аналогии в материалах карасукской культуры, культурах плиточных могил и керексуров. Датировка оленных камней и их типов остается предметом дискуссии. Устойчивой является точка зрения об их появлении в финале среднего или в позднем бронзовом веке и принадлежности этого типа памятников к культурному кругу, включающему степные культуры «скифского круга», в целом, в пределах I тыс. до н.э. (Волков 1981; Грязнов 1984; Савинов 2002; Takashama et al. 2006; Тишкин 2013б; Есин и др. 2017 и др.).

Известно более 800 оленных камней, расположенных в степном поясе Евразии, но большая концентрация приходится на территорию Монголии (Окладников, Запорожская 1970; Волков 1981; Новгородова 1989; Савинов 1994; Волков 2002; Ольховский 2005 и др.). По морфологическим и стилистическим характеристикам выделяют три типа оленных камней: общеевразийский (без изображений животных), саяно-алтайский и монголо-забайкальский (с условно-реалистическими и орнаментально-стилизованными изображениями оленей) (Волков 2002). Необходимо отметить связь оленных камней с определенным типом керексуров, при этом, большинство изваяний смещено с первоначального места их расположения (Худяков 1987; Савинов 1994; Волков 2002; Ковалев, Эрдэнэбаатар 2007 и др.).

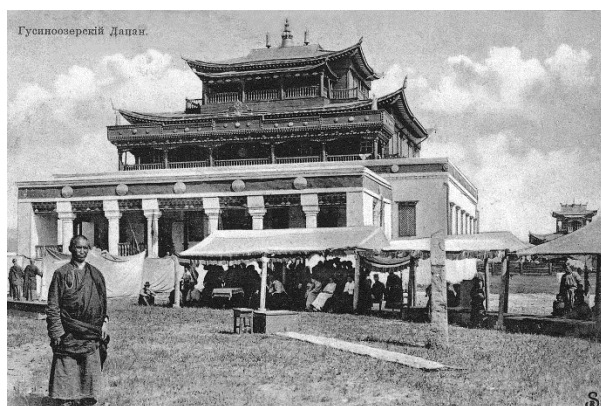
Археологический контекст указывает на использование таких стел в обрядах погребально-поминального характера (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2007; Чугунов 2007; Тишкин 2013б; Есин и др. 2017 и др.). В более раннее время переиспользование стел было типично для каракольской, окуневской и чемурчекской культур Саяно-Алтая (Есин 2010: 141). Очевидно, существовала тесная связь между проведением обряда и созданием изображения, которое не только должно было соответствовать принятой иконографии, но и ассоциироваться с конкретным обрядом (Есин и др. 2017).

Примеры таких скульптурных памятников отличаются не только изображенными реалиями, но и оформлением. Известные объекты, в том числе многочисленные оленные камни, демонстрируют разнообразный и существенный срез представлений древних кочевых социумов, являясь маркерами, демонстрирующими различные отношения к предкам (Членова 1984; Тиваненко 1995; Цыбиктаров 1995; Савинов 2002; Turbat et al. 2011 и др.).

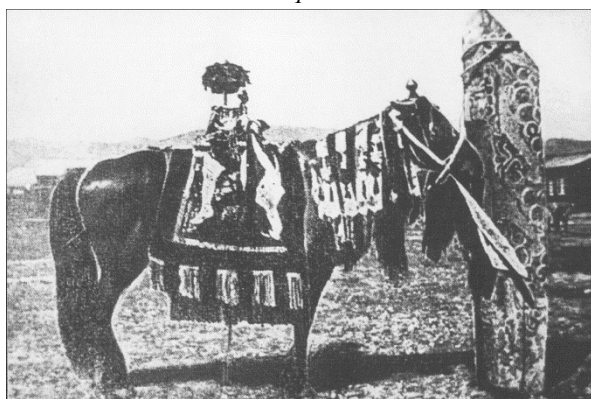
Тамчинский олений камень был известен по архивным фотографиям в начале XX в. и стоял на площадке перед входом в главный храм Тамчинского дацана (Сокшин, Цогчен; Селенгинский район Республики Бурятия) (рис. 1, 1). Тамчинский (Гусиноозерский) дацан был основан в 1741 г., при этом история перемещения оленного камня на территорию дацана основана на сведениях о том, что ламы специально выезжали в Монголию, чтобы привезти и установить на территории Тамчинского дацана «золотую коновязь», выбирая для этого подходящий камень из древних захоронений (Сокровища культуры Бурятии: 278). Камень играл роль космического центра в ритуальном пространстве празднования мистерии Цам и служил своеобразной коновязью (Алтан-сэргэ) для священной лошади (или лошадей), прибывающей на мистерию небесных божеств, бурханов, что предшествовало началу мистерии (рис. 1, 2) (Тамчинский дацан 2015).

Стела исчезла после разрушения дацана в начале 1930-х гг., но осенью 1987 г. была обнаружена местными школьниками в расколотом виде в фундаменте здания, построенного в 1934 г. на территории дацана.

Реставрация камня, разбитого на 12 кусков и имеющего многочисленные утраты, выполнялась специалистами Государственного Эрмитажа, реставраторами высшей категории М.Н. Лебедь и В.Г. Соринным (Лбова 1988; Кухарев, Именохоев 1995; Дашилхамаев 2012; Тамчинский дацан 2015: 196) (рис. 1, 3). После проведения работ камень был установлен на прежнем месте в 1990 г. (рис. 1, 4).

1

2

3

4

Рис. 1. Тамчинский оленный камень: 1 – Гусиноозерский дацан, фото Р.Ю. Зонненбурга, нач. XX в. (фотоателье Г.Г. Гренберга, г. Иркутск). Фонды Национального музея Республики Бурятия (инв. № «МИБ ОФ-17945-1»); 2 – лошадь у коновязи (Алтан-сэргэ) для защитника веры Жамсаран перед началом Цама Докшитов (по: (Тамчинский дацан 2015: 146)); 3 – Тамчинский оленный камень до начала реставрации (фото 1987 г.); 4 – общий вид на оленный камень с юго-востока (фото 2018 г.)

Методы исследования

Документирование любого археологического объекта имеет первостепенное значение для последующего исследовательского процесса. В конце XIX в. копии изображений на камнях / вертикальных стелах впервые удалось получить В.В. Радлову и А.В. Адрианову с применением для копирования тонкой белой ткани (коленкор или миткаль) (Миклашевич 2011: 218). В 1970–1980-е гг. для получения эстампажей исследователи использовали разную по плотности бумагу, но после разработанной В.Ф. Капелько методики стало активно употребляться микалентное полотно, выполнение эстампажей на котором требовало определенных знаний и навыков (Тишкин, 2013а). Эта методика документирования не лишена недостатков и является предметом дискуссии относительно ее точности.

Одним из авторов статьи в 1988 г. были сделаны эстампажи на микалент с Тамчинского камня. Оригиналы в настоящее время утрачены вместе с архивом «Бурятпроектреставрации». Сохранились прорисовки в уменьшенном виде, которые позволяют оценить точность этой техники копирования в сравнении с современными цифровыми методами (рис. 2).

Рис. 2. Уменьшенная копия эстампажа оленного камня 1988 г.
(по: (Лбова 1988: рис. 49))

На сегодняшний день можно констатировать достаточную развитость и доступность цифровых способов фиксации объектов историко-культурного наследия, в том числе техники построения трехмерных моделей объектов. В 2000-х гг. трехмерное моделирование было успешно апробировано на археологических объектах, где первостепенное значение имеет неглубокий рельеф – наскальные рисунки (Черемисин и др. 2016, 2017; Зоткина и др. 2018 и др.). Трехмерное моделирование позволяет более точно зафиксировать изменения поверхности и на основе цифровых моделей выявить участки искусственно модифицированной плоскости, более точно определять границы изображений и их деформации (Robert et al. 2016; Monna et al 2018).

Использование трехмерного способа фиксации наскальных изображений позволяет сохранить больше информации об объекте, так как включает в себя данные о третьем измерении – рельефе поверхности. На основе 3D-модели возможно автоматическое построение двумерной проекции плоскости с рисунками, лишенной геометрических искажений, – ортофотографии. Таким образом, ортофотография как двумерная форма фиксации объектов наскального искусства более предпочтительна, чем обычная фотография.

Работа с оригинальной цифровой трехмерной моделью, в отличие от традиционных двумерных изображений, требует специального программного обеспечения, но при этом предоставляет более широкие возможности. Так, используя программное освещение поверхности трехмерной модели объекта, можно имитировать эффективный боковой подсвет для теневого усиления видимости рисунка. Такая практика избавляет от необходимости фиксировать объект строго в рассветные или закатные часы, что повышает эффективность полевых работ по документации памятников наскального искусства.

На протяжении последних нескольких лет в археологии активно исследовались возможности цифровой фиксации древних рисунков и надписей на основе их рельефа. В статье (Mara, Kromker 2013) описана математическая модель автоматического выделения ассирийской клинописи на основе алгоритма фильтрации по интегральному инварианту (Integral Invariant Filtering (Manay et al. 2006)). В (Díaz-Guardamino et al., 2015) продемонстрированы возможности многоугольной теневой съемки (Reflectance Transformation Imaging (Earl et al. 2010)) для улучшения видимости микрорельефа рисунков и надписей на каменных поверхностях. В 2016 г. в статье (Carrero-Pazos et al. 2016) для этих же задач был предложен метод комбинации фильтров «Accessibility shading» (Miller 1994) и «trend removal» (Štular et al. 2012), показавший хорошие результаты в сравнении с традиционным фильтром «Radiance Scaling» (Vergne et al. 2010). Использование метода «Radiance Scaling» для выделения римской эпиграфики описано в (Carrero-Pazos, Espinosa 2018).

В недавних исследованиях (Monna et al. 2018) предложен очередной шаг в направлении автоматизации процесса фиксации изображений на стенах. Авторы предлагают методику выполнения прорисовки изображений на оленных камнях в графическом редакторе, которая основана на предварительном цифровом выделении рисунка с помощью топографических и графических алгоритмов. Результат такой прорисовки сравним по качеству с прорисовками, выполненными традиционными методами вручную, но, в отличие от них, не инвазивен и лишен геометрических искажений.

Предложенная методика заключается в последовательном выполнении ряда операций. Вначале требуется получить трехмерную модель объекта с помощью SfM-фотограмметрии на основе серии фотографий, выполненных в поле. SfM (Structure-from-Motion) фотограмметрия – метод получения трехмерной модели на основе набора перекрывающихся фотографий с разного положения фотокамеры относительно объекта (Jebara et al. 1999). Далее по имеющейся трехмерной модели необходимо сгенерировать ортофотографии и построить DEM-модели плоскостей с рисунками. DEM (Digital Elevation Model) – цифровая модель рельефа, т.е. карта высот ландшафта. Такие модели широко используются в топографии. В данном случае оказалось, что они могут быть эффективно использованы и для работы с объектами совершенно другого рода – наскальными рисунками (Monna et al. 2018). Третьим шагом необходимо применить к DEM-моделям плоскостей с рисунками топографический фильтр Positive Openness, разработанный для геоморфологических исследований – выделения на поверхности рельефа пиков, впадин, гребней, возвышенностей и т.п. (Yokoyama 2002). На четвертом этапе к полученным растровым изображениям с выделенным рельефом применяется графический фильтр Canny Edge Detection. Этот фильтр используется для построения граней деталей изображения на основе анализа резких изменений уровней серого (Davies 2012; Canny 1986). На заключительном этапе производится ручная черно-белая доработка получившегося изображения в графическом редакторе. Для окончательной прорисовки специалисту требуется дорисовать незаконченные границы рисунков, а лишние грани удалить. После этого замкнутые фигуры заполняются сплошной черной заливкой.

Работы по фиксации Тамчинского оленного камня производились в близком соответствии с предложенной методикой. Фотосъемка объекта велась с помощью цифровой зеркальной фотокамеры Canon 600D с объективом Canon EF-S 18-135mm f/3.5-5.6. В соответствии с алгоритмом была построена трехмерная модель оленного камня, ортофотографии и DEM-модели плоскостей. Эти модели обрабатывались топографическими и графическими фильтрами, после чего использовались для ручной прорисовки изображений.

Материалы и их обсуждение

О Тамчинском оленнем камне упоминает известный исследователь Азии Г.Н. Потанин. В протоколе заседания Отделения этнографии от 31 января 1889 г. в XX томе «Известий ВСОРГО» приводятся сведения: «В заключеніи Г.Н. Потанинъ сообщилъ о каменномъ памятникѣ, найденномъ имъ въ Гусино-озерскомъ дацанѣ. Этотъ камень съ фигурнымъ изображеніемъ. Подобные камни (каменные бабы) носятъ монгольское названіе *кешо-чило* и татарское *сынъ-тасъ*; послѣднее значить олень-камень. Дѣйствительно на нѣкоторыхъ изъ этихъ камней находятся изображенія изюбря. Г. Потанинъ указалъ четыре такихъ камня: 1) на Орхонѣ, 2) близъ Верхнеудинска, снятый Давыдовымъ, 3) въ долину р. Читыкъ (системъ р. Тельгирь-морина) и 4) близъ Гусино-озерскаго дацана» (Потанин 1889: 77).

В 1928 г. П.П. Хороших во время посещения Гусиноозерского дацана исследовал оленный камень на его территории. Известна краткая заметка с прорисовкой одной грани, в которой автор констатировал факт применения камня в качестве коновязи для «священной» лошади (Диу), участвовавшей в религиозном празднике «Цам-Хурал». Оленный камень был датирован им в пределах VIII–II вв. до н.э. (Хороших 1962: 291). Более подробное представление об объекте можно получить из описания памятника, сделанного Н.В. Именохоевым и В.В. Кухаревым.

Оленный камень изготовлен из цельного куска камня серо-коричневого цвета, относящегося к литокристаллическим туфам дацитовых пород с мелкой структурой. Ориентирован по сторонам света (ориентация по факту на начало XX века) (*прим. Л. Лбовой*). По своей форме камень представляет кососрезанную к одному краю брусовидную, уплощенную стелу, прямоугольную в сечении в верхней части и подквадратную в нижней. Общая длина объекта 2,69 м (по длинному краю), подземная часть стелы составляла 65 см, наземная – около 2 м; ширина сторон – от 37 до 10–25 см (Лбова 1988).

На трех плоскостях камня имеются изображения (таблица). Две широкие стороны полностью заполнены стилизованными изображениями оленей, торцевые плоскости подвергнуты обработке частично. На южной плоскости изображения утрачены, что зафиксировано на фотографии начала XX в. (рис. 1, 1). Следует отметить, что при описании объекта в опубликованном варианте впервые уделено внимание такой технике исполнения, как гравировка (гравюра) (Кухарев, Именохоев 1995: 118).

Трехмерная модель объекта была создана на основе 23 фотографий общего плана, сделанных с разных ракурсов вокруг объекта. В результате обработки получено плотное облако из 2,8 млн точек, на основе которого были сгенерированы карты высот и ортофотографии каждой из плоскостей.

Полевое описание плоскостей Тамчинского оленного камня

Название памятника		Олений камень из комплекса Тамчинского дацана
№ по Госреестру		031510255810006
Географическое местоположение		Республика Бурятия, Селенгинский район, с. Гусино Озеро, ул. Бестужева, участок 33А
Топография памятника		N51°07'15.43; E106°15'56.40
Описание (памятник / композиция / рисунок)		Полевое описание, октябрь 2018 г.
ОК-1	ОК-1-1-1	Первая (южная) плоскость: длина стелы равна 269 см, ширина наверху – 25 см, расширяется книзу до 36 см. Изображенная композиция повреждена в средней и нижней частях плоскости. Сохранился лишь небольшой фрагмент. На расстоянии 8,5–10 см от верхнего конца стелы изображены две плавно выгнутые вниз, одна над другой, дугообразные полосы. Толщина полос 2–3 см, расстояние между ними 11,5 см
	ОК-1-1-2	Нижне полос – изображение головы оленя с передними и, частично, задними рогами. Голова оленя с клювообразной мордой направлена вертикально вверх. Неглубокой гравировкой проработаны часть тела с неестественно вытянутой шеей и подогнутой короткой передней ногой. Отмечены преувеличенное длинное листовидное ухо, раскрытый и закругленный на концах клюв, лоб выполнен под прямым углом. Глаза четырехугольной формы выполнены контррельефом, округлый зрачок – гравировкой. Глубоко, до 2–4 см, проработан завиток заднего рога
ОК-2		Вторая (западная) плоскость: ширина в верхней части равна 37 см, в нижней – 31 см. На широкой плоскости выбиты три летящих оленя. Сохранность композиции хорошая. В верхней и центральной частях продольное изображение двух больших оленей, расположенных друг над другом по диагонали с вытянутыми вверх головами. Третий олень, меньших размеров, размещен на плоскости вдоль правого края грани головы вниз. Композиция завершается изображением в верхнем правом углу круга диаметром 10 см с подвеской в нижней части, направленной под наклоном налево вниз, утолщенной в средней части и раздвоенной на конце. Образовавшиеся пустоты на плоскости заполнены: под головой и шеей первого оленя – декоративным узором, зеркально повторяющим задние рога, выполненным неглубокой выбивкой; под передним рогом – изображение, боевого топора (?) с выступающим обушком и изогнутым топорischem. Незначительная часть изображения находится за пределами левого края грани
	ОК-2-1-1	Первый олень имеет удлиненное тело с несколько утолщенной и вытянутой шеей, отделенной от туловища острым треугольным выступом, условно изображающим характерный горб над лопатками. Ниже лопаток расположен второй горб. У оленя подпрямоугольный лоб, голова с узкой и длинной, раздвоенной по всей длине клю-

Название памятника		Олений камень из комплекса Тамчинского дацана
		вообразной мордой и шестиугольным глазом с пятиугольным зрачком, узкое листовидное, вытянутое в тонкую линию ухо, округлый зад с коротким изогнутым хвостом. Короткая передняя нога направлена вверх, задняя вытянута назад, вниз. У зверя два ответвления рогов, передний и задний. Вертикальный передний рог имеет три горизонтальных направленных вперед отростка – «бивня», причем нижний отросток раздвоен, а верхний – серповидный. Задний рог с пятью серповидными завитками, самый мощный из всех изображенных на камне, тянется вдоль туловища и доходит до конца спины. Острому выступу на спине животного соответствуют изгибы рога, подчеркивающие очертания тела оленя
	ОК-2-1-2	Изображение повреждено: утрачена часть туловища и передняя нога. Под туловищем первого животного нанесено изображение грациозно изогнутого оленя, самого большого из всех на стеле. Силуэт «гиганта» практически аналогичен первому оленю. Исключение составляют рога: передний рог – с одним дугообразно изогнутым тонким отростком – «бивнем», задний рог – с шестью серповидными завитками, повторяющий линию туловища и грациозно изогнутой шеи животного. У оленя один треугольный выступ – горб в области лопаток, длинная, вытянутая вниз задняя нога с реалистично изображенным округлым задом с небольшим хвостиком и выпуклым бедром. Контур глаза пятиугольный, с шестиугольным зрачком. Ухо листовидное
	ОК-2-1-3	Фигура оленя частично повреждена: утрачены передняя нога, части клювообразной морды, туловища и задней ноги. Третий олень во всем повторяет предыдущих, за исключением расположения рогов. Передний и задний рога также ветвисты, но с более широкими волнистыми завитками. От мощного переднего рога, концы которого изображены в виде двух завитков, вниз вперед идут два слегка изогнутых отростка. Задний рог с 4 завитками занимает пространство под и над бедром второго оленя. Глаз вытянутый, с четырехугольным зрачком, уплощенный остроугольный лоб и длинное листовидное ухо
	ОК-2-1-4	В верхнем правом углу стелы изображен круг (соляренный знак, серьга?) диаметром 10 см, с подвеской в нижней части, направленной под наклоном налево вниз, утолщенной в средней части и раздвоенной на конце
ОК-3		Третья (северная) плоскость: высота – 230 см, ширина наверху равна 10 см, книзу увеличивается до 29 см. Композиция не сохранилась
ОК-4		Четвертая (восточная) плоскость: ширина в верхней части равна 37 см, в нижней – 24 см. На широкой плоскости, выбиты четыре летящих в галопе оленя. Сохранность композиции хорошая
	ОК-4-1-1	Верхнее угловое пространство грани заполняет изящно изогнутое изображение небольшого по размерам оленя, развернутого слева направо. На голове два рога: перед-

Название памятника		Олений камень из комплекса Тамчинского дацана
		ний – небольшой, 8 см в длину, с двумя выступающими вперед «бивнями», и задний – идущий над спиной, мощный, с 6 завитками. Тело животного изогнуто, с треугольным горбом. Олень имеет короткое узкое ухо, четырехугольный глаз с треугольным значком, тонкие длинные ноги. Передняя нога вытянута вперед, задняя слегка подогнута и опущена вниз
	ОК-4-1-2	Два оленя изображены по диагонали плоскости, головами вверх, у левого края грани, параллельно друг другу. Верхний олень с двумя ветвистыми и волнообразно изогнутыми рогами. Один рог с 6 завитками круто поднимается над головой и телом животного. У основания рога наклонно вперед выступает слегка изогнутый длинный передний «бивень». Второй рог с 5 завитками расположен под первым и доходит до конца спины, длиной до 45 см. На спине два подтреугольных выступа – «горбы». Передние ноги не видны, задние – длиной до 13 см
	ОК-4-1-3	Третий олень во всем повторяет вышеописанного, за исключением деталей. Животное имеет лишь один рог, но такой же ветвистый и мощный, с 5 завитками, в длину до 40 см. Один завиток направлен в противоположную сторону, навстречу общему наклону волнообразных отростков. У основания рога два выступающих вперед сильно изогнутых «бивня». На спине изображены три выступа: в области лопаток с двумя шипами и два подтреугольных на крупе. Передняя нога в виде небольшого выступа, задняя – с округлым бедром, вытянута вниз, живот поджат. Четырехугольный, с круглым значком глаз. Изображение частично повреждено
	ОК-4-1-4	Самый нижний олень помещен вдоль левой стороны грани, головой вниз. Силуэт этого животного вытянут, тело изящно изогнуто. У него заостренный хвост, поджатая под тело задняя нога, два сглаженных подтреугольных выступа в области лопаток и крупа. Глаз округлый, зрачок не выражен. Рога такие же, как и у второго оленя, как бы развернуты на всей плоскости грани, заполняя все пустое пространство. Передний рог круто поднимается вверх, под ним второй «стелется» 5 завитками над спиной. У основания первого рога изогнутые вперед «бивни». Оставшееся сбоку перед вторым оленем свободное пространство заполнено декоративным орнаментом в виде цепочки волнообразных завитков рога. Нижняя часть всех граней неровная и не отшлифована

Для этого потребовалось переориентировать объект нужной плоскостью вверх. В результате были получены изображение, DEM модель (853×2493, 1,6 мм/пикс) и ортофотография (835×4461, 0,8 мм/пикс) плоскости ОК-4 и изображение, DEM модель (768×2471, 1,6 мм/пикс) и ортофотография (835×4453, 0,8 мм/пикс) плоскости ОК-2. К DEM моделям были применены программные фильтры Positive Openness, SLRM

(Simple Local Relief Model), Slope gradient и другие с помощью ПО Relief Visualization Toolbox (Kokalj et al 2011).

Наиболее выразительный рисунок был получен с помощью SLRM фильтра (рис. 3, 2; 4, 2), но при этом были потеряны некоторые детали. Наибольшая сохранность деталей была получена на оригинальной ортофотографии и на изображении, созданном с помощью Positive Openness фильтра.

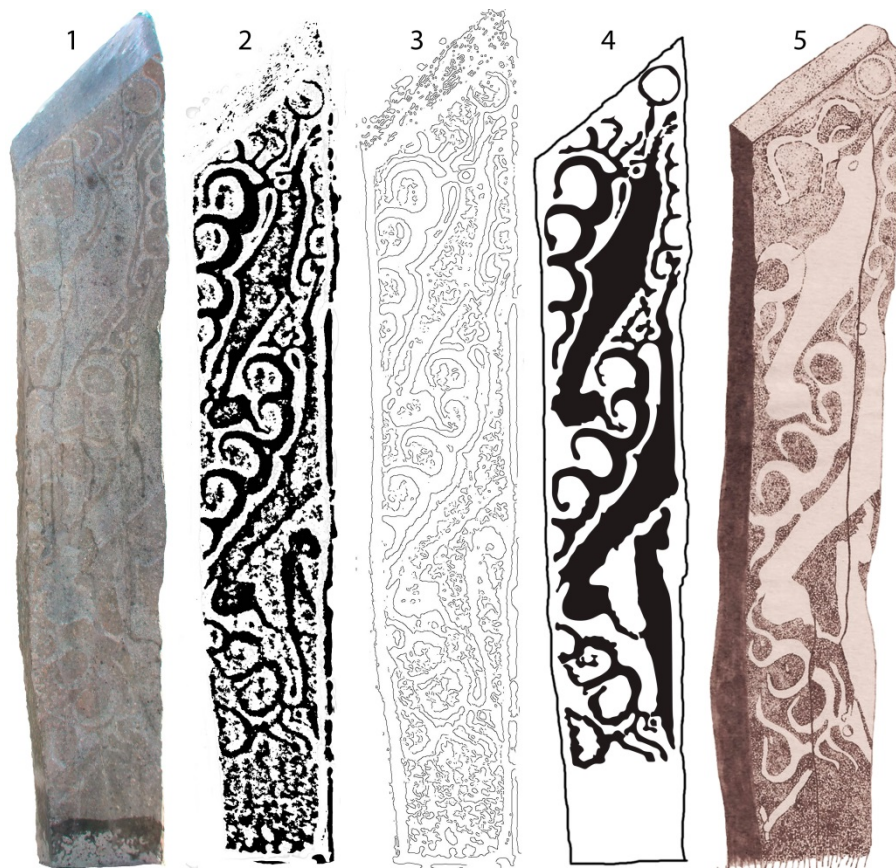

Рис. 3. Плоскость ОК-2: 1 – ортофотография; 2 – обработка DEM-модели плоскости фильтром SLRM; 3 – обработка DEM-модели плоскости фильтром SLRM и затем Canny Edges Detection; 4 – прорисовка, выполненная в графическом редакторе; 5 – ручная прорисовка с эстампажа 1988 г.

Для первичной автоматической прорисовки границ был применен Canny Edge Detection фильтр, который дал наилучший результат при использовании на SLRM изображении фильтра (рис. 3, 3; 4, 3). Ручная прорисовка осуществлялась при помощи графического пакета Adobe Illustrator, где в качестве вспомогательных слоев-подложек использова-

лись слои Positive Openness, Canny Edges Detection и SLRM. Предварительно слои были выровнены по масштабу в Adobe Photoshop. На четвертом слое в Adobe Illustrator обрисовывалось векторное изображение (с уменьшенной непрозрачностью для упрощения работы с вогнутыми элементами) с помощью инструмента «кривизна»: по контуру изображения располагались точки кривизны или угловые точки. После замыкания фигуры происходила ее автоматическая заливка фильтра (рис. 3, 4; 4, 4).

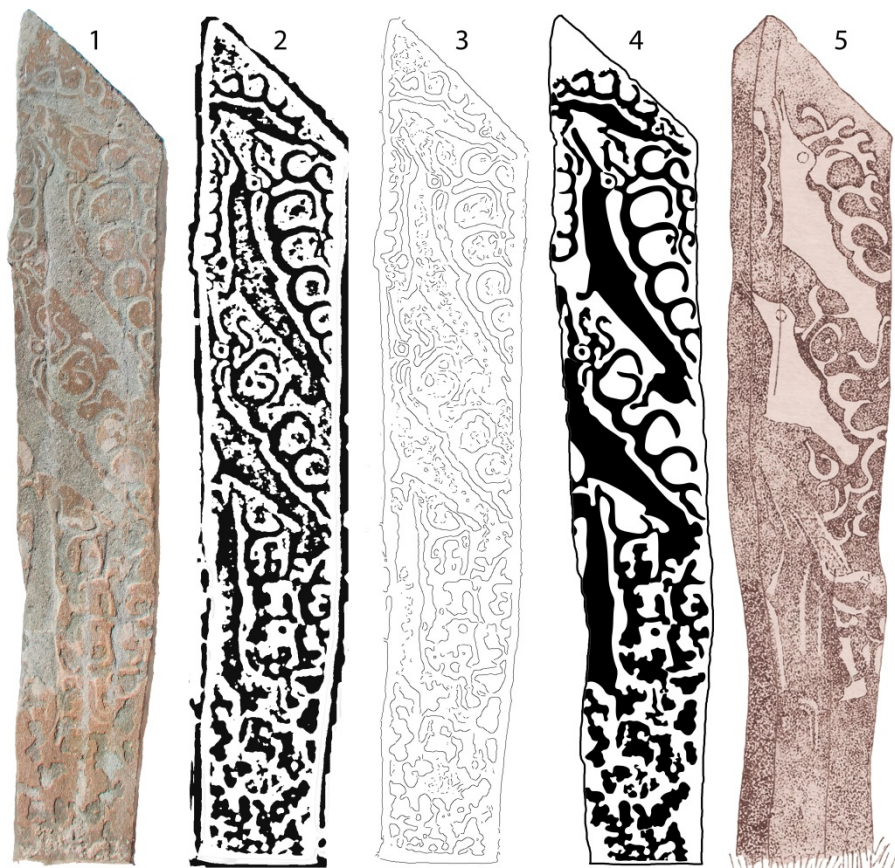

Рис. 4. Плоскость ОК-4: 1 – ортофотография; 2 – обработка DEM-модели плоскости фильтром SLRM; 3 – обработка DEM-модели плоскости фильтром SLRM и затем Canny Edges Detection; 4 – прорисовка, выполненная в графическом редакторе; 5 – ручная прорисовка с эстампажа 1988 г.

Плоскость ОК-1 показала плохую обрабатываемость автоматическими алгоритмами и фильтрами, основанными на рельефе. Цифровая прорисовка была выполнена на основе ортофотографии, где рисунок отличается от основного цветового фона (рис. 5, 1, 2).

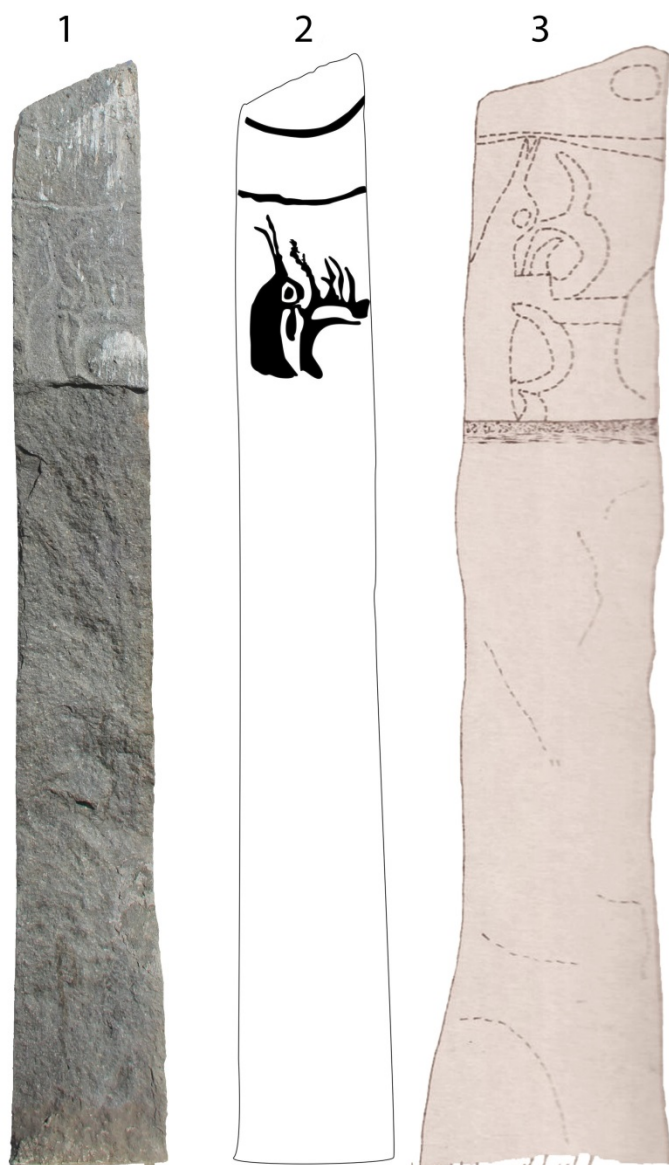

Рис. 5. Плоскость ОК-1: 1 – ортофотография; 2 – прорисовка, выполненная в графическом редакторе по ортофотографии; 3 – ручная прорисовка с эстампажа 1988 г.

Для некоторых деталей изображения в целях определения техники нанесения рисунка была выполнена макросъемка. Съемка производилась с помощью цифровой зеркальной фотокамеры Canon 600D с объективом Canon EF-S 60mm f/2.8 Macro USM в формате RAW, позволяющем получить полную исходную информацию с матрицы фотокамеры.

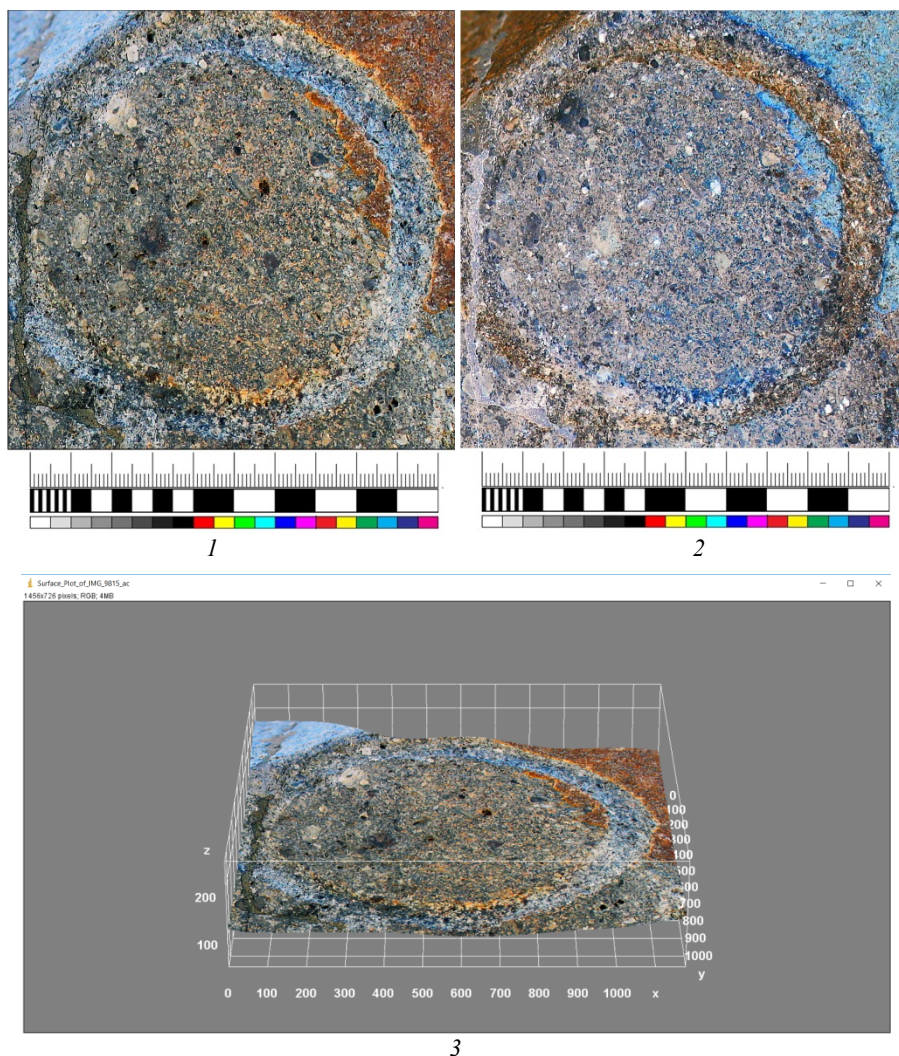

Рис. 6. Фрагмент композиции (индекс ОК-2-1-4) с последующей обработкой:
1 – макросъемка кольца с подвеской; 2 – обработка фото в приложении Photoshop.
Инверсия цвета; 3 – профиль кольца с подвеской в приложении ImageJ
с плагином 3D Surface Plot

Фотоснимок был обработан в графических редакторах Adobe Photoshop, Adobe Camera Raw, Adobe Lightroom, в которых были настроены баланс белого, яркость, контраст, масштабирована необходимая область изображения (рис. 6, 1). С помощью этих же графических редакторов были исправлены переэкспонированные участки и провалы в тенях. Для достижения большего видимого контраста изображения в программе Adobe Photoshop была применена операция инверсия цвета (in-

vert) (рис. 6, 2). Обработанная фотография дополнительно визуализировалась в виде псевдо-3D в программе ImageJ с использованием плагина 3D Surface Plot (рис. 6, 3).

Макросъемка с различными использованными техниками визуализации поверхности, включая увеличение контрастности, инверсию цвета и псевдо-3D, позволила определить некоторые технологические особенности изготовления рисунка на примере изображения круга (индекс ОК-2-1-4) на западной плоскости в верхнем правом углу. Солярный знак, или серьга, диаметром 10 см, с предполагаемой подвеской в нижней части выполнен острым (металлическим) предметом, о чем свидетельствует край выбивки – ровный, правильный, без заусениц (рис. 6, 1, 2), что подтверждает трасологический опыт (Гиря, Дэвлет 2010). Полученные данные макросъемки плоскостей стелы могут быть использованы при дальнейших трасологических исследованиях следов обработки поверхностей камня.

Для фрагмента плоскости ОК-4 была построена тепловая карта высот на основе трехмерной модели плоскости, полученной методом фотограмметрии. Фотосъемка плоскости производилась с помощью цифровой зеркальной фотокамеры Canon 600D с объективом Canon EF-S 60mm f/2.8 Macro USM. 3D-модель с разрешением ~8 млн точек была создана в приложении Agisoft Photoscan. Из всей плоскости был взят отдельный участок 40 × 30 см (рис. 7) с разрешением 3,2 млн точек на этом участке 3D-модели.

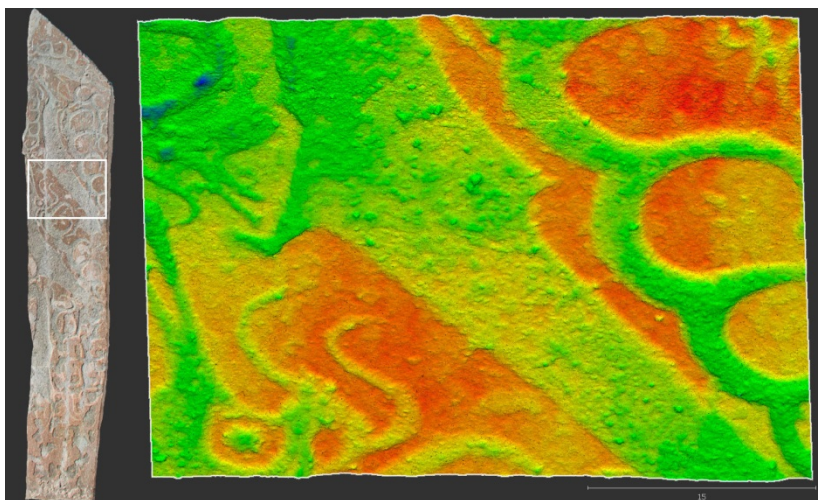

Рис. 7. Тепловая карта глубин фрагмента плоскости ОК-4, полученная на основе 3D-модели из макроснимков

Чтобы получить тепловую карту высот микрорельефа, потребовалось построить плоскость XY, максимально точно выровнять участок

3D-модели относительно плоскости и затем произвести «анализ отклонений» относительно этой плоскости при помощи соответствующего инструмента в ПО Geomagic Studio. На полученной тепловой карте видны перепады высот микрорельефа от 5 (красный цвет) до –5 мм (синий цвет). Кроме того, хорошо фиксируются регулярные косые следы при обработке рельефа округлых линий, которые, вероятно, остались от использования металлического гравировального инструмента.

Дискуссия

Опубликованные мнения о возрасте Тамчинского оленного камня опираются на стилистический анализ и распространенную парадигму понимания феномена оленных камней в кочевых культурах Евразии. Впервые мнение о возрасте объекта было высказано П.П. Хороших, который предполагал возраст в пределах VIII–II вв. до н. э. (Хороших 1962: 291). Опираясь на анализ сюжета, элементов декора, изобразительные приемы, технику исполнения, бурятскими исследователями был предложен возраст объекта в пределах XI–VIII вв. до н. э. (Кухарев, Именохоев 1995: 118).

В литературе 1980-х гг. сформировалось мнение о том, что в Забайкалье и Монголии оленные камни монголо-забайкальского типа относились к культуре плиточных могил. Однако в последующие годы исследования Ю.С. Худякова, Э.А. Новгородовой, Д.Г. Савинова и А.Д. Цыбиктарова и других изваяния этого типа были связаны с культурой керексуров (Худяков 1987; Цыбиктаров 2016 и др.). С западно-монгольской традицией связаны в большинстве оленные камни «евразийского» типа, а с центрально-монгольской – «монголо-забайкальского», обе традиции бытовали на соседних территориях параллельно с X по VII в. до н.э. (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2007: 105).

Радиоуглеродный анализ костей животных из жертвенников, связанных с оленными камнями, позволяет датировать эти сооружения и стелы XIII–VIII вв. до н.э., при этом отмечается и факт трансформации композиции на оленных камнях монголо-забайкальского типа от более реалистичной с изображением пояса и оружия к более условной и декоративной. Наступление нового этапа в культуре местного населения демонстрирует переиспользование разбитых стел в качестве строительного материала в конструкции плиточных могил (Тишкин 2013б; Есин и др. 2017).

В целом на основании типологического и стилистического анализа объект отнесен к классическим оленным камням «монголо-забайкальского типа», имеющим распространение в XIII–VII вв. до н.э. на территории степного Забайкалья и Монголии (Волков 1981; 2002; Савинов 1994; Цыбиктаров 2000).

Преимущество апробированных цифровых методик по отношению к другим способам фиксации изображений, описанным выше, вполне очевидно. Сравнительный анализ уменьшенных оттисков эстампажей 1988 г. (см. рис. 3, 5; 4, 5) и полученных изображений (рис. 3, 4; 4, 4) позволяет говорить о более точной передаче формы самой стелы, технике нанесения изображений, размеров и целостной объемной картины камнерезного произведения. Например, на плоскости ОК-2 полуавтоматическим способом было отчетливо воспроизведено 4 оленя. На прорисовках с эстампажей 1988 г. было передано только 2 изображения оленей той же плоскости (хотя в описании в той же публикации представлены все четыре). С другой стороны, на той же плоскости с помощью цифрового подхода не был воспроизведен топор, предположительно представленный в левом нижнем углу. Скорее всего, это связано с крайне малой глубиной его рельефа.

Таким образом, можно сформулировать и ключевые недостатки цифрового подхода выделения изображения по рельефу. Во-первых, это невосприимчивость к нерельефным поверхностным деталям. Частично нивелировать этот недостаток можно сравнением прорисовки с исходной ортофотографией и последующей ручной доработкой прорисовки поверх ортофотографии в графическом редакторе. Вторая проблема, наоборот, связана с ложноположительным срабатыванием алгоритма на естественных деталях рельефа или приобретенных дефектах трехмерной модели. В этом случае имеет значение качество построенной 3D-модели.

Ранее предполагалось, что изображения на камне получены с помощью трех техник: гравировки как начального этапа разметки изображения, выбивки и протирания плоскостей крупных фигур (Лбова 1988). После обработки специализированным программным обеспечением (Adobe Photoshop, Illustrator, ImageJ) можно более уверенно говорить о применении техники пикетажа (выбивки) при создании рельефа изображения, на что указывает фактура нанесенного рисунка в области тела большого оленя плоскости ОК-2, различимая на изображениях, обработанных фильтрами SLRM, Positive Openness, Canny Edge Detection (см. рис. 3, 4, 6). Это также подтверждается анализом тепловой карты глубины, полученной на основе 3D-модели из макроснимков. Поверхность камня, не тронутая обработкой, выглядит идеально ровной, что указывает на предварительное выравнивание, шлифовку поверхности (см. рис. 7).

Таким образом, можно предположить, что изображения предварительно были выполнены первоначальной неглубокой гравировкой или иным способом разметки на подготовленной ровной, возможно, отшлифованной поверхности с последующим углублением рельефа пикетажом металлическим инструментом.

Заключение

Создание трехмерных моделей археологических объектов в последнее время становится неотъемлемой частью документирования для последующего изучения, интерпретации, мониторинга и реставрации объектов. Документирование археологических объектов, таких как петроглифы, мегалитические объекты с изображениями, стелы и другие, при помощи традиционных техник (микалентное копирование, прорисовка на прозрачную пленку, фотофиксация) не во всех случаях позволяет точно отразить детали изображений, обусловленные естественным рельефом (Гиря, Дэвлет 2010; Robert et al. 2016 и др.). Развитие методов трехмерной визуализации предполагает отношение к такому способу представления объекта не только как к иллюстративному, но и как к способу высокоточного документирования поверхностей. Обзор возможностей использования трехмерной визуализации как инструмента для проведения аналитических процедур при исследованиях археологических объектов (как портативных, так и монументальных) показывает, что 3D-моделирование становится одним из ключевых способов документирования, позволяющего ускорить и упростить процесс, повысить точность и качество проводимых исследований (Вавулин и др. 2014; Черемисин и др. 2016; Зоткина и др. 2018 и др.).

Применение методов трехмерной визуализации как средства получения более объективных сведений и свойств о форме, технологиях, рельефе объектов при условии использования специального программного обеспечения позволяет изучать некоторые свойства предмета, недоступные при визуальном анализе.

Показано, что в дополнение к традиционной двухмерной археологической документации полученные трехмерные модели могут быть использованы для измерения расстояний и более сложного морфометрического анализа, в том числе в трасологии. 3D-модели предоставляют информацию для мониторинга, исследований процессов деградации и могут быть предоставлены общественности в интернете и распечатаны или интегрированы в виртуальные 3D-сценарии.

Узким местом в документировании наскального искусства является работа в поле как деятельность, наиболее ограниченная во временных, человеческих, материальных ресурсах, а также зависимая от погодных условий и других факторов. Использование предложенной методики показывает, что даже при низком качестве съемки удастся получить достаточно точную цифровую модель, позволяет минимизировать работы, проводимые в поле, перекладывая основную работу по прорисовке петроглифов в камеральные условия с помощью цифровых технологий (см. рис. 3–5). При этом, как видно, результаты, полученные новым способом, превосходят метод ручной прорисовки.

Предложенная технология значительно ускоряет рабочий процесс по сравнению с традиционной техникой копирования, сокращает требуемый уровень знаний и предоставляет 3D-модели, которыми можно поделиться при работе в удаленном доступе или провести дальнейший анализ, например, морфометрическими методами. Изложенная совокупность методик и приемов обеспечивает построение точной модели при разном качестве съемки, данные которой способны захватывать большинство мельчайших деталей в трехмерной геометрии поверхностей горных пород. Применение специального программного обеспечения позволяет распознавать грани поверхностей трехмерных моделей и маркировать их. Результаты могут применяться в самых разных направлениях археологических исследований.

Исчерпывающий стек материалов исследования, включая первичную фотофиксацию, файлы трехмерной модели, изображения, обработанные описанными в статье графическими и топографическими фильтрами, опубликованы в файловом архиве с открытым доступом в репозитории figshare.com с DOI:10.6084/m9.figshare.7807217

Благодарности

Авторы выражают благодарность Т.Е. Ростяженко, К.Б. Жумадилову (Новосибирский государственный университет) и Р.А. Власюку за выполнение прорисовок плоскостей оленного камня в графических редакторах.

Литература

- Вавулин М.В., Зайцева О.В., Пушкарев А.А. Методика и практика 3D-сканирования разнотипных археологических артефактов // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4. С. 21–37.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Науч. мир, 2002.
- Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 107–118.
- Грязнов М.П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Искусство, 1984. Вып. 25: Материалы и исследования по археологии СССР: Контакты и взаимодействие культур Евразии. С. 76–82.
- Дашилхамаев Д.М. Оленные и сторожевые камни Забайкалья // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 60–68.
- Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2010.
- Есин Ю.Н., Магай Ж., Еруул-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж. О краске на оленных камнях Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45(3). С. 79–89. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.079-089
- Зоткина Л.В., Ковалев В.С., Шалагина А.В. Возможности и перспективы применения трехмерной визуализации как инструмента анализа в археологии // Научная визуализация. 2018. Т. 10, № 5. С. 172–190. DOI: 10.26583/sv.10.5.11

- Киуновская М.Е., Семенов В.А. Олений камень – изобразительная и мифологическая структура // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово, 1993. С. 88–103.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007. С. 99–105.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979.
- Кухарев В.В., Именохоев Н.В. Олений камень из комплекса Тамчинского дацана // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 1995. С. 112–118.
- Лбова Л.В. Отчет об археологическом обследовании исторических памятников Верхнеудинского острога и Гусиноозерского дацана (г. Улан-Удэ, Селенгинский район Республики Бурятия). Улан-Удэ, 1988 (Архив в ИА РАН, Ф-1, Р-1, №13063).
- Миклашевич Е.А. Изображения на курганных плитах и стелах Хакасии (некоторые проблемы изучения и музеефикации) // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII. С. 214–232.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1970. Ч. 2.
- Ольховский В.С. Оленные камни (к семантике образа) // Советская археология. 1989. № 1. С. 48–62.
- Потанин Г.Н. Известия ВСОРГО (протокол заседания отдела этнографии от 31 января 1889 г.). Т. XX, № 3. С. 77.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994.
- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002.
- Сокровища культуры Бурятии. СПб., 2002.
- Тамчинский дацан: фотоальбом / И.Г. Васильева, Е.П. Михалева. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2015.
- Тиваненко А.В. Оленные камни Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 1995. С. 102–111.
- Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013а. № 1 (7). С. 73–90.
- Тишкин А.А. Оленные камни Центральной Азии и изображения на них: обзор существующих интерпретаций и новые открытия // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск: Наука, 2013б. С. 222–228.
- Хороших П.П. Олений камень из Забайкалья // Советская археология. 1962. № 3. С. 291–292.
- Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 136–162.
- Цыбиктаров А.Д. Херексуры Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 38–47.
- Цыбиктаров А.Д. Оленные камни монголо-забайкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2000. Т. 1. С. 98–102.
- Цыбиктаров А.Д. Оленные камни и культура плиточных могил // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII междунар. науч. конф.: в 2 т. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. Т. 2. С. 294–301.

- Черемисин Д.В., Казаков В.В., Ковалев В.С., Жумадилов К.Б. 3D-моделирование наскальных рисунков Алтая с помощью трехмерного сканирования и фотограмметрии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 466–469.
- Черемисин Д.В., Казаков В.В., Ковалев В.С., Жумадилов К.Б. Трехмерное сканирование наскальных рисунков Алтая в технике гравировки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 449–453.
- Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск: Наука, 1984.
- Чугунов К.В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 109–113.
- Canny J. A computational approach to edge detection // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. 1986. № 8. P. 679–698.
- Carrero-Pazos M., Espinosa D. Tailoring 3D modelling techniques for epigraphic texts restitution. Case studies in deteriorated roman inscriptions // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. 2018. № 9. P. 1–12.
- Carrero-Pazos M., Vázquez-Martínez A., Vilas-Estévez B. AsTrend: towards a new method for the study of ancient carvings // Journal of Archaeological Science: Reports. 2016. № 9. P. 105–119.
- Davies E.R. Computer and machine vision: theory, algorithms, practicalities. (4th Ed), Academic Press, 2012.
- Díaz-Guardamino M., García Sanjuán L., Wheatley D., Rodríguez Zamora V. RTI and the study of engraved rock art: a re-examination of the Iberian south-western stelae of Setefilla and Almadén de la Plata 2 (Seville, Spain) // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. 2015. № 2. P. 41–45.
- Earl G.P., Martínez K., Malzbender T. Archaeological applications of polynomial texture mapping: analysis, conservation and representation // Journal of Archaeological Science. 2010. № 37. P. 2040–2050.
- Jebara T., Azarbayejani A., Pentland A. 3D structure from 2D motion // IEEE Signal Processing Magazine. 1999. № 16 (3). P. 66–84.
- Kokalj Ž., Zakšek K., Oštir K. Application of Sky-View Factor for the Visualization of Historic Landscape Features in Lidar-Derived Relief Models // Antiquity. 2011. № 85 (327). P. 263–273.
- Mara, H., Kromker, S. Vectorization of 3D-characters by integral invariant filtering of high-resolution triangular meshes // Proceedings of the International Conference on Document Analysis and Recognition. ICDAR, 2013.
- Manay S., Cremers D., Hong B.-W., Yezzi A.J., and Soatto S. Integral Invariants for Shape Matching // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. 2006. № 28(10). P. 1602–1616.
- Miller G.S.P. Efficient algorithms for local and global accessibility shading // Proceedings of the 21st Annual Conference on Computer Graphics and Interactive Techniques. ACM, SIGGRAPH, 1994. P. 319–326.
- Monna F., Esin Yu., Magail J., Granjon L., Navarro N., Wilczek J., Saligny L., Couette S., Dumontet A., Chateau C. Documenting carved stones by 3D modelling – Example of Mongolian deer stones // Journal of Cultural Heritage. 2018. № 34. P. 116–128.
- Robert E., Petrognani S., Lesvignes E. Application of digital photography in the study of Paleolithic cave art // Journal of Archaeological Science: Reports. 2016. № 10. P. 847–858.
- Štular B., Kokalj Ž., Oštir K., Nuninger L. Visualization of LiDAR-derived relief models for detection of archaeological features // Journal of Archaeological Science. 2012. № 39 (11). P. 3354–3360.

- Takahama S., Hayashi T., Kawamata M., Matsubara, Erdenebaatar D. Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig (R.Uushigiin Övör) in Mongolia. Kanazawa University, 2006.
- Turbat T., Bayarsaikhan J., Batsukh D., Bayarkhuu N. Deer stones of the Jargalantyn Am // Mongolian Tangible Heritage Association NGO. Ulaanbaatar, 2011.
- Vergne R., Pacanowski R., Barla P., Granier X., Shlick C. Radiance scaling for versatile surface enhancement // I3D '10 Proceedings of the 2010 ACM SIGGRAPH Symposium on Interactive 3D Graphics and Games. ACM New York, NY, USA, 2010. P. 143–150.
- Yokoyama R., Shirasawa M., Pike R.J. Visualizing topography by openness: A new application of image processing to digital elevation models // Photogrammetric Engineering and Remote Sensing. 2002. № 68. P. 257–265.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2019 г.

Kazakov Vladislav V., Simukhin Aleksandr I., Kovalev Vasiliy S., Marnuev Pavel E., Namsaraev Dashinima V., and Lbova Lyudmila V.

THE TAMCHINSKIY DEER STONE: DOCUMENTING MEGALITHIC OBJECTS*

DOI: 10.17223/2312461X/25/8

Abstract. Through the example of the Tamchinskiy deer stone in the Transbaikal region, the article describes a photogrammetry-based methodology for documenting steles with reliefs, and offers a full description of the Tamchinskiy monument, including stylistic features of the carved images on its planes. The method of indoors semi-automatic digital image construction used in topography has been tested. The approach consists in 3D-modelling of an object using SfM-photogrammetry and creating a DEM-model of the object's surfaces, consistently applying SLRM and Canny Edge Detection algorithms for image production. The digital images obtained in this way allow specification of visual details and are used to produce final images, which, due to orthonormal images used as the source layer, do not exhibit any geometric distortions, a result difficult to achieve with other image drawing techniques. This methodology is highly accurate and non-invasive and allows creation of digital models that help solve subsequent research tasks, such as object dating, creating images, as well as measuring distances, depth, and shape of any marks left by tools with which images were made; it also enables morphometric analysis. Such 3D models can provide information for monitoring purposes and for research on degradation processes, and can be made available to the public on the Internet, printed out, or integrated into virtual 3D scenes.

Keywords: documentation of archaeological objects, photogrammetry, deer stone, relief, Mongolia and Transbaikal region

* The work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 18-78-10079, titled: 'Developing technologies and information systems for documenting and exchanging archaeological data').

References

- Vavulin M.V., Zaitseva O.V. Pushkarev A.A. Metodika i praktika 3D-skanirovaniia raznotipnykh arheologicheskikh artefaktov [3D scanning techniques and practices used for different types of archaeological artifacts], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2014, no. 4, pp. 21–37.
- Volkov V.V. *Olennye kamni Mongolii* [The deer stones of Mongolia]. Ulan-Bator: Izd-vo AN MNR, 1981.

- Volkov V.V. *Olennye kamni Mongolii* [The deer stones of Mongolia]. Moscow: Nauch. mir, 2002.
- Gurya E.Iu., Devlet E.G. Nekotorye rezul'taty razrabotki metodiki izuchenii tekhniki vypolneniia petroglifov piktazhem [Some notes on a methodological approach to analysing rock art technology], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2010, no. 1(26), pp. 107–118.
- Griaznov M.P. O monumental'nom iskusstve na zare skifo-sibirskikh kul'tur v stepnoi Azii [On monumental art at the outset of Scythian-Siberian cultures in steppe Asia]. In: *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The archaeological collection of the State Hermitage Museum]. Leningrad: Iskusstvo, 1984. Vol. 25, pp. 76–82.
- Dashilkhamaev D.M. Olennye i storozhevy kamni Zabaikal'ia [Deer stones and sentry stones in the Transbaikalian region], *Gumanitarnyi vector*, 2012, no. 2(30), pp. 60–68.
- Esin Iu.N. *Taina bogov drevnei stepi* [The mystery of the ancient steppe's gods]. Abakan: Khakasskii nauchno-issledovatel'skii institut iazyka, literatury i istorii, 2010.
- Esin Iu.N., Magai Zh., Eruul-Erdene Ch., Gantulga Zh. O kraske na olennykh kamniakh Mongolii [Paint on the deer stones of Mongolia], *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2017, Vol. 45(3), pp. 79–89. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.079-089
- Zotkina L.V., Kovalev V.S., Shalagina A.V. Vozmozhnosti i perspektivy primeneniia trekhmernoi vizualizatsii kak instrumenta analiza v arkheologii [Possibilities and prospects of using three-dimensional visualisation as an analysis tool in archaeology], *Nauchnaia vizualizatsiia*, 2018, Vol. 10, no. 5, pp. 172–190. DOI: 10.26583/sv.10.5.11
- Kilunovskaia M.E., Semenov V.I. Olennyi kamen' -izobrazitel'naia i mifologicheskaiia struktura [The deer stone as a visual and mythological structure]. In: *Sovremennye problemy izucheniia petroglifov* [Contemporary issues in the study of petroglyphs]. Kemerovo, 1993, pp. 88–103.
- Kovalev A.A., Erdenebaatar D. Dve traditsii ritual'nogo ispol'zovaniia olennykh kamnei Mongolii [Two traditions of the ritual use of deer stones in Mongolia]. In: *Kamennaia skulptura i melkaia plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [Stone sculpture and small sculpture of the ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Azbuka, 2007, pp. 99–105.
- Kubarev V.D. *Drevnie izvaianiia Altaia (olennye kamni)* [The ancient sculptures of Altai (deer stones)]. Novosibirsk: Nauka, 1979.
- Kukharev V.V., Imenokhoev N.V. Olennyi kamen' iz kompleksa Tamchinskogo datsana [The deer stone from the Tamchinskiy datsan]. In: *Kul'tury i pamiatniki bronzovogo i rannego zhelez'nogo vekov Zabaikal'ia i Mongolii. Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Cultures and monuments of the Bronze and Early Iron period in the Transbaikalian region and Mongolia. International conference proceedings]. Ulan-Ude, 1995, pp. 112–118.
- Lbova L.V. *Otchet ob arkheologicheskoi obsledovanii istoricheskikh pamiatnikov Verkhneudinskogo ostroma i Gusinozerskogo datsana (g. Ulan-Ude, Selenginskii raion Respubliki Buriatii)* [Report on an archaeological study of the historical monuments of Verkhneudinskii ostrog and Gusinozerskiy datsan (the city of Ulan-Ude, Selenginskii area of the Republic of Buryatia)]. Ulan-Ude, 1988 (Archive of the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences. F-1, R-1, №13063).
- Miklashevich E.A. Izobrazheniia na kurgannykh plitakh i stelakh Khakasii (nekotorye problemy izucheniia i muzeifikatsii) [Images on burial ground stones and steles in Khakassia (some issues in research and museumification)]. In: *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii* [Ancient art in archaeology]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, Is. VII, pp. 214–232.
- Novgorodova E.A. *Drevniaia Mongoliia* [Ancient Mongolia]. Moscow: Nauka, 1989.
- Okladnikov A.P., Zaporozhskaiia V.D. *Petroglify Zabaikal'ia* [The Transbaikalian petroglyphs]. Leningrad: Nauka, 1970. Book 2.
- Ol'khovskii V.S. Olennye kamni (k semantike obraza) [The deer stone. Toward the semantics of the image], *Sovetskaiia arkheologiya*, 1989, no. 1, pp. 48–62.

- Potantin G.N. *Izvestiia VSORGO (protokol zasedaniia otдела etnografii ot 31 ianvaria 1889 g.)* [VSORGO Newsletter (Protocol of the meeting of the Department of Ethnography dated 31 January 1889)]. Vol. XX, no. 3, pp. 77.
- Savinov D.G. *Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii* [Deer stones in the culture of Eurasian nomads]. St. Petersburg: Izd-vo Sankt- Peterb. unta, 1994.
- Savinov D.G. *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseia. Arkheologicheskie kul'tury i kul'turo-genez* [Early nomads in the Upper Yenisei region. Archaeological cultures and cultural genesis]. St. Petersburg: SPbGU, 2002.
- Sokrovishcha kul'tury Buriatii* [Cultural treasures of Buryatia]. St. Petersburg, 2002.
- Tamchinskii datsan: fotoal'bom* [The Tamchinskiy datsan: a photo album]. Eds. I.G. Vasil'eva, E.P. Mikhaleva. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2015.
- Tivanenko A.V. Olennye kamni Zabaikal'ia [The Transbaikalian deer stones]. In: *Kul'tury i pamiatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaikal'ia i Mongolii: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Cultures and monuments of the Bronze and Early Iron period in the Transbaikalian region and Mongolia: International conference proceedings]. Ulan-Ude, 1995, pp. 102–111.
- Tishkin A.A. Vyavlenie, dokumentirovanie i izuchenie «olennykh» kamnei v doline Buianta (Mongol'skii Altai) [Identifying, documenting and studying 'deer' stones in the Buyant Valley (Mongolian Altai)]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2013a, no. 1(7), pp. 73–90.
- Tishkin A.A. Olennye kamni Tsentral'noi Azii i izobrazheniia na nikh: obzor sushchestvuiushchikh interpretatsii i novye otkrytiia [The deer stones of Central Asia and images on them: an overview of existing interpretations and new perspectives]. In: *Tvorchestvo v arkheologicheskom i etnograficheskom izmerenii* [Art in archaeological and ethnographic dimensions]. Omsk: Nauka, 2013b, pp. 222–228.
- Khoroshikh P.P. Olennyi kamen' iz Zabaikal'ia [The deer stone from Transbaikalia]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1962, no. 3, pp. 291–292.
- Khudiakov Iu.S. Khereksury i olennye kamni [Kereksurs and deer stones]. In: *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Mongolii* [The archaeology, ethnography and anthropology of Mongolia]. Novosibirsk, 1987, pp. 136–162.
- Tsybiktarov A.D. Khereksury Buriatii, Severnoi i Tsentral'noi Mongolii [The kereksurs of Buryatia and North and Central Mongolia]. In: *Kul'tury i pamiatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaikal'ia i Mongolii* [Cultures and monuments of the Bronze and Early Iron period in the Transbaikalian region and Mongolia]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 1995, pp. 38–47.
- Tsybiktarov A.D. Olennye kamni mongolo-zabaikal'skogo tipa kak istochniki po izucheniiu vzaimootnoshenii drevnikh skotovodov Tsentral'noi Azii epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza [Deer stones of the Mongolian-Transbaikalian type as historical sources on ancient herders in Central Asia during the Late Bronze and Early Iron period]. In: *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsii Tsentral'noi Azii: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Issues of the history and culture of nomad civilisations in Central Asia: International research conference proceedings]. Ulan-Ude, 2000, Vol. 1, pp. 98–102.
- Tsybiktarov A.D. Olennye kamni i kul'tura plitochnykh mogil [Deer stones and the slab grave culture]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaia: mat-ly VII mezhdunar. nauch. konf.: v 2 t. T. 2* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: Proceedings of the 8th International research conference: volume 2]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2016, pp. 294–301.
- Cheremisin D.V., Kazakov V.V., Kovalev V.S., Zhumadilov K.B. 3D modelirovanie naskal'nykh risunkov Altaia s pomoshch'iu trekhmernogo skanirovaniia i fotogrammetrii [3D modelling of Altai rock drawings via three-dimensional scanning and photogrammetry]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Issues of the archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2016, Vol. XXII, pp. 466–469.

- Cheremisin D.V., Kazakov V.V., Kovalev V.S., Zhumadilov K.B. Trekhmernoe skanirovanie naskal'nykh risunkov Altaia v tekhnike gravirovki [3-Dimensional Scanning of Engraved Rock Representations in the Altai]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2017, Vol. XXIII, pp. 449-453.
- Chlenova N.L. *Olennye kamni kak istoricheskii istochnik (na primere olennykh kamnei Severnogo Kavkaza)* [Deer stones as a historical source: the case of the deer stones of the Northern Caucuses]. Novosibirsk: Nauka, 1984.
- Chugunov K.V. Olennye kamni i stely v kontekste elitnykh kompleksov Saiano-Altaia [Deer stones and steles in the elite complexes of the Sayano-Altai region]. In: *Kamennaya skulptura i melkaya plastika drevnykh i srednevekovykh narodov Evrazii* [Stone sculpture and small sculpture of the ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul, 2007, pp. 109-113.
- Canny J. A computational approach to edge detection, *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, 1986, no. 8, pp. 679-698.
- Carrero-Pazos M., Espinosa D. Tailoring 3D modelling techniques for epigraphic texts restitution. Case studies in deteriorated roman inscriptions, *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, 2018, no. 9, pp. 1-12
- Carrero-Pazos M., Vázquez-Martínez A., Vilas-Estévez B. AsTrend: towards a new method for the study of ancient carvings, *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2016, no. 9, pp. 105-119.
- Davies E.R. *Computer and machine vision: theory, algorithms, practicalities*. (4th Ed), Academic Press, 2012.
- Díaz-Guardamino M., García Sanjuán L., Wheatley D., Rodríguez Zamora V. RTI and the study of engraved rock art: a re-examination of the Iberian south-western stelae of Setefilla and Almadén de la Plata 2 (Seville, Spain), *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, 2015, no. 2, pp. 41-45.
- Earl G.P., Martínez K., Malzbender T. Archaeological applications of polynomial texture mapping: analysis, conservation and representation, *Journal of Archaeological Science*, 2010, no. 37, pp. 2040-2050.
- Jebara T., Azarbayejani A., Pentland A. 3D structure from 2D motion, *IEEE Signal Processing Magazine*, 1999, no. 16(3), pp. 66-84.
- Kokalj Ž., Zakšek K., Oštir K. Application of Sky-View Factor for the Visualization of Historic Landscape Features in Lidar-Derived Relief Models, *Antiquity*, 2011, no. 85(327), pp. 263-273.
- Mara, H., Kromker, S. Vectorization of 3D-characters by integral invariant filtering of high-resolution triangular meshes. In: *Proceedings of the International Conference on Document Analysis and Recognition*, ICDAR, 2013.
- Manay S., Cremers D., Hong B.-W., Yezzi A. J., and Soatto S. Integral Invariants for Shape Matching, *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, 2006, no. 28(10), pp. 1602-1616.
- Miller G.S.P. Efficient algorithms for local and global accessibility shading. In: *Proceedings of the 21st Annual Conference on Computer Graphics and Interactive Techniques*, ACM, SIGGRAPH, 1994, pp. 319-326.
- Monna F., Esin Yu., Magail J., Granjon L., Navarro N., Wilczek J., Saligny L., Couette S., Dumontet A., Chateau C. Documenting carved stones by 3D modelling – Example of Mongolian deer stones, *Journal of Cultural Heritage*, 2018, no. 34, pp. 116-128.
- Robert E., Petrognani S., Lesvignes E. Application of digital photography in the study of Paleolithic cave art, *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2016, no. 10, pp. 847-858.
- Štular B., Kokalj Ž., Oštir K., Nuninger L. Visualization of LiDAR-derived relief models for detection of archaeological features, *Journal of Archaeological Science*, 2012, no. 39(11), pp. 3354-3360.

- Takahama S., Hayashi T., Kawamata M., Matsubara, Erdenebaatar D. *Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig (R.Uushigiin Övör) in Mongolia*, Kanazawa University, 2006.
- Turbat T., Bayarsaikhan J., Batsukh D., Bayarkhuu N. *Deer stones of the Jargalantyn Am*. Mongolian Tangible Heritage Association NGO. Ulaanbaatar, 2011.
- Vergne R., Pacanowski R., Barla P., Granier X., Shlick C. Radiance scaling for versatile surface enhancement. In: *I3D '10 Proceedings of the 2010 ACM SIGGRAPH Symposium on Interactive 3D Graphics and Games*, ACM New York, NY, USA, 2010, pp. 143-150.
- Yokoyama R., Shlrasawa M., Pike R. J. Visualizing topography by openness: A new application of image processing to digital elevation models, *Photogrammetric Engineering and Remote Sensing*, 2002, no. 68, pp. 257–265.

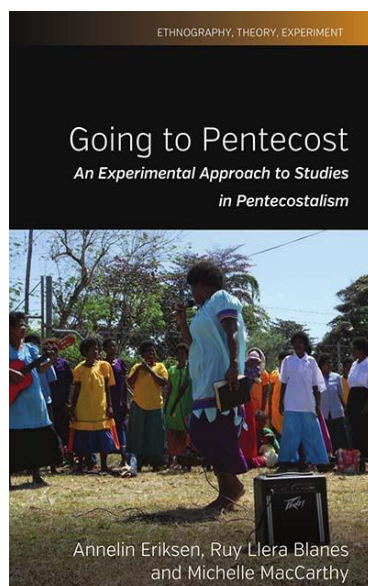
РЕЦЕНЗИИ

УДК 316:572

DOI: 10.17223/2312461X/25/9

КАК ИЗУЧАТЬ ГЛОБАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ?

Eriksen Annelin, Blanes Ruy Llera,
MacCarthy Michelle. *Going to
Pentecost: An Experimental Approach
To Studies In Pentecostalism*.
Berghahn Books, 2019. 238 p.
ISBN 978-1-78920-140-6*

Вторая половина XX в. ознаменовалась, помимо прочего, впечатляющим ростом числа последователей пятидесятнических и харизматических церквей по всему миру (Robbins 2014: 161). Такое стремительное увеличение числа верующих заставило усомниться в идее о роли религии в обществе как неизбежно все менее значительной. В том числе и антропологи на стыке текущего и прошлого веков обратили особое внимание на христианство. Рецензируемая книга Аннелин Эриксен, Руй Бланес и Мишель МакКарти *Going to Pentecost: An Experimental Approach To Studies In Pentecostalism* пытается найти новые подходы в антропологическом изучении глобальных религиозных движений. Книга

* Книга находится в открытом доступе на сайте издательства.

издана в рамках серии *Ethnography, Theory, Experiment*, задача которой заключается в переосмыслении основ этнографии как метода в социальных науках. Все авторы – антропологи, имеющие опыт исследований (в том числе совместных) таких феноменов, как гендер, урбанизация, колдовство в контексте стремительно распространившихся в регионах «Глобального Юга» пятидесятничества и харизматического христианства (Eriksen, MacCarthy 2016: 139–148; Pentecostalism... 2017).

Книга состоит из четырех частей и двенадцати глав. Первая часть – вводная, вторая представляет собой собранный в «полях» (Ангола, Вануату, Папуа-Новая Гвинея) и тематически разделенный этнографический материал, третья – теоретическое осмысление представленных данных, а четвертая – комментарии экспертов, каждый по определенной микротеме. Интересен «вертикальный» вариант чтения книги, который предлагают авторы (с. 42) – не в привычном порядке, страница за страницей, а как бы сквозь, выстраивая порядок чтения по темам: от этнографического описания через теоретические рассуждения к комментарию приглашенного антрополога. Все главы, кроме комментариев в четвертой части, не имеют указанного авторства. Однако сопоставив преобладающее в главе этнографическое описание и региональную специализацию авторов, можно догадаться о написавшем большую часть текста человеке. Как правило, региональный фокус совпадает и с теоретическим.

Авторы определяют два главных направления своего исследования: выработка нового понимания метода сравнения в социальной антропологии и поиск неизбитых подходов к изучению глобальных религиозных движений. Эриксен, Бланес и МакКарти позиционируют свой труд не просто как сравнительное исследование пятидесятничества в Меланезии и Африке с фокусом на исцелениях, экономике и городской социальности (*urban sociality*), а как содержащий экспериментальный подход. Что же экспериментального видят авторы в своей работе? Во введении ясно указаны три цели, которые должны быть достигнуты, а именно: выход за пределы региональной (или территориальной) методологии в антропологическом понимании религии; изучение религиозных движений в холистическом ключе; переосмысление антропологических способов связывания контекстов, т.е. сравнения (с. 6). Думаю, что проблема привязанности антропологии к территории как контексту особенно актуальна при изучении таких глобальных религиозных течений, как пятидесятничество и харизматическое христианство, которые всегда приходят «извне», но при этом закрепляются в данном сообществе. Как отмечают авторы (с. 6–7), обычно исследователи фокусируются на оппозиции глобального и локального, однако Эриксен, Бланес и МакКарти предлагают другую оппозицию – территориальное / нетерриториальное. Утверждая, со ссылкой на Оливье Руа (с. 3), что религия в современности больше не территориальна, они предлагают сосредото-

точиться на едином, но не территориальном, поле. В этом и состоит главный аспект «экспериментальности» данной книги. Эриксен, Бланес и МакКарти создают аналитическую конструкцию – место-контекст для своего исследования – *Pentecost*. Это нововведение позволяет авторам воспринимать рассматриваемые в книге локации как одно «поле», обращая внимание на нетерриториальные черты пятидесятничества. Они противопоставляют *Pentecost* не только «местам» в региональном смысле, но и отдельным религиозным организациям, нарекая действие Святого Духа определяющей чертой (объяснительной конструкцией) повседневной жизни людей. Другими словами, авторы в аналитических целях принимают точку зрения пятидесятников: «внутри» *Pentecost* Святой Дух воздействует на все, в том числе и на «неверующих» (с. 9). В качестве цели эксперимента указывается не только пересмотр устоявшихся традиций в науке, но и приближение к точке зрения самих верующих, для которых мир, согласно авторам, прежде всего не столько местный (например, тробрианский), сколько определенный этой религией (*pentecostalized*) (с. 12–13).

Таким образом, введенный в обращение концепт единого поля должен не только способствовать решению проблемы лучшего понимания мировоззрения верующих-пятидесятников или членов какого-либо другого глобального религиозного движения, но и переосмыслить понятия места и поля в антропологии вообще. Такое стремление соответствует духу ряда классических работ 1980–1990 гг. и последующего времени (Writing Culture 1986; Appadurai 1988; Gupta, Ferguson 1997), пересматривающих основы дисциплины и, в частности, жесткую связь между регионом и якобы содержащейся в нем определенной цельной культурной «сущностью».

В стремлении обнаружить в пятидесятничестве общие нетерриториальные черты авторы разбивают вторую, этнографическую, часть книги на три главы, центральными темами которых стали понятие и роль границ в *Pentecost*, пересмотр отношения верующих к жизни и смерти и антирелятивистская направленность (стремление каждой отдельной церкви провозгласить «истинными» только ею декларируемые нормы) этого течения христианства. Такое деление отражает, по мнению авторов, главные отличительные черты пятидесятничества. В третьей части книги эти же темы рассматриваются подробнее в теоретическом ключе. После прочтения введения читатели могут ожидать последовательного описания единого поля и раскрытия каждой из черт во всех трех локациях. Также и в построении текста восприятию *Pentecost* как действительно целостного поля способствует то, что авторы никогда (после обозначенной во введении позиции) прямым названием не акцентируют на этом единстве внимание, но рассказывают о жизни, определяемой Святым Духом в трех географически разных местах, как о сравнимых явлениях одного порядка. Однако, как

мне кажется, есть один момент, который позволяет усомниться в существовании *Pentecost* как единого пространства-места исследования. Дело в том, что внимание регионам в главах уделено не равнозначно: в первой главе о границах мы заметим преобладание этнографии Вануату, в меньшей степени освещена Ангола, совсем малое место занимает описание ситуации на Тробрианских островах; во второй главе абсолютно преобладает меланезийский контекст; в третьей – ангольский. Непропорциональное распределение внимания в данном случае выглядит так, будто авторы в одной локации с трудом находят что-то похожее на происходящее в двух других. Так, переосмысление отношения к понятиям «жизнь» и «смерть» очень ярко и подробно показано в тробрианской среде через радикальное изменение практики посмертного родового обмена *sagali*; при ознакомлении с ангольским контекстом читатели будут довольствоваться общими словами о снижении значения похорон для членов токоистской церкви и парой примеров менее сочувственного, чем было принято раньше, отношения к умершему.

Некоторые сомнения вызывает гипотеза авторов, что *Pentecost* можно найти только на «Глобальном Юге» (с. 23–24) – она не выглядит достаточно обоснованной и больше походит на оправдание включения в книгу материалов только из соответствующих регионов. Тем более это смотрится странным на фоне троекратного упоминания в книге церкви «Виноградник» из Калифорнии (с. 11, 125, 129). На мой взгляд, такое радикальное ограничение местопребывания *Pentecost* только на «Глобальном Юге» противоречит самим же авторам, утверждавшим нетерриториальный, хотя и локальный, характер этого концепта. Конечно, наиболее интенсивно пятидесятнические и харизматические церкви растут и завоевывают место в обществе именно на «Глобальном Юге» (Robbins 2010: 159), но при указанном подходе к *Pentecost* нет оснований исключать вообще никакие общины подобного рода. Можно вспомнить о немалом присутствии подобных церквей и в Северной Америке, и в Скандинавии, в России и Украине (Filatov 2000; European Pentecostalism 2011).

В целом рецензируемая книга может быть интересна исследователям, которые используют этнографию как метод, но особенно антропологам и антропологам религии и христианства в частности. Эриксен, Бланес и МакКарти удалось поднять вопрос о переосмыслении исследовательских традиций в антропологии, и прежде всего о понимании места-контекста в полевой и постполевой аналитической работе. Идея сконструированного «места» *Pentecost* не предполагает полного разрушения «исконной» привязанности антропологии к конкретному географическому полю, а лишь раскрывает новые возможности для анализа. Особенно такое переосмысление может быть применимо к исследованиям глобальных религиозных движений, где уровни глобального и локального тесно переплетены и требуют, видимо, нового, неклассиче-

ского, нетерриториального подхода. Книга сильна и своим эмпирическим материалом, фиксирующим масштабные изменения в религиозном ландшафте Анголы, Вануату и Тробрианских островов начала XXI в., с особым акцентом на урбанизированной местности. Но остаются и вопросы, на которые в рецензируемом труде не нашлось ясных ответов. Прежде всего, непонятно, почему авторы настаивают на ограниченности *Pentecost* географией «Глобального Юга», тем более что было заявлено о внетерриториальности этого концепта. Также видим мы и диспропорциональное использование полевых данных в сопряженных с теоретическими построениями главах. Однако главная, экспериментальная цель данного труда, – попытка переосмысления методологических основ полевого исследования, – безусловно, достигнута. ***Going to Pentecost: An Experimental Approach To Studies In Pentecostalism*** разрешает и ряд задач, поставленных одним из основателей направления антропологии христианства Дж. Роббинсом (Robbins 2003: 192–193): налаживание общения антропологов христианства, занимающихся разными регионами; поиск адекватного принципа сравнения и сведение категории христианства или отдельной деноминации к общему основанию внутри дисциплины.

Литература

- Appadurai A.* Place and Voice in Anthropological Theory // *Cultural Anthropology*. 1988. Vol. 3, № 1. P. 16–20.
- Eriksen A., MacCarthy M.* Introduction to Special Issue of TAJA: Gender and Christianity in Melanesia: Towards a Unified analysis // *The Australian Journal of Anthropology*. 2016. Vol. 27:2. P. 139–148.
- European Pentecostalism / ed. by William K. Kay, Anne E. Dyer. Brill, 2011.
- Filatov S.* Protestantism in Postsoviet Russia: An Unacknowledged Triumph // *Religion, State & Society*. 2000. Vol. 28, № 1. P. 93–103. DOI: 10.1080/713694744
- Gupta A., Ferguson J.* Discipline and Practice: “The Field” as Site, Method, and Location in Anthropology // *Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science* / ed. by A. Gupta, J. Ferguson. University of California Press, 1997. P. 1–46.
- Pentecostalism and Witchcraft: Spiritual Warfare in Africa and Melanesia* / ed. by K. Rio, R. Blanes, M. MacCarthy. Palgrave Macmillan, 2017.
- Robbins J.* Introduction to the Symposium What is a Christian? Notes toward an anthropology of Christianity // *Religion*. 2003. Vol. 33. P. 191–199.
- Robbins J.* Anthropology of Religion // *Studying Global Pentecostalism: theories and methods* / ed. by A. Anderson, M. Begrunder, A. Droogers, C. van der Laan. University of California Press, 2010. P. 156–178.
- Robbins J.* The Anthropology of Christianity: Unity, Diversity, New Directions. An Introduction to Supplement 10 // *Current Anthropology*. 2014. Vol. 55, № S.10. P. 157–171. DOI: 10.1086/678289
- Writing Culture: The Politics and Poetics of Ethnography* / ed. by J. Clifford, G.E. Marcus. University of California Press, 1986.

А.А. Пушин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Рецензия поступила в редакцию 19 июля 2019 г.

Pushin Artem A., Lomonosov Moscow State University (Moscow)

HOW TO STUDY GLOBAL RELIGIOUS MOVEMENTS?

Review of Eriksen A., Blanes R.L., MacCarthy M. *Going to Pentecost: An Experimental Approach to Studies in Pentecostalism*. Berghahn Books, 2019. 238 p. ISBN 978-1-78920-140-6

References

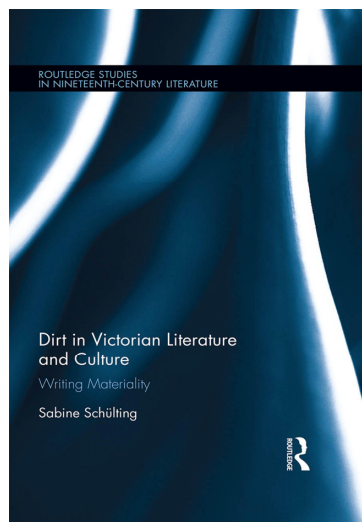
- Appadurai A. Place and Voice in Anthropological Theory, *Cultural Anthropology*, 1988, Vol. 3, no. 1, pp. 16-20.
- Eriksen A., MacCarthy M. Introduction to Special Issue of TAJA: Gender and Christianity in Melanesia: Towards a Unified analysis, *The Australian Journal of Anthropology*, 2016, Vol. 27:2, pp. 139-148.
- European Pentecostalism*. Ed. By William K. Kay and Anne E. Dyer. Brill, 2011
- Filatov S. Protestantism in Postsoviet Russia: An Unacknowledged Triumph, *Religion, State & Society*, 2000, Vol. 28, no. 1, pp. 93-103. doi.org/10.1080/713694744
- Gupta A., Ferguson J. Discipline and Practice: "The Field" as Site, Method, and Location in Anthropology. In: *Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science*. Ed. By A. Gupta and J. Ferguson. University of California Press, 1997, pp. 1-46.
- Pentecostalism and Witchcraft: Spiritual Warfare in Africa and Melanesia*. Ed. by Knut Rio, Ruy Blanes and Michelle MacCarthy. Palgrave Macmillan, 2017.
- Robbins J. Introduction to the Symposium What is a Christian? Notes toward an anthropology of Christianity, *Religion*, 2003, Vol. 33, pp. 191-199.
- Robbins J. Anthropology of Religion. In: *Studying Global Pentecostalism: theories and methods*. Ed. by Allan Anderson, Michael Begrunder, Andre Droogers, Cornelis van der Laan. University of California Press, 2010, pp. 156-178.
- Robbins J. The Anthropology of Christianity: Unity, Diversity, New Directions. An Introduction to Supplement 10, *Current Anthropology*, 2014, Vol. 55, no. S.10, pp. 157-171. DOI: 10.1086/678289
- Writing Culture: The Politics and Poetics of Ethnography* / Ed. By James Clifford and George E. Marcus. University of California Press, 1986.

УДК 316.72"18"

DOI: 10.17223/2312461X/25/10

КУЛЬТУРНАЯ БИОГРАФИЯ ВИКТОРИАНСКОЙ ГЯЗИ

Schülting Sabine. *Dirt in Victorian Literature and Culture: Writing Materiality*. New York and London: Routledge, 2016. 204 p.
ISBN13 9780367175719

С конца прошлого столетия значительно возрос интерес к изучению материальной культуры, и викторианская эпоха с ее развитием массовой продукции и индустриальной революцией становится одним из самых популярных периодов (Pykett 2003). Предметом исследования профессора Свободного университета Берлина, филолога Забине Шюльтинг становится феномен грязи в художественной и документальной урбанистической литературе викторианской эпохи, а целью – исследование специфики викторианских нарративов о грязи, которые подвергаются значительным дискурсивным и эстетическим изменениям ближе к концу XIX столетия. При этом каждая глава посвящена отдельному сюжету, и книга, скорее, напоминает сборник статей, принадлежащих одному автору, а не монографию. Впрочем, текст глав отличается четкая структура, Шюльтинг в каждом случае проговаривает задачи, которые она ставит перед собой, что вкупе с легким стилем делает чтение книги очень комфортным.

Анализ репрезентации материальной культуры в викторианских текстах, охарактеризованных сложными способами взаимодействия акторов с самыми разнообразными формами материальных объектов,

требует применения трансдисциплинарного подхода, что блестяще демонстрирует автор рассматриваемого труда. Шюльтинг указывает, что в качестве основного метода будет использовать семиотический анализ, дополненный методами исследований материальности (material culture studies), под которыми понимается уход от антропоцентрической перспективы в социальных практиках, которая частично заменяется на интерес к интеракции человеческих и нечеловеческих субъектов. В качестве компонентов своего метода она отмечает акторно-сетевую теорию, делезианскую философию, перформативность и идеи постгуманизма.

Ссылаясь на Арджуна Аппадурая, Шюльтинг задается вопросом, существует ли потенциал нарратива у грязи, может ли она иметь свою биографию. В тексте, однако, не упомянут Игорь Копытофф, который фактически является автором термина «культурная биография вещей» (cultural biography of things) (Kopytoff 1986). Шюльтинг, по-видимому, не замечает, что этот популярный термин на самом деле не авторство Аппадурая. Существует разница между подходом Аппадурая, «социальной историей вещей» (social history of things), и их культурной биографией: «...в культурной биографии прослеживается история определенного объекта со сменяющимся контекстом на каждой стадии его существования. Социальная история вещей фокусируется на широкомасштабной динамике спроса, предложения и значения целого класса объектов и их изменения со временем» (Orser 1992: 98).

В качестве научной гипотезы к первой главе автор рассматривает идею о том, что увлечение утилизацией в рассматриваемый период не формирует контр-дискурс к логике товарного фетишизма, а, напротив, является продуктом викторианской «культуры вещей» (Victorian thing culture), в рамках которой фетишизировались не только товары, но и повседневные вещи (см. подробнее: Freedgood 2006). Первой репрезентацией этой культуры Шюльтинг считает всемирную выставку в Хрустальном дворце (1851), богато каталогизированную. В том же году выходит первый том «Рабочих и бедных Лондона» Генри Мэйхью, который также можно рассматривать как своеобразный каталог жизни низших классов Лондона. И его, и произведения Чарльза Диккенса автор предлагает анализировать в качестве дискурсивных эффектов культуры, заикленной на материальных объектах. Интересно, что для анализа «Рабочих и бедных Лондона» Генри Мэйхью Шюльтинг использует знаменитую «теорию о мусоре» (Rubbish Theory) Майкла Томпсона, которая долгое время незаслуженно находилась в тени идей Аппадурая. Майкл Томпсон выделяет три категории вещей: «кратковременные» (transient), «долговременные» (durable) и «мусор» (rubbish), который имеет нулевую ценность и представляет собой переходное состояние между первыми двумя категориями (Thompson 2017: 4). Эта модель отлично соотносится с наблюдениями Мэйхью о том, что на уличных

рынках Петтикот-Лэйн ничто никогда не выбрасывается. Вещи постоянно чинятся, перекрашиваются, так что любое категориальное различие между товаром и мусором стирается. Когда даже местные решают, что эти вещи уже невозможно использовать, их увозят в Ирландию, где они вступают в новый экономический цикл.

Впрочем, в силу собственной специализации автор делает акцент на анализе художественной литературы, и документалистика часто оказывается просто фоном для нее (как в итоге Мэйхью для Диккенса). Не случайно слово «культура» помещено на второе место в заглавии, после литературы.

Темой второй главы становится дискурс о корреляции человеческого тела и грязи на примере противопоставления холеры и туберкулеза, двух болезней, которые в рассматриваемый период наделялись полярными коннотациями. Если туберкулез эстетизировался и ассоциировался с чувствительностью, ранимостью и индивидуальностью, то холера отрицала любую эстетизацию и стирала все возможные различия между человеческим телом и грязью. В главе также рассматривается процесс конструирования дифференциации между бедностью как экономической категорией и нищетой как моральной, которая объясняется в источниках как последствие этической и физической нечистоты.

В третьей главе автор, ссылаясь на концепцию биополитики Фуко, ставит перед собой задачу проанализировать структуры и стратегии построения художественного и документального нарратива о жителях трущоб в викторианскую эпоху («поэтика грязи»). Описывая жителей трущоб, средний класс отказывал им в тех ценностях, которые являлись для него ключевыми, например викторианский культ семьи не распространялся на тех, кто находился за чертой бедности. Главным же выводом главы оказывается полная деперсонализация жителей трущоб и уподобление их грязи, которая фигурирует как неперменный атрибут описаний.

Лейтмотивом четвертой главы становится цитата из эссе Джорджа Оруэлла о главном стереотипе классовых различий: «низшие классы дурно пахнут» (Оруэлл 2018: 171). Шюльтинг указывает, что в фокусе ее внимания будет находиться не репрезентация грязи как таковой, а эмоциональные отклики на нее, отвращение, которое рассматривается в главе не просто как психологическое состояние, а как социальная и культурная практика, поддерживающая систему социального неравенства. В этой же главе Шюльтинг использует термин «включенное наблюдение», чтобы описать с его помощью экспедиции, которые устраивали в бедные районы города представители викторианского среднего класса. Этот термин для подобных экспедиций был предложен еще Марком Фриманом, который, однако, использовал его с определенными оговорками. Он указывал, что различие между теми, кто

занимается включенным наблюдением сегодня, и теми, что пытался это делать в викторианскую эпоху, большей частью заключается в том, что нынешние исследователи происходят из академической среды. В викторианский и эдвардианский период включенное наблюдение осуществлялось журналистами, социальными реформаторами и активистами благотворительного движения, которые переодевались в лохмотья и некоторое время жили в среде изучаемого ими населения, а затем печатали результаты своих исследований в популярных газетах или в виде памфлетов. Эти викторианские исследователи не были учеными в современном понимании этого слова, тем не менее, как аргументирует Фриман, их «журналистский метод» можно назвать прародителем нынешней методологии опроса, а самих викторианских исследователей – предшественниками нынешней традиции включенного наблюдения (Freeman 2001: 101–104).

Пятая глава посвящена вопросу о том, каким образом колониальные и постколониальные нарративы о грязи отражают политические, экономические, социальные и литературные нормы и модели XIX в. Автор указывает, что ее перспектива во многом сформирована дискурсом о «экскрементальном постколониализме», начало которому положил Джошуа Эсти. Последний развивал анализ Уорвиком Андерсоном «экскрементального колониализма» – конструирования идеи чужого в XIX в., выраженной в терминах отрицания за аборигенами европейских стандартов гигиены, которая приобретает практически трансцендентный характер (Esty 1999: 25). Сама Шюльтинг ставит перед собой задачу понять, каким образом нарративы о «колониальной» и «постколониальной» грязи ложатся в русло политических, экономических и социальных моделей, а также литературных норм того времени. Практически половину пятой главы занимает анализ «первой англоязычной повести, написанной индийским мусульманином» – это «Сумерки в Дели» Ахмеда Али (1940). Сам анализ кажется слегка избыточным по объему, поскольку в конце автор приходит к закономерному выводу, что, несмотря на повторение империалистской «санитарной» риторики, внутреннее наполнение романа выходит за рамки имитации европейского стиля. Исследованию такого уровня больше бы пригодились заключение, суммирующее выводы всех глав.

В целом текст исследования можно наложить на классическую модель, предложенную Мэри Дуглас. Формально упоминание о ее вкладе в разработку темы есть и у автора. В таком рассмотрении грязь становится детерминирующим фактором социальных отношений и выступает как маркер маргинальности в условиях викторианского общества, где чистота являлась признаком принадлежности к среднему классу и выше. Трудобой и их жители таким образом становятся внесистемными элементами картины мира и соотносятся с населением колоний, прежде

всего Индии, которая предстает аллегорией грязи как таковой, разделяя практически все викторианские коннотации грязи из трущоб, в том числе и гомоэротические. Маргинализация здесь выступает на грани евгеники, когда в ряде текстов жители трущоб уподобляются сорнякам, которые должны быть уничтожены ради сохранения полезных растений, то есть, более высоких ступеней социальной стратификации.

Таким образом, работа Забине Шюльтинг является ценным вкладом в разработку темы отходов в рамках дискурса изучения материальной культуры, а также блестящим исследованием одного из самых маргинальных нарративов урбанистической Великобритании XIX в. Рассматриваемая книга будет интересна специалистам по антропологии викторианского периода, а также всем тем, кого интересуют исследования материального (material studies).

Литература

- Оруэлл Дж. Фунты лиха в Париже и Лондоне. Дорога на Уиган-Пирс. М., 2018.
- Esty J.D. Excremental Postcolonialism // *Contemporary Literature*. 1999. Vol. 40, № 1. P. 22–59.
- Freedgood E. Coda: Victorian Thing Culture and the Way We Read Now // *The Ideas in Things: Fugitive Meaning in the Victorian Novel*. Chicago, 2006. P. 139–159.
- Freeman M. 'Journeys into Poverty Kingdom': Complete Participation and the British Vagrant, 1866–1914 // *History Workshop Journal*. 2001. № 52. P. 99–121.
- Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. N.Y., 1986. P. 64–92.
- Orser C.E. Jr. Beneath the Material Surface of Things: Commodities, Artifacts, and Slave Plantations // *Historical Archaeology*. 1992. Vol. 26, № 3. Meanings and Uses of Material Culture. P. 95–104.
- Pykett L. The Material Turn in Victorian Studies // *Literature Compass*. 2003. Vol. 1, Is. 1. P. 1–5.
- Thompson M. Rubbish Theory: The Creation and Destruction of Value. 2nd ed. L., 2017.

Д.А. Трынкина

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 19 июля 2019 г.

Trynkina Daria A., *Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow)*

CULTURAL BIOGRAPHY OF VICTORIAN DIRT

Review of Schülting S. *Dirt in Victorian Literature and Culture: Writing Materiality*. New York and London: Routledge, 2016. 204 p. ISBN13 9780367175719

References

- Orwell G. *Funty likha v Parizhe i Londone. Doroga na Uigan-Pirs* [Down and Out in Paris and London. The Road to Wigan Pier]. Moscow, 2018.
- Esty J.D. Excremental Postcolonialism, *Contemporary Literature*, 1999, Vol. 40, no. 1, pp. 22–59.
- Freedgood E. Coda: Victorian Thing Culture and the Way We Read Now. In: Freedgood E. *The Ideas in Things: Fugitive Meaning in the Victorian Novel*. Chicago, 2006, pp. 139–159.

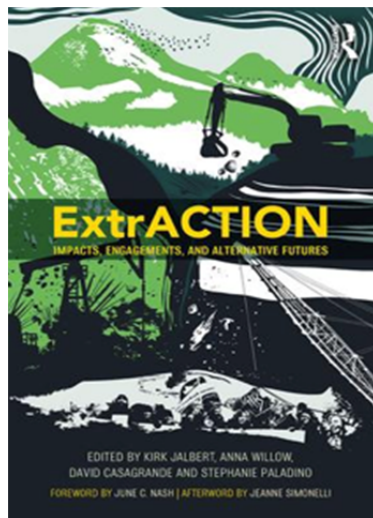
-
- Freeman M. 'Journeys into Poverty Kingdom': Complete Participation and the British Vagrant, 1866–1914, *History Workshop Journal*, 2001, no. 52, pp. 99–121.
- Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process. In: *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. NY, 1986, pp. 64–92.
- Orser C.E., Jr. Beneath the Material Surface of Things: Commodities, Artifacts, and Slave Plantations // *Historical Archaeology*. 1992. Vol. 26. No. 3. Meanings and Uses of Material Culture. P. 95–104.
- Pykett L. The Material Turn in Victorian Studies, *Literature Compass*, 2003, Vol. 1, Is. 1, pp. 1–5.
- Thompson M. *Rubbish Theory: The Creation and Destruction of Value*. 2nd edition. London, 2017.

УДК 316.4

DOI: 10.17223/2312461X/25/11

ЭКСТРАКТИВИЗМ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Jalbert Kirk, Willow Anna, Casagrande David, Paladino Stephanie (eds.)
ExtrACTION: Impacts, Engagements, and Alternative Futures. Routledge, New York, 2017. 238 p. ISBN-10: 162958469X

Коллективная монография «ExtrACTION: Impacts, Engagements, and Alternative Futures» (ЭкстрАКТИВИЗМ: воздействие, вовлечение и варианты будущего) объединяет серию кейс-стади в регионах, к моделям социально-экономического развития которых применим термин «ресурсное проклятие»¹. Такие регионы зачастую сталкиваются с рядом схожих проблем, в частности с проблемой урегулирования конфликтов, возникающих между добывающими компаниями и местным населением, в том числе аборигенным, а также между социально незащищенными группами и представителями государственной власти. Как показала недавняя дискуссия в журнале «Этнографическое обозрение»² (Функ 2018), вопрос о том, как антропологи (и только ли они?) могут оценить ущерб, наносимый добывающими компаниями и связанными с их деятельностью инфраструктурными проектами среде и населению, стоит очень остро. Монография «ExtrACTION...» предлагает примеры антропологического исследования схожих с российскими кейсов, а также теоретическую рамку, которая может быть эффективно применена для анализа социальных трансформаций и динамики конфликтов в ресурсодобывающих экономиках.

В названии книги используется игра слов «экстрактивизм» и «активизм»³, поскольку в фокусе исследователей находится низовое сопротивление, которое можно было наблюдать в конфликтах вокруг добывающей промышленности. Редакторы книги обращают внимание читателей на то, «насколько похоже разыгрываются современные конфликты» (здесь и далее перевод мой. – А.Б.) (с. ххii), связанные с деятельностью добывающих компаний (в книге анализируются кейсы из разных в культурном и экономическом отношении стран: США, Канады, стран Южной Америки, Австралии и Кыргызстана). Они видят причину этого сходства в том, что экстрактивизм является глобальным феноменом, частью общего глобализационного процесса и одной из форм воздействия мирового капитализма на местные экономики.

Авторы представляют экстрактивизм как базис глобализации, характеризуя соответствующую ему экономическую модель следующим образом: прибыль концентрируется в руках топ-менеджмента компаний с низким процентом реинвестиций в производство, рабочей силой часто выступают мигранты и / или производства располагаются в бедных странах с низкими налогами на доход, где эти доходы могут быть легко выведены из местной экономики, что только усиливает экономический разрыв между бенефициарами экстракции и местным населением; предприниматели в отсутствие инвестиционных возможностей не могут эффективно развивать вторичные отрасли и развивать местные экономики, а государство в конфликтах между добывающими компаниями и местным населением ограничивается защитой интересов элит (что в совокупности, собственно, и является распространенной характеристикой ситуации «ресурсного проклятия»). В определении экстрактивизма авторы опираются на классический в этом отношении труд под редакцией Генри Вельтмеера и Джеймса Петраса (Veltmeyer, Petras 2014). Авторы говорят об «экстракции» как о вывозе ресурсов из мест их происхождения ради получения выгоды, а об экстрактивизме – как об идеологической основе «экстракции». В этом смысле экстрактивизм – это именно идеология, часть неолиберализма или оппозиция энвайронментализму; и если непосредственно «экстракция» ресурса трансформирует территорию, то экстрактивизм трансформирует социальные структуры, культуру и политические взаимодействия (р. 6), что делает экстрактивизм подходящим объектом именно для антропологического исследования.

Особенное внимание анализу экстрактивизма как идеологии уделяют Дэниел Ренфрю и Карлос Сантоз, показывая противоборство двух образов Уругвая: «Продуктивного Уругвая» (с доминирующим экстрактивизмом и неолиберализмом) и «Свободного Уругвая» (как результат экоактивизма, с сильной энвайронменталистской идеологией и поддержанного широкой коалицией разных политических сил от Нью

Эйджа до троцкистов, а также неполитические группы сельскохозяйственных рабочих, туристических организаций и творческой интеллигенции) (р. 31–43).

Что касается «активизма», то для авторов важна активистская идея о том, что социальным изменениям предшествует трансформация сознания. Авторы уверены (хотя, возможно, это их *wishful thinking*), что яркие акции протеста «сеют семена для нового критического сознания», и «чем больше регионов столкнутся с последствиями экстрактивизма, тем более будут расширяться возможности политического протеста и развиваться представления об альтернативах ресурсозависимому миру» (р. 4). Для того чтобы доказать или опровергнуть подобное утверждение, на мой взгляд, необходимо не столько компаративное исследование, сколько анализ динамики социальных протестов.

При этом позиция авторов далека от нейтральной: рецензируемая книга является результатом дискуссий тематической группы внутри Ассоциации прикладных антропологов (SfAA), члены которой преданы миссии «позитивно влиять на качество человеческой жизни» (с. xxv); в дискуссиях принимали участие не только исследователи, но и другие специалисты (юристы, представители власти и общественных организаций), непосредственно работающие в сферах, связанных с добычей; сами авторы не отрицают, что некоторые из них не только были свидетелями акций протеста, но и становились их участниками. При этом книга рассчитана на широкую аудиторию связанных с проблемой людей, что не отменяет ее академичности.

В ходе разбора кейсов авторы не только демонстрируют успешные антиэкстрактивистские кампании, но и пытаются ответить на вопрос, почему все же некоторые общества оказываются неспособны осознать несправедливость распределения ресурсов в экстрактивных экономиках; так, кейс в Пенсильвании демонстрирует то, как дискурс о патриотизме маргинализирует протест (р. 46–60). Авторы показывают, что общества с низким политическим и экономическим капиталом часто оказываются неспособны противостоять вреду добывающих индустрий, что вызывает появление на планете «жертвенных зон» (концепт, используемый авторами исследования кейса в Луизиане) (р. 108–120), где бесконтрольно истощаются человеческие и природные ресурсы.

Книга написана в междисциплинарном ключе, так как у авторов различные академические бэкграунды, от STS до оценок рисков, теорий «экологической справедливости» и экономических циклов, что позволяет им комплексно представить экстрактивизм и связанные с ним общественные процессы. Структурно книга подразделяется на четыре части, каждая из которых объединяет статьи со схожей проблематикой.

Так, в части первой, «Истории и траектории», собраны статьи, рассматривающие историческое развитие экстрактивизма в ключевых экс-

трактивных регионах. Д. Остин и Т. МакГвайр исследуют трансформацию структуры рабочей силы в нефтегазовой отрасли в Америке, Д. Ренфрю и К. Сантос пишут о развитии урановой добычи в Уругвае, а Р. Кули и Д. Касагранде предлагают новый термин «энергополитика» в отношении добывающих индустрий, по аналогии с биополитикой Фуко.

Вторая часть книги, «Права и риски», посвящена актуальной и проблемной, в том числе и для российского поля, теме оценки воздействия, которое рассматривается не только с точки зрения инфраструктурных и природных изменений, но и с точки зрения влияния на здоровье населения (М. МакГрат, р. 77–92), на социальные взаимодействия между группами, смену состава населения территории. Например, Э. Палмер (р. 93–107) на примере Австралии показывает, как законодательные нормы влияют на возможные ответные реакции аборигенных групп на золотодобычу, а А. Фиски (р. 63–77) критически рассматривает популярную практику ЕИА (оценка воздействия на окружающую среду), которая, по мнению исследователей, сводится к количественному анализу без должного качественного и позволяет компаниям самостоятельно определять допустимые границы своего воздействия, не ставя под вопрос саму допустимость проекта по этическим или социокультурным причинам. Дж. Макдональдо (р. 108–120) показывает, как государственная и корпоративная риторика и государственно-частное партнерство в сфере энергодобычи формируют восприятие местным населением Луизианы работы добывающих индустрий.

Третья часть книги, «Трудности и возможности», посвящена кейсам низового сопротивления, в том числе сопротивлению индигенных народов на примере Австралии и США (в статье Дж. Бриссон и Э. Бушар-Бастьен рассматривается кейс аварии в Квебеке, а Т. Коэн исследует рекультивацию бокситовых разработок в Австралии), а также социальным и политическим структурам, которые выстраиваются вокруг подобного сопротивления (К. МакКой, В. Коптис и П. Гренадера исследуют активизм «экосправедливости» в Пенсильвании).

В четвертой части, «Альтернативы будущего», авторы анализируют постэкстрактивистские сценарии будущего. А. Виден анализирует представления о постэкстрактивном будущем Киргизии, Р. Надельман исследует Амазонский «экстрактивный императив» и сопротивление ему в Сальвадоре; Т. Патридж показывает, как современные экоактивисты критикуют дискурс углеродозависимости в экономике. В завершающей раздел статье Д. Пауэлл обращается к критике экстрактивизма у навахо, демонстрируя любопытный процесс, в котором борьба местного населения получает два разнонаправленных вектора: с одной стороны, за обретение прав на часть дохода от добычи ресурса и контроль над ходом экстракции и, с другой стороны, за возможность вообразить принципиально иную, не-экстрактивистскую модель развития территории.

Таким образом, широкому кругу социальных исследователей, чья работа связана с добывающей промышленностью, эта книга позволит посмотреть на процессы, происходящие в современной России, с помощью новых оптик, предлагаемых различными дисциплинами, и проследить локальные различия или, напротив, вписанность российских процессов в общемировую логику глобализации и экстрактивизма (на чем, наверное, настаивали бы авторы рецензируемой книги). Сами авторы призывают всех читателей включиться в творческий процесс поиска альтернатив экстрактивизму. Антропологические исследования среди местного населения, сопротивляющегося в различных формах несправедливому распределению ресурсов, инфраструктурным дисбалансам и экологическим потерям, могут дать нам идеи таких вариантов будущего, где экстрактивизм не будет доминирующей идеологией. Рецензируемая книга подводит читателя к тому, что проектирование социальных изменений в сторону постэкстрактивизма является важнейшей прикладной задачей социальных исследователей как в России (стране, испытывающей на себе эффект «ресурсного проклятия»), так и во всем мире.

Примечания

1. Проблему «ресурсного проклятия» на северных территориях России последние несколько лет изучает группа ученых из МГУ имени М.В. Ломоносова и Томского государственного университета под руководством Д.А. Функа при поддержке РНФ (см.: Миськова 2016; Басов 2018; Бородулина 2018; Поддубиков, Арцемович, Функ 2018; Функ 2018a). Данная работа также выполнена в рамках исследовательского проекта ««Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп», поддержанного Российским научным фондом (грант № 15-18-00112).

2. Тема вызвала горячий интерес среди специалистов, в журнал поступило большое количество реплик; продолжение дискуссии будет опубликовано в № 4 «Этнографического обозрения» за 2019 г.

3. В оригинале используется игра слов: ExtrACTION (экстракция, добыча, извлечение) – ACTION (протестная акция); при переводе я решила, что более подходящий вариант в русском языке будет «экстрактивизм-активизм».

Литература

- Veltmeyer H., Petras J.* (eds.) *The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model or Imperialism of the Twenty-First Century?* Zed Books, 2014.
- Funk D.* The “resource curse” phenomena in post-soviet Siberia (Russia): anthropological perspectives // *Сибирские исторические исследования*. 2018a. № 2. С. 82–90.
- Басов А.С.* Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в республике Саха (Якутия) РФ // *Сибирские исторические исследования*. 2018. № 2. С. 91–123.
- Бородулина А.С.* «Ресурсное проклятие» и стратегии жизнеобеспечения на острове Итуруп // *Сибирские исторические исследования*. 2018. № 2. С. 124–141.

- Миськова Е.В. Левиафан: дискурсивная зависимость от нефти. От ресурса к метонимии и обратно // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 83–107.
- Поддубиков В.В., Арцемович С.А., Функ Д.А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 142–163.
- Функ Д.А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018b. № 6. С. 66–113.

А.С. Бородулина

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Borodulina Alevtina S., Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow)

EXTRACTIVISM AND RESISTANCE

Review of Jalbert K., Willow A., Casagrande D., Paladino S. (eds.) *ExtrACTION: Impacts, Engagements, and Alternative Futures*. Routledge, New York, 2017. 238 p. ISBN-10: 162958469X

References

- The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model or Imperialism of the Twenty-First Century?* Henry Veltmeyer and James Petras (eds). Zed Books, 2014.
- Funk D.A. The 'resource curse' phenomena in post-soviet Siberia (Russia): anthropological perspectives, *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2018, no. 2, pp. 82–90.
- Basov A.S. Dialog i biurokraticheskie protsedury: etnologicheskaiia ekspertiza v respublike Sakha (Iakutiia) RF [Dialogue and bureaucratic procedures: 'etnologicheskaya ekspertiza' (ethnological impact assessment) in the Republic of Sakha (Yakutia)], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2018, no. 2, pp. 91–123.
- Borodulina A.S. «Resursnoe proklatie» i strategii zhizneobespecheniia na ostrove Iturup [The 'resource curse' and life strategies on the island of Iturup], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2018, no. 2, pp. 124–141.
- Miskova E.V. Leviatan: diskursivnaia zavisimost' ot nefi. Ot resursa k metonimii i obratno [Leviathan: the discursive dependence on oil. From resource to metonymy and back], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 4, pp. 83–107.
- Poddubikov V.V., Artsemovich S.A., Funk D.A. «Resursnoe proklatie» s antratsitovym otbлеском: korennye narody i dobyvaiushchie kompanii Kuzbassa v situatsii konflikta [The 'resource curse' with a shade of anthracite: indigenous peoples and extractive companies of Kuzbass in a conflict situation], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2018, no. 2, pp. 142–163.
- Funk D.A. «Etnologicheskaiia ekspertiza»: rossiiskii opyt otsenki sotsial'nogo vozdeistviia promyshlennykh proektov ['Ethnological expert assessment': A Russian experience in evaluating the social impact of industrial projects], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 6, pp. 66–113.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОРОДУЛИНА Алевтина Сергеевна – стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)
E-mail: alevtina.ethno@gmail.com

БРЯЗГИНА Диана Евгеньевна – аспирант, лаборант Лаборатории социально-антропологических исследований факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск (Россия)
E-mail: br.diana21@gmail.com

ВЕСЕЛОВСКАЯ Елизавета Валентиновна – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета; руководитель Лаборатории антропологической реконструкции, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)
E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru

ГРИГОРЬЕВА Ольга Михайловна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)
E-mail: labrecon@yandex.ru

ДЖАНЫЗАКОВА Сеиль Давлетовна – аспирант, ассистент кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск (Россия)
E-mail: seildzhanyzakova@gmail.com

КАЗАКОВ Владислав Витальевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии Новосибирского государственного университета; доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск (Россия)
E-mail: vkazakov@phys.nsu.ru

КОВАЛЕВ Василий Сергеевич – инженер Лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия)
E-mail: vasilij.s.kovalev@gmail.com

КОЖАНОВСКИЙ Александр Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)
E-mail: ankozhan49@yandex.ru

ЛБОВА Людмила Валентиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия)
E-mail: lbovapnr5@gmail.com

ЛЮБАРТ Маргарита Кемальевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)
E-mail: margarita_lubart@mail.ru

МАРНУЕВ Павел Евгеньевич – программист, Национальный музей Республики Бурятия, г. Улан-Удэ (Россия)
E-mail: marnuev@mail.ru

НАМСАРАЕВ Дашинима Валерьевич – научный сотрудник ООО «НПО Байкал-Экспедиция», г. Улан-Удэ (Россия)
E-mail: dashi1976@yandex.ru

НЕМИРОВСКИЙ Александр Аркадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН; старший научный сотрудник Международного центра антропологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва (Россия)
E-mail: sidelts@inbox.ru

ПЕСТРЯКОВ Александр Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)
E-mail: labrecon@yandex.ru

ПУШИН Артем Алексеевич – выпускник кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия)
E-mail: ortyom@gmail.com

РАССКАЗОВА Анна Владимировна – стажер-исследователь Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)
E-mail: labrecon@yandex.ru

СИМУХИН Александр Ильич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия); научный сотрудник Лаборатории археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ (Россия)
E-mail: simukhin.alexander@imbt.ru

ТРЫНКИНА Дарья Александровна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)
E-mail: uwwalo@mail.ru

ФАИС-ЛЕУТСКАЯ Оксана Давидовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)
E-mail: oxana-fais@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

BORODULINA Alevtina Sergeevna – Research Intern, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)
E-mail: alevtina.ethno@gmail.com

BRYAZGINA Diana Evgenievna – Doctoral Student; Laboratory Assistant, Laboratory for Social and Anthropological Research, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia)
E-mail: br.diana21@gmail.com

DZHANYZAKOVA Seil Davletovna – Doctoral Student; Assistant Lecturer, Department of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia)
E-mail: seildzhanyzakova@gmail.com

FAIS-LEUTSKAYA Oksana Davidovna – Cand.Sc. (History); Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences), Moscow (Russia)
E-mail: oxana-fais@yandex.ru

GRIGORIEVA Olga Mikhailovna – Cand.Sc. (Biology); Senior Research Fellow, Laboratory of Anthropological Reconstruction, Leading Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)
E-mail: labrecon@yandex.ru

KAZAKOV Vladislav Vitalievich – Cand.Sc. (Technology); Senior Research Fellow, Laboratory of Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia, Novosibirsk State University; Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk (Russia)
E-mail: kazakov@phys.nsu.ru

KOVALEV Vasiliy Sergeevich – Engineer, Laboratory of Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)
E-mail: vasilii.s.kovalev@gmail.com

KOZHANOVSKIY Aleksandr Nikolaevich – Dr.Sc. (History); Leading Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences), Moscow (Russia)
E-mail: ankozhan49@yandex.ru

LBOVA Lyudmila Valentinovna – Dr.Sc. (History), Professor, Department of Archeology and Ethnography, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)
E-mail: lbovapnr5@gmail.com

LYUBART Margarita Kemaliyevna – Cand.Sc. (History); Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences), Moscow (Russia)
E-mail: margarita_lubart@mail.ru

MARNUEV Pavel Evgenievich – Software Engineer, National Museum of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude (Russia)
E-mail: marnuev@mail.ru

NAMSARAEV Dashinima Valerievich – Research Fellow, NPO Baikal-Ekspeditsiya LLC, Ulan-Ude (Russia)

E-mail: dashi1976@yandex.ru

NEMIROVSKIY Aleksandr Arkadievich – Cand.Sc. (History); Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, International Centre of Anthropology, National Research University 'Higher School of Economics', Moscow (Russia)

E-mail: sidelts@inbox.ru

PESTRYAKOV Aleksandr Petrovich – Cand.Sc. (History); Senior Research Fellow, Laboratory of Anthropological Reconstruction, Leading Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: labrecon@yandex.ru

PUSHIN Artem Alekseevich – Alumnus, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

E-mail: ortyom@gmail.com

RASSKAZOVA Anna Vladimirovna – Research Intern, Laboratory of Anthropological Reconstruction, Leading Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: labrecon@yandex.ru

SIMUKHIN Aleksandr Ilich – Cand.Sc. (History); Research Fellow, Laboratory of Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia); Research Fellow, Laboratory of Archeology, Ethnology, and Anthropology, Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Ulan-Ude (Russia)

E-mail: simukhin.alexander@imbt.ru

TRYNKINA Daria Aleksandrovna – Cand.Sc. (History); Scientific Secretary, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: uwwalo@mail.ru

VESELOVSKAYA Elizaveta Valentinovna – Dr.Sc. (History); Professor, Russian State University for the Humanities; Head of the Laboratory of Anthropological Reconstruction, Leading Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

- название статьи на русском и в переводе на английский язык;
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indentation 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only*. *The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V. Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the «et al» is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the «et al» even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Dieckhoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at **www.journals.tsu.ru/siberia**

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2019. № 3

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 30.09.2019 г.
Формат 70х108¹/₁₆. Печ. л. 12,4. Усл. печ. л. 17,3. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 4000. Цена свободная.

Дата выхода в свет 15.10.2019 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru